

В.Н.Мамяченков

Роковые годы

**Материальное положение
колхозного крестьянства Урала
в послевоенные годы (1946 – 1960)**

**Издательство
Уральского
университета**

**Екатеринбург
2002**

ББК 63.3(2)63
М22

М22 Мамяченков В.Н.

Роковые годы: Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960): Монография. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета; Изд-во Уральского университета, 2002. – 312 с.

ISBN 5-901527-21-6

ISBN 5-7525-0802-9

В работе исследованы вопросы материального положения колхозников Уральского региона на примере Башкирии, Свердловской и Оренбургской областей в послевоенный период. На основе обширного массива данных бюджетных обследований проведен анализ уровня доходов, расходов и потребления данной категории населения. Значительная часть статистического материала публикуется впервые.

Для преподавателей и студентов вузов исторических специальностей и всех интересующихся историей Урала.

ББК 63.3(2)63

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор *В.П.Мотревич*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В.Л.Берсенёв*;

кандидат исторических наук, доцент *Л.Н.Мазур*

ISBN 5-901527-21-6

ISBN 5-7525-0802-9

© В.Н.Мамяченков, 2002

© Оригинал-макет.

Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002

Содержание

От автора	13
Введение	15
<i>Глава первая</i>	
Историография и источники	27
<i>Глава вторая</i>	
Доходы колхозников Урала в послевоенные годы	75
2.1. Материальное положение колхозного крестьянства Урала после окончания Великой Отечественной войны	76
2.2. Натуральные доходы колхозников и личное подсобное хозяйство	86
2.3. Денежные доходы колхозников	130
<i>Глава третья</i>	
Расходы и потребление крестьянской семьи	137
3.1. Общий уровень потребления и питание колхозной семьи в послевоенный период	138
3.2. Потребление непродовольственных товаров	181
3.3. Денежные расходы колхозников и налоговая политика государства	191
<i>Глава четвертая</i>	
Командно-административная экономика и российское село: социально-демографический аспект	201
4.1. Затратная экономика и разрушение российского села	202
4. 2. Неутешительные итоги	217
Заключение	223

Источники и литература	231
I. Архивные материалы	231
II. Опубликованные источники	231
III. Статистические публикации	233
IV. Научные публикации	235
V. Художественная, мемуарная и публицистическая литература	253
VI. Интернет-источники	254
Приложения	255
<i>Приложение 1</i>	
Динамика численности населения России (млн. чел.)	256
<i>Приложение 2</i>	
Динамика численности сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны и в послевоенный период (тыс. чел.)	257
<i>Приложение 3</i>	
Электрификация колхозов Урала	258
<i>Приложение 4</i>	
Потребление основных продуктов питания колхозниками Урала в годы Великой Отечественной войны (кг на одну наличную душу в год)	259
<i>Приложение 5</i>	
Потребление основных продуктов питания колхозниками Свердловской области в годы Великой Отечественной войны (кг на одну наличную душу в год)	261
<i>Приложение 6</i>	
Денежные доходы колхозников в Свердловской области в годы войны (рублей на одну наличную душу)	262
<i>Приложение 7</i>	
Денежные расходы колхозников в Свердловской области в годы войны (рублей на одну наличную душу)	263

Приложение 8

Государственные розничные цены на промтовары до Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (в рублях за единицу товара)	264
--	-----

Приложение 9

Государственные розничные цены на продукты питания в первые послевоенные годы (рублей за кг)	267
---	-----

Приложение 10

Использование труда колхозников Урала (суммарно на 100 хозяйств)	269
---	-----

Приложение 11

Натуральный доход колхозников Урала за работу в колхозе и МТС (кг на одну наличную душу в год)	274
---	-----

Приложение 12

Обеспеченность скотом колхозников Урала (голов на 100 наличных душ колхозников на начало года) ...	276
---	-----

Приложение 13

Продуктивность ЛПХ колхозников Урала в 1950-х годах	280
--	-----

Приложение 14

Количество хозяйств колхозников Свердловской области, имевших скот (в процентах к общему числу хозяйств)	281
---	-----

Приложение 15

Количество хозяйств колхозников Свердловской области, не имевших скота (в процентах к общему числу хозяйств)	282
--	-----

Приложение 16

Площади посевов в хозяйствах колхозников Урала (на одно хозяйство)	283
---	-----

Приложение 17

Потребление продовольственных промышленных товаров колхозниками Урала (кг на 100 наличных душ в год)	287
--	-----

Приложение 18

Денежные доходы колхозников Свердловской области (рублей на 100 наличных душ в год)	292
--	-----

Приложение 19

Денежные расходы колхозников Свердловской области (рублей на 100 наличных душ в год)	293
---	-----

Приложение 20

Потребление основных непромышленных продуктов питания колхозниками Свердловской области (кг на 100 наличных душ в год)	294
--	-----

Приложение 21

Покупка продуктов питания колхозниками Свердловской области (кг на 100 наличных душ в год)	295
--	-----

Приложение 22

Приобретение и покупка непродовольственных промтоваров колхозниками Свердловской области (на 100 наличных душ в год)	296
--	-----

Приложение 23

Покупка кормов колхозниками Свердловской области (кг на 100 наличных душ в год)	297
---	-----

Приложение 24

Продажа продуктов сельского хозяйства колхозниками Свердловской области (кг на 100 наличных душ в год)	298
--	-----

Приложение 25

Денежные расходы колхозников Башкирии (рублей на 100 наличных душ в год)	299
--	-----

Приложение 26

Потребление основных непромышленных продуктов питания колхозниками Башкирии (кг на 100 наличных душ в год)	300
--	-----

Приложение 27

Покупка продуктов питания колхозниками Башкирии (кг на 100 наличных душ в год)	301
--	-----

Приложение 28

Приобретение и покупка непродовольственных промтоваров колхозниками Башкирии (на 100 наличных душ)	302
--	-----

Приложение 29

Денежные доходы колхозников Оренбургской области (рублей на 100 наличных душ в год)	303
---	-----

Приложение 30

Денежные расходы колхозников Оренбургской области (рублей на 100 наличных душ в год)	304
--	-----

Приложение 31

Потребление продуктов питания колхозниками Оренбургской области (кг на 100 наличных душ в год)	305
--	-----

Приложение 32

Покупка продуктов питания колхозниками Оренбургской области (кг на 100 наличных душ в год)	306
---	-----

Приложение 33

Продажа продуктов питания колхозниками Оренбургской области (кг на 100 наличных душ в год)	307
---	-----

Приложение 34

Приобретение и покупка непродовольственных промтоваров колхозниками Оренбургской области (на 100 наличных душ в год)	308
--	-----

Список сокращений	309
-------------------------	-----

Перечень имеющихся в монографии таблиц и диаграмм

Таблицы

Глава вторая

Доходы колхозников Урала в послевоенные годы	75
--	----

Таблица 1

Поступление продуктов сельского хозяйства в семьи колхозников Свердловской области от ЛПХ, колхоза и путем самозаготовок (кг на одну наличную душу в год)	81
--	----

Таблица 2

Приобретение непродовольственных промтоваров колхозниками Свердловской области (на одну наличную душу)	83
--	----

Таблица 3

Использование труда колхозников Свердловской области в годы Великой Отечественной войны	84
--	----

Таблица 4

Использование труда колхозников Урала в послевоенные годы	91
--	----

Таблица 5

Средние площади посевов в ЛПХ колхозников Урала	96
---	----

<i>Таблица 6</i>	Размеры площадей посевов в ЛПХ населения Урала	97
<i>Таблица 7</i>	Удельный вес картофеля как основной культуры в ЛПХ колхозников Урала	101
<i>Таблица 8</i>	Получение колхозниками Урала основных продуктов питания от ЛПХ (кг на одну наличную душу в год)	104
<i>Таблица 9</i>	Удельный вес продуктов, поступивших из ЛПХ, в общем объеме поступивших за год продуктов колхозников Свердловской области (в %)	107
<i>Таблица 10</i>	Обеспеченность скотом и птицей хозяйств колхозников (голов скота и птицы на 100 колхозников на начало года)	112
<i>Таблица 11</i>	Получение колхозниками Урала сена от колхоза	118
<i>Таблица 12</i>	Покупка кормов крестьянами Свердловской области	119
<i>Таблица 13</i>	Средний размер натуроплаты одного человекодня в колхозах Урала	126
<i>Таблица 14</i>	Продажа основных продуктов питания колхозниками Свердловской области (кг на одну наличную душу в год) ...	127
<i>Таблица 15</i>	Покупка колхозниками Свердловской области основных продуктов питания (кг на одну наличную душу в год)	129
Глава третья		
	Расходы и потребление крестьянской семьи	137
<i>Таблица 16</i>	Потребление основных продуктов питания колхозниками Урала в послевоенные годы	147
<i>Таблица 17</i>	Сравнительные данные потребления основных продуктов питания населением различных стран (кг на одну наличную душу в год)	155

Таблица 18

Сравнительные данные потребления основных продуктов питания крестьянством СССР и всем населением страны в целом в 1952 году 161

Таблица 19

Среднедушевое потребление основных продуктов питания рабочими Свердловска (кг на одну наличную душу в год) 162

Таблица 20

Потребление основных продуктов питания рабочими совхозов Башкирии и Свердловской области в 1960 году (кг на одну наличную душу в год) 163

Таблица 21

Сравнительные данные потребления основных продуктов питания различных категорий населения РСФСР в 1959 году (кг на одну наличную душу в год) 165

Таблица 22

Удельный вес продуктов ЛПХ, использованных колхозниками на питание (в %) 166

Таблица 23

Нормы потребления продуктов питания заключенными в СССР в 1950-х годах 169

Таблица 24

Потребление основных продуктов питания населением Свердловской области (кг на одну наличную душу в год) 173

Таблица 25

Потребление основных непродовольственных товаров колхозниками Урала в послевоенные годы (на одну наличную душу в год) 184

Таблица 26

Приобретение непродовольственных товаров рабочими промышленных предприятий Свердловска (на одну наличную душу в год) 187

Таблица 27

Структура и динамика денежных расходов колхозников Урала (рублей на одну наличную душу в год) 192

Таблица 28

Уплата налогов колхозниками Урала 196

*Таблица 29*Уплата налогов в денежной форме колхозниками
и рабочими Свердловской области 197**Глава четвертая**Командно-административная экономика
и российское село: социально-демографический аспект 201*Таблица 30*Исходные и полученные данные к расчету численности
потерь сельского населения СССР и России
в 1926–1937 гг. (млн. чел.) 210**Диаграммы****Глава вторая**

Доходы колхозников Урала в послевоенные годы 75

*Диаграмма 1*Обеспеченность крупным рогатым скотом
колхозников Урала
(голов на 100 наличных душ колхозников на начало года) 115*Диаграмма 2*Обеспеченность скотом и птицей
колхозников Оренбургской области
(голов на 100 наличных душ колхозников
на начало года) 116**Глава третья**

Расходы и потребление крестьянской семьи 137

*Диаграмма 3*Сравнительная динамика денежных доходов колхозников
Свердловской области и цен на некоторые товары
широкого потребления 144

Диаграмма 4

Потребление основных продуктов питания колхозниками Башкирии (в сравнении с рациональными нормами потребления)	157
--	-----

Диаграмма 5

Потребление основных продуктов питания колхозниками Оренбургской области (в сравнении с рациональными нормами потребления)	157
--	-----

Диаграмма 6

Потребление основных продуктов питания колхозниками Свердловской области (в сравнении с рациональными нормами потребления)	158
--	-----

Глава четвертая

Командно-административная экономика и российское село: социально-демографический аспект	201
--	-----

Диаграмма 7

Динамика численности сельского населения Урала в 1940 – 1950-х годах	205
---	-----

Моим родственникам, жившим в этой стране в двадцатом веке, но абсолютное большинство из которых я так никогда и не увидел, им, погибшим в ходе безумной гражданской войны, в годы людоедской сталинской коллективизации, на фронтах Великой Отечественной войны, преждевременно состарившимся и умершим от непосильного труда и лишений, всем им, ставшим безвинными жертвами бесчеловечной системы,

ПОСВЯЩАЮ

Автор

От автора

Эта книга – плод почти десятилетней работы в архивах и библиотеках. В основу ее положены прежде всего данные бюджетных обследований населения Урала в послевоенные годы и касаются они материальных условий жизни значительной и, пожалуй, самой обездоленной его категории – колхозного крестьянства. Нет нужды лишний раз напоминать, что тема качества жизни (а материальные условия – одно из важнейших его составляющих) всегда была и останется предметом бесконечных дискуссий и, к сожалению, непрекращающихся спекуляций. С особенной силой это утверждение проявило себя в годы противостояния командно-административной и рыночной экономик в XX веке. И хотя это противостояние двух систем происходило во всех сферах жизни от политики до науки, свое окончательное разрешение оно нашло именно в экономической сфере.

Несмотря на многолетние попытки коммунистического режима убедить население нашей многострадальной страны в безусловном приоритете только духовных благ, проблема материального бытия не могла быть полностью снята с повестки дня. По вполне объективным и не зависящим от правящей идеологии причинам советские люди, как и все прочие, хотели зарабатывать больше денег, носить добротную и красивую одежду и употреблять в пищу полезные и качественные продукты питания. Даже мощное воздействие аппарата государственной пропаганды так и не заставило большинство населения страны искать удовлетворения своих материальных запросов в нематериальном мире. А поэтому правящий в Советском Союзе режим, хотел он этого или нет, постоянно нуждался в подкреплении правильности своей социально-экономической политики конкретными данными, свидетельствующими о «неуклонном росте благосостояния советских людей».

Объективнее же всего, на наш взгляд, об уровне материальной обеспеченности населения говорят беспристрастные цифры бюджетно-статистической отчетности. Долгие годы скрытые от посторонних глаз под грифом «Для служебного пользования», они дают объективное представление об уровне жизни населения уже хотя бы потому, что изначально не предполагали свободного доступа к себе. Именно им, по нашему глубокому убеждению, должен принад-

лежать решающий голос в эмоциональном споре между сторонниками и противниками командно-административных методов управления экономикой и обществом. Именно они, в конечном итоге, являются самым весомым аргументом, доказывающим преимущества того или иного общественного строя, ибо высокое материальное благосостояние граждан – конечная цель не только экономической политики любого государства, но и цель его функционирования вообще. К сожалению, эту простую и вечную истину не мог и не хотел понять бесчеловечный режим, правивший в нашей стране с 1917-го по 1991 год.

...Автор посвятил этот труд всем своим безвременно ушедшим из жизни родственникам и прежде всего – своему отцу. И сделано это не из желания реализовать свое авторское право в не совсем обычной форме. Жизни этих людей, как и жизни многих миллионов наших сограждан, были безжалостно изломаны тоталитарным государством, которое использовало их как расходный материал для достижения целей, имеющих мало общего с достижением достойных человека условий жизни. Все они без исключения были крестьянами или вышли из крестьян и все они отдали этому государству свои силы и здоровье, а в конечном итоге -- жизнь. О том, как оно относилось к ним и что дало взамен -- лучше всего говорят цифры и факты, изложенные в этой книге.

Введение

Аграрный вопрос и вся совокупность связанных с ним проблем всегда вызывали в нашей стране исключительный интерес к себе как со стороны власти, так и со стороны всех слоев общества. И это неудивительно: ведь почти всю свою многовековую историю Россия была страной преимущественно крестьянской, сельское население в ней преобладало до начала 1960-х годов. Абсолютное большинство судьбоносных для России исторических катаклизмов в качестве важнейшей своей первопричины имели противоречия в аграрной сфере. Уже поэтому данный вопрос неизменно фигурировал в программах всех без исключения политических партий в России до 1917 года. То же самое мы наблюдаем и сейчас, в начале нового века, когда после нескольких десятилетий безраздельного господства партии коммунистов наша страна вновь вернулась в русло цивилизованной многопартийной политической системы.

Конечно, экономисты быстро подсчитают количественные итоги прошедшего века. У историков и социологов задача сложнее: им надо оценить качественные изменения, произошедшие в обществе, выделить то главное, что составило содержание ушедшей эпохи. А поработать им есть над чем: ведь в XX веке произошло много таких событий, которые очень надолго останутся в людской памяти. И хотя давать категорические оценки нашему недавнему прошлому, видимо, еще рано, но несомненно то, что минувший век прошел под знаком противостояния двух систем – демократической и тоталитарно-коммунистической, или, говоря экономическим языком, рыночной и командно-административной.

Государство, провозгласившее своей целью построение коммунистического общества, просуществовало по историческим меркам всего лишь мгновение – 74 года, именно столько просуществовал советский строй. Но шлейф последствий этих лет будет тянуться, несомненно, еще не одно столетие. По масштабности своего воздействия на все сферы жизни общества события 1917-го и последующих лет можно сравнить разве что с крещением Руси или монголо-татарским игом.

В наше динамичное, сложное и неоднозначное время, когда для отечественной исторической науки как никогда актуальной является проблема осознания роли индивида в окружающем мире, изучение его образа жизни в прошлом и настоящем, именно аграрный вопрос, возможно, как ни один другой, нуждается в новом осмыслении и понимании. А для этого необходим объективный анализ тех событий и явлений, которые происходили в сельскохозяйственном секторе экономики нашей страны, особенно после событий октября 1917 года. Они же, в свою очередь, так или иначе, всегда отражались прежде всего на материальном положении сельского населения. Неудивительно поэтому, что проблема материального благосостояния российского крестьянства привлекает неослабное внимание историков-аграрников.

Сейчас уже не вызывает серьезных возражений утверждение о том, что повышение материального благосостояния всех членов общества есть универсальный критерий эффективности как экономического механизма в отдельности, так и всей социально-политической системы в целом. Именно неуклонное улучшение материальных условий жизни является главным приоритетом развития всякого цивилизованного общества. Поэтому изучение проблем благосостояния населения в настоящее время стало важнейшим направлением научных изысканий в исторических, экономических и социальных дисциплинах, предметом непрекращающихся дискуссий о путях достижения достойного человека уровня жизни.

Необходимо отметить, что такие понятия, как «материальная обеспеченность», «материальное благосостояние», «материальное положение», «материально-бытовые условия» и, наконец, «уровень жизни» используются в периодической и, нередко, в научной литературе без четкого их разграничения. Несомненно, что наиболее обобщающим из них является уровень жизни, который отражает благосостояние населения и представляет собой «уровень потребления населением материальных и духовных благ и степень удовлетворения потребностей в этих благах на данной ступени развития общественного производства»¹. Он характеризуется системой количественных и качественных показателей: объемом реальных доходов на душу населения, уровнем и структурой потребления продовольственных и непродовольственных товаров, а также услуг, уров-

¹ Большой энциклопедический словарь. М., 1991. С. 1390.

нем и динамикой цен, жилищными условиями, уровнем образования и медицинского обслуживания, средней продолжительностью жизни и т.д. Если же имеется в виду только материальный аспект уровня жизни, то, на наш взгляд, целесообразно использовать понятие материально-бытовых или же (в еще более узком смысле) материальных условий жизни.

Особенностью существовавшей в нашей стране социально-экономической системы, основанной на командно-административных методах управления, было, прежде всего, ориентирование всей жизни общества на систему так называемых валовых показателей. При этом такой показатель, как уровень жизни граждан, отходил на второй план, уступая место мало что говорящим и обезличенным цифрам. Сейчас стало модно упоминать только недостатки той командной системы, но объективности ради надо сказать и о достоинствах. Так, в известной степени, положительной особенностью этой системы, по нашему мнению, была ее способность к предельной концентрации всех имеющихся в ее распоряжении ресурсов для решения поставленных задач. Б.В.Соколов, известный своими исследованиями по истории Великой Отечественной войны, говорит об этом как о способности «сохранять общественную стабильность и воспроизводить государственные структуры в самых экстремальных ситуациях»².

Конечно, это было возможно только вследствие предельно пренебрежительного отношения государства к таким общечеловеческим ценностям, как свобода, демократия, невмешательство в частную жизнь граждан и, конечно, уровень их жизни. Наделив себя правом верховного распорядителя человеческих судеб, советское государство вынуждало своих подданных идти на крайние лишения и таким образом добивалось порой впечатляющих достижений (правда, в сферах деятельности, далеких от народного благосостояния). Впечатляющих, если абстрагироваться от цены подобных достижений. Цена же эта всегда была неприемлемо высокой. Наш народ заплатил самую невероятную, чудовищную по цивилизованным меркам цену за все авантюры советского государства. Миллионы советских людей погибли в годы индустриализации промышленности и, особенно, коллективизации сельского хозяйства страны (как теперь совершенно ясно, преступной и абсолютно бес-

² *Соколов Б.В.* Цена Победы. М., 1991. С. 175–176.

смысленной). Причинами их гибели были невыносимые условия труда и жизни, голод и лишения. К этим миллионам следует прибавить и просто уничтоженных в многочисленных тюрьмах и концентрационных лагерях, счет которым также идет на миллионы.

С особенной же силой цинизм и жестокость, затратность экономики и неэффективность управления советского государства проявились в годы Великой Отечественной войны. Да, в этом невиданном в истории столкновении двух тоталитарных государств победил коммунистический режим, а нацистская Германия была разгромлена. Наверное, поэтому мы по праву победителя до сих пор имеем фашистским только тогдашний германский режим, хотя принципиальной разницы между этими двумя людоедскими тираниями — нацистской и коммунистической — не было. Да, мы победили, но, как всегда, заплатив за победу невероятную цену.

Результат всех этих огромных потерь — это прежде всего выхолащивание генофонда нации, так как война всегда забирает не только наиболее здоровую и активную — мужскую — часть населения, но и, что немаловажно, наиболее развитую в духовном отношении. Для Советского Союза, еще только входившего в фазу урбанизации общества, это означало, прежде всего, безвозвратную потерю значительной части уцелевшего после коллективизации крестьянства. Именно они, крестьяне Центральной России, Урала, Сибири, Дальнего Востока и других регионов страны вымостили ту страшную дорогу войны, выполнив роль расходного материала для достижения Победы.

Вполне можно согласиться с видным аналитиком, в течение двенадцати лет возглавлявшим информационно-аналитическое управление внешней разведки СССР, генерал-лейтенантом, доктором исторических наук Н.С.Леоновым, который с горечью написал следующие строки: «Генофонд народа был основательно подорван за годы XX века. Из первых полвека 15 лет Россия непрерывно воевала (русско-японская война, первая мировая, гражданская, финская, вторая мировая), потеряв в общей сложности 35–37 млн. молодых здоровых мужчин. На фронтах всегда в первую очередь гибнут самые смелые, честные, совестливые люди. Даже во время войны лучше выживают симулянты, трусы, приспособленцы, от которых, скорее всего, будут рождаться такие же дети»³.

³ Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1995. С. 171.

В предлагаемой монографии рассматриваются вопросы, связанные как раз с послевоенной историей уральского крестьянства. Она посвящена исследованию материального положения наиболее значительной части сельского населения Урала, а именно колхозного крестьянства, в части его доходов, расходов и потребления продуктов питания и непродовольственных товаров в послевоенные годы. Современный уровень развития методики исторического познания, теоретическая разработка сущности понятия «материальные условия жизни», а также вовлечение в научный оборот новых видов исторических источников, прежде всего массового характера, позволяют провести комплексное изучение этой проблемы. Разработка ее велась на стыке таких научных дисциплин, как история, социология и экономика.

Говоря об актуальности темы исследования, надо отметить, что после насильственно проведенной в 1930-х годах коллективизации именно колхозники стали преобладающей категорией по отношению ко всем остальным жителям сельской местности – крестьянам-единоличникам, рабочим совхозов и немногочисленной сельской интеллигенции. И хотя, начиная с 1941 года, численность колхозников, как и численность всего сельского населения, имела постоянную тенденцию к снижению, но даже в конце исследуемого периода, в 1959 году, колхозники еще составляли 57,2% численности сельского населения СССР⁴. Что касается Урала, то доля колхозников здесь в указанном году составляла 51,9% сельского населения, то есть примерно на 10% меньше, чем в 1939-м. Абсолютная же численность колхозного крестьянства на Урале всего за полстолетия (с 1930-го по 1980 год) сократилась в 3,5 раза⁵. В связи с этим уместно напомнить, что в 1913 году крестьяне-единоличники вместе с некооперированными кустарями составляли две трети населения Российской империи, а в 1928-м, накануне коллективизации, в Советском Союзе эта категория составляла почти три четверти всего населения⁶.

⁴ **Абдулин Р.Г.** Потребление продуктов питания сельским населением. М., 1973. С. 7.

⁵ Уральская энциклопедия. Екатеринбург, 1999. С. 289.

⁶ **Белянов В.А.** Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970. С. 7.

Идеология, господствовавшая в нашей стране в течение семи десятилетий, всячески поддерживала ею самой созданный миф о «грандиозном» подъеме материального благосостояния советского народа, в том числе и колхозников, за годы правления КПСС. Поэтому проблема материальных условий жизни населения рассматривалась, за редким исключением, только в свете поступательного движения нашей страны к прекрасному коммунистическому будущему. При этом любое количественное или качественное улучшение какого-либо показателя служило неоспоримым доказательством преимуществ плановой социалистической экономики, а на все прочие случаи находились «убедительные» оправдательные аргументы, обеспечение которых было возложено на общественные науки. «На протяжении десятилетий, — отмечала академик Т.И.Заславская, — общественные науки в СССР не имели, по сути, социального заказа. От них требовали лишь подтверждения непогрешимости проводимой социально-экономической политики, а не проектов радикальных преобразований»⁷.

Таким образом, проблема материального положения колхозников в послевоенные десятилетия не могла не быть объектом спекуляции со стороны большей части тех историков, экономистов и социологов, которые ее изучали. К тому же следует учесть, что для исследователей 1950–1970-х годов была еще недоступна та источниковая база, которая имеется в их распоряжении в настоящее время. Но, хотя в последние десятилетия возможности для изучения данной проблемы стали значительно более обширными, она по-прежнему остается фактически малоисследованной. Так, М.А.Безнин отмечал, что проблема материального благосостояния колхозников «по-прежнему остается малоизученной. Прежде всего, не освещена в должной степени фактическая сторона материального положения крестьянства (выделено нами. – В.М.)... Особенно слабо изучены процессы эволюции жизненного уровня крестьянства в различных регионах России, в том числе ее центральной части – Нечерноземья»⁸. Слабую изученность изменений в материальном положении уральского крестьянства в послевоенный период отмечал

⁷ *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991. С. 3.

⁸ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в российском нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1991. С. 9.

ряд авторов⁹. Настоящая монография должна, как нам представляется, восполнить этот пробел.

Таким образом, актуальность темы и недостаточная разработанность проблемы определили цель написания данной монографии, которая состоит в том, чтобы на основе подробного анализа собранных статистических данных, а также сведений нестатистического характера дать объективную оценку материальных условий жизни колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы в части его доходов, расходов и потребления продуктов питания и непродовольственных товаров.

Главные задачи исследования, вытекающие из целевой установки, могут выглядеть следующим образом:

- дать оценку общей социально-экономической ситуации в сельском хозяйстве Уральского региона, сложившейся после окончания Великой Отечественной войны;
- проанализировать построенные по данным исследованных источников годовые динамические ряды доходов, расходов и потребления крестьянских хозяйств за изучаемый период, а также динамические ряды вспомогательных показателей. К последним относятся показатели, характеризующие уровень развития личных подсобных хозяйств (в дальнейшем – ЛПХ) и использования труда колхозников. В частности, таковыми являются обеспеченность скотом и землей их хозяйств, структура затрат рабочего времени и другие;
- изучить основные закономерности и тенденции факторов, определяющих уровень материальной обеспеченности сельского населения;
- выяснить источники денежных и натуральных доходов колхозников и основные статьи их расходов;
- исследовать фактический уровень среднедушевых доходов, расходов и потребления и сравнить полученные данные с аналогичными по другим категориям населения, а также с научно обоснованными нормами потребления;

⁹ См. например: *Александров В.А., Волков И.М., Тюкавкин В.Г.* Проблемы изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVI съезда КПСС // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984. С. 21; *Ветлугин И.М., Потапов Н.Г., Толмачева Р.П.* Историография истории послевоенной уральской деревни // Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии. Кишинев, 1977. С. 157.

- определить роль и степень влияния различных причин исторического, социально-политического и экономического порядка на уровень доходов, расходов и потребления колхозного крестьянства.

Исходя из этой целевой установки объектом исследования в данной работе является материальный аспект уровня жизни колхозников Уральского региона. Предметом исследования являются уровень доходов, расходов и потребления колхозниками продуктов питания и непродовольственных товаров в послевоенный период.

Исследование охватывает территории Республики Башкортостан (до 1990 года – Башкирская АССР), а также Оренбургской (до 1957 года – Чкаловская) и Свердловской областей. При выборе территории для исследования мы исходили из следующих четырех основных предпосылок.

Во-первых, среди названных трех территорий Башкирия, как и сейчас, представляла в исследуемый период одно из двух национально-территориальных образований Урала. Одна из областей – Оренбургская – имела тогда явно выраженную сельскохозяйственную ориентацию, а Свердловская, наоборот, промышленную.

Во-вторых, географически территории данных образований охватывают практически всю экономически активную часть Уральского региона – от Южного Урала до Северного включительно.

В-третьих, указанные республика и две области были и остаются крупнейшими производителями сельскохозяйственной продукции на Урале. Их суммарный удельный вес в исследуемый период составлял: в 1946 году 54%, в 1950-м – 53% и в 1960-м – 57% от валового объема продукции сельского хозяйства Урала¹⁰.

И, наконец, в-четвертых, по остальным территориям Урала (Удмуртия, Курганская, Пермская и Челябинская области) либо полностью за указанный период, либо за ряд лет отсутствуют необходимые статистические данные. Это не позволяет построить и с достаточной степенью достоверности проанализировать соответствующие динамические ряды.

Таким образом, тремя названными территориями с достаточной полнотой представлено, на наш взгляд, все экономическое, географическое, климатическое и этническое разнообразие Уральского региона. Поэтому данные территории в совокупности обеспечивают достаточный уровень репрезентативности при проведении исследования.

¹⁰ Рассчитано по: *Мотревич В.П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Свердловск, 1991. С. 29, 41, 70.

Структура работы определена исходя из целей и задач исследования. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и источников и приложений. В первой главе дана подробная характеристика источников, послуживших основой для написания монографии. Таковыми, в основном, явились, во-первых, архивные материалы по бюджетным исследованиям, – как введенные в научный оборот предшественниками, так и обнаруженные автором. Во-вторых, это опубликованные источники, представляющие собой различного рода сборники статистических сведений, а также решений различных партийных и государственных органов по вопросам сельского хозяйства. В-третьих, это массивный пласт научной литературы, посвященной вопросам материального благосостояния крестьянства, истории развития бюджетных исследований и другим вопросам, связанным с темой нашего исследования.

Во второй главе основное внимание уделено рассмотрению источников доходов колхозников – натуральных и денежных. При этом дается общая картина состояния сельского хозяйства страны и региона в исследуемый период, определяющей чертой которого были последствия только что закончившейся Великой Отечественной войны. В главе также рассмотрены роль ЛПХ колхозников в обеспечении их семей продуктами питания, проблема обеспечения крестьянских хозяйств скотом и птицей, вопросы оплаты труда в колхозах. Особое внимание уделено политике государства, в особенности – налоговой, в отношении колхозников и их доходов.

В третьей главе исследованы вопросы потребления и расходов колхозной семьи. Значительное внимание уделено рассмотрению структуры и качества питания колхозников в послевоенный период в сравнении с аналогичными показателями рабочих совхозов и городских промышленных предприятий, а также с научно обоснованными нормами питания. Важное место в главе отведено вопросам обеспечения сельского населения непродовольственными промышленными товарами. Здесь же рассматриваются данные о денежных расходах колхозников.

И, наконец, в четвертой главе затронут демографический вопрос. Здесь мы попытались выявить причинно-следственную связь между политикой советского государства по отношению к крестьянству и динамикой его численности. Для этого нам пришлось совершить экскурс в далекие 1930-е годы, ставшие печальной вехой в истории как нашей страны в целом, так и ее крестьянства.

Материалы и выводы, содержащиеся в монографии, могут быть использованы в дальнейшей научной разработке проблемы «Материальное положение колхозного крестьянства», а также проблемы уровня жизни сельского населения вообще и граждан России в целом, при создании обобщающих трудов по аграрной истории Урала и России и, наконец, при разработке специальных вузовских лекционных курсов. Кроме того, данные исследования, как нам представляется, неоспоримо свидетельствуют о крайне низком уровне доходов и потребления колхозников Урала в послевоенные годы. Они ярко иллюстрируют пагубность командно-административной системы управления экономикой и служат еще одним весомым аргументом против различного рода теорий «революционного» преобразования общества.

Несколько слов о хронологических рамках исследования. Они охватывают период с 1946-го по 1960 год. В это время в экономической и политической жизни всей страны и Уральского региона происходили важные события. Это, прежде всего, послевоенное восстановление экономики, дальнейшее углубление ее системного кризиса и кризиса сельского хозяйства, а также попытки тоталитарного режима различными способами повысить эффективность экономического механизма. Выбор 1946 года в качестве точки отсчета изучаемого периода не нуждается в особых пояснениях, так как это был первый послевоенный год – год начала восстановления народного хозяйства страны. Выбор же 1960 года в качестве завершающего изучаемый период объясняется тем, что именно этот год стал началом очередного кризиса сельского хозяйства страны, завершившего временный подъем, начавшийся после сентябрьского (1953 года) Пленума ЦК КПСС. Фактически именно в 1960 году началось угасание положительного импульса хрущевских реформ в сельском хозяйстве. Именно тогда, как это будет показано в монографии, а не позднее стали снижаться темпы роста сельскохозяйственного производства и поголовье скота и птицы в ЛПХ колхозников. И хотя за четыре года, проследовавших до падения Н.С.Хрущева, произошел ряд знаменательных событий, говорящих о значительных достижениях СССР в области научно-технического прогресса (например, запуск в космос первого пилотируемого человеком космического корабля), судьба сельского хозяйства страны уже была предопределена.

Таким образом, имеющийся в распоряжении автора большой массив данных бюджетных обследований колхозников в совокупности с другими источниками дали возможность воссоздать целостную картину фактического состояния и динамики материального положения колхозников Урала в послевоенный период и позволили, как нам представляется, решить поставленные в монографии задачи.

Автор выражает глубокую благодарность и признательность доктору исторических наук, профессору Уральского государственного университета им. А.М.Горького Владимиру Павловичу Мотревичу, оказавшему неоценимую помощь при написании данной работы.

Глава первая

Историография и источники

Перечень работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных вопросам материального положения колхозного крестьянства бывшего СССР, и в том числе уральских колхозников, достаточно обширен. Проблематика подобного исследования не должна, на наш взгляд, ограничиваться только кругом вопросов, отражающих конкретный уровень материального обеспечения определенного социального слоя общества в отдельно взятом регионе. В связи с этим весь массив многочисленных работ, посвященных исследуемой проблеме, нам представляется возможным разделить на следующие два блока:

- исследования, посвященные проблеме уровня жизни населения вообще, в том числе работы по бюджетной тематике, прежде всего – по бюджетам крестьянства;
- работы, посвященные проблеме материального положения колхозного крестьянства Урала, прежде всего – в исследуемый послевоенный период (1946–1960 годы).

Наличие первой группы работ представляется необходимым ввиду того, что в развитых странах бюджетные обследования населения проводятся со второй половины XVIII века. Можно смело утверждать, что изучение проблем уровня жизни населения, и в том числе уровня его материального благосостояния, началось именно с изучения бюджетов населения, анализа доходов и расходов граждан. Основу же нашего исследования составляют данные бюджетных исследований хозяйств колхозников, проводившихся в СССР с 1932 года. Но традиция бюджетных обследований имеет в России более давнюю историю. Поэтому весь массив российских бюджетных обследований, входящих в эту группу, можно разделить на период до 1920-х годов и после. Это объясняется тем, что до указанного периода бюджетные исследования проводились в соответствии с традициями и с использованием методик российских земских статистиков, а с 1920-х годов начинается новый, советский период бюджетных исследований.

В свою очередь, во второй группе можно также выделить два периода: до второй половины 1980-х годов и после. Такое деление связано с революционными преобразованиями, приведшими к распаду СССР и вызвавшими к жизни новый образ мышления и принципиально новые подходы в общественных науках. В соответствии с этим в работах, опубликованных после 1985 года, содержатся во многом совершенно иные оценки и трактовки уже известных фак-

тов, а также значительный объем информации, ставшей доступной и включенной в научный оборот в эпоху гласности. Кроме того, в рамках второй группы исследований нами рассматриваются также работы, посвященные роли и значению личных подсобных хозяйств населения. И, наконец, в обеих группах работ можно отдельно выделить исследования отечественных и зарубежных авторов.

Рассматривая работы, отнесенные нами к первой группе, то есть исследования, посвященные проблеме уровня жизни населения, в том числе работы по бюджетной тематике, необходимо снова отметить, что начало систематизированного изучения материальных условий жизни вообще было положено именно ими – бюджетными исследованиями. Они имеют достаточно длинную, вот уже более чем двухсотлетнюю историю. Именно бюджетные исследования предоставили в распоряжение занимающихся проблемами условий жизни населения ученых огромный статистический материал, касающийся прежде всего уровня доходов, расходов и потребления.

Первые работы, носившие бюджетный характер, были написаны еще в XVIII веке в Великобритании. В числе первых авторов таких исследований можно назвать Г.Кинга (1648–1712), Дж.Масси (?–1784), А.Юнга (1741–1820). Строго говоря, это еще не были бюджетные работы в полном смысле слова. Но уже в этих эмпирических исследованиях их авторы попытались выяснить усредненные доходы и приходы семей различного социального положения, приводя при этом в качестве примеров бюджеты конкретных семей. Первыми же собственно бюджетными исследователями можно назвать Д. Дэвиса (1741–1819) и М. Идена (1766–1809), опубликовавших свои труды соответственно в 1796-м и в 1797 году. Первый исследовал по специальной, предварительно разработанной, программе более 100 бюджетов различных хозяйств, а второй экспедиционным путем собрал данные по 52 бюджетам сельскохозяйственных рабочих в районах, пострадавших от голода. Труды этих ученых положили начало систематизированным бюджетным исследованиям, заложив основы их методологии, а также основы методологии исследований уровня благосостояния населения в целом. А идеи, в них заложенные, получили развитие, правда, более чем полвека спустя, в исследованиях бельгийских ученых во главе с И.Дюкпесио (1804–1868) и Ф. Ле Пле (1806–1882), опубликованных в 1855 году. Работы этих двух бельгийских статистиков оставили

глубокий след в истории изучения материальных условий жизни населения, поразив современников невиданной до той поры глубиной и обстоятельностью, с которой авторы описали средства существования каждой исследуемой семьи, включая побочные заработки, имущество, использование рабочего времени, даже бытовой и религиозный уклад. Кроме того, они изучили районы проживания исследуемых семей, дав им соответствующие характеристики, а также на основании собранных данных охарактеризовали каждую семью и степень ее благосостояния. Своими исследованиями И. Дюкпесию и Ф. ЛеПле во многом установили в методологическом отношении тип бюджетных исследований, который, будучи затем развит более поздними исследователями, стал основой современной бюджетной статистики. За последующие полстолетия было опубликовано уже более 200 работ, посвященных бюджетным исследованиям.

В начале XX века возникает другое самостоятельное направление бюджетных работ в Европе, которое, в отличие от направления, определенного еще работами Д. Дэвиса и М. Идена, занялось изучением не уровня благосостояния населения и законов потребления, а доходности сельскохозяйственного производства. Это направление возникло как логическое дополнение упомянутого выше «статистического» направления, которое не позволяло установить причины успешной хозяйственной деятельности каждой отдельной семьи. Основателем этого направления стал швейцарский экономист Ф. Лаур (1871–1964), перу которого принадлежат несколько работ, в которых он попытался связать бюджетные исследования крестьянского хозяйства с полным учетом его деятельности на основе методов двойной бухгалтерии с составлением баланса семьи. Это направление в скором будущем получило широкое распространение в европейских странах. Такова, вкратце, история развития европейских бюджетных исследований, оказавших значительное влияние на аналогичные исследования в нашей стране¹.

Попытки первых бюджетных исследований были предприняты в России в конце XVIII века, во время некоторого оживления помещичьего землевладения. В 1794–1800 годах издается трактат в семи частях «Новое земледелие...» агронома-теоретика и практика, члена Вольного экономического общества и Московского общества сельского хозяйства А. В. Рознотовского. В своей работе

¹ Чаянов А. В. Избранные труды. М., 1991. С. 30–44.

автор исследовал гипотетический крестьянский двор при «образцовом» ведении хозяйства, сводя данные в таблицу под названием «Исчисление прихода, расхода и остатков во дворе крестьянском». Примерно в это же время, в 1801 году, публикуется сочинение И.С.Захарова «Усадьбы, или новый способ селить крестьян и собирать с них помещичий доход». Это исследование примечательно уже тем, что предвосхищало все те аргументы сторонников столыпинского хуторского расселения крестьян, которые прозвучали в начале XX (!) века. Вместе с упомянутой работой А.В.Рознотовского исследование И.С.Захарова можно назвать первым примитивным бюджетным исследованием в России. Эти две работы, во многом эмпирические и очень несовершенные, ознаменовали начало российской бюджетной статистики².

Затем в российских бюджетных исследованиях наступил длительный, даже еще более длительный, чем в Европе, перерыв, если не считать опубликованного в 1846 году труда Д.П.Журавского, интересного в том отношении, что его автор был первым, кто обратил внимание на необходимость бюджетных исследований для выяснения «материальных средств разных классов населения» для того, чтобы добытые этим путем сведения «заклпочали бы в себе, кроме экономического, еще и нравственный интерес, показывая господствующие наклонности, потребности, вкусы и стремления каждого класса»³. Сочинение Д.П.Журавского не нашло отклика у современников, и следующие бюджетные работы появились лишь в эпоху великих преобразовательных реформ Александра II, когда за дело бюджетных исследований взялись служители земской статистики, этого, по выражению А.Ф.Фортунатова, «преобладающего русла живого потока статистической мысли»⁴.

Среди упомянутых реформ видное место занимала земская реформа. В соответствии с ней в России повсеместно создавались новые органы местного самоуправления – земства, которые очень скоро стали испытывать острую потребность в подробных статистических сведениях. А такие данные могли быть получены только в ходе проведения обстоятельных бюджетных исследований. Последние стали осуществляться создаваемыми с 1876 года

² Там же. С. 45–47.

³ *Журавский Д.П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. М., 1946. С. 47.

⁴ *Сваицкий Н.А.* Земские подворные переписи. М., 1961. С. 4.

губернскими и уездными статистическими бюро. Поэтому уже вскоре после проведения земской реформы появляются работы, посвященные бюджетной тематике. Одной из первых таких работ было исследование известного русского географа, статистика, экономиста и общественного деятеля П.П.Семенова-Тян-Шанского, организатора первой всероссийской переписи населения в 1897 году⁵. Заслугой его в области изучения материальных условий жизни крестьянства явилось то, что он впервые в бюджетных исследованиях применил метод группировки крестьянских хозяйств по степени зажиточности и определил численность каждой группы. Другим исследователем раннего периода земской статистики был Е.Н.Анучин, земский врач и статистик, инициатор первой в России подворной переписи 1867 года. Он первым применил для деления крестьянских дворов такой признак, как число лошадей, имеющих в хозяйстве, выделив по данному признаку пять групп хозяйств⁶.

Первые работы земских исследователей были бессистемны и носили еще весьма общий характер, но в них уже проглядывались контуры будущих капитальных бюджетных исследований, они явились своеобразным полигоном, на котором зарождались и отработывались основы их методологии. Уже в 1882 году появляется исследование В.И.Покровского⁷, явившееся новым шагом в бюджетных исследованиях, где автор впервые отделяет натуральные доходы от денежных, учитывает приход и расход инвентаря в крестьянском хозяйстве, используя при этом специально разработанную программу исследований. Если рассматривать всю совокупность исследований «земского» периода, то данную работу можно расценить как переходную от первых несовершенных бюджетных работ земских статистиков к работам, базирующимся на научно разработанных методиках проведения исследований.

По подсчетам А.В.Чаянова, всего за период от проведения земской реформы до 1894 года было опубликовано 23 работы, в основном написанных работниками земств. На наш взгляд, эта

⁵ *Семенов П.П.* Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. М., 1880.

⁶ *Анучин Е.Н.* Бюджет крестьянского двора Самарской губернии // Правительственный вестник. 1881. № 240–241; 1882. № 280; 1883. № 23, 24, 30.

⁷ *Покровский В.И.* Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1882.

цифра явно занижена и не соответствует действительности. Судя по всему, А.В.Чаянов по каким-то причинам не был знаком с бюджетными исследованиями уральских авторов не только раннего, но и более поздних периодов. Так, среди авторов вышеупомянутых работ у него значится всего одна такая работа нашего земляка – П.Н.Зверева⁸. Между тем именно в это время на Урале, в Пермской губернии (напомним, что в ее состав входила и территория нынешней Свердловской области) плодотворно работали и другие местные исследователи. Один из них, Е.И.Красноперов (ок.1846–1897), два десятилетия возглавлявший статистическую службу Пермской губернии, оставил заметный след в истории развития бюджетных исследований не только на Урале, но и в России. Достаточно сказать, что за свою исследовательскую деятельность он был удостоен золотой медали Российского Императорского географического общества. Список его работ, который нам удалось составить, насчитывает более 30 наименований, причем большинство из них посвящены как вопросам методологии бюджетных исследований, так и непосредственно исследованиям материально-бытовых условий жизни населения Пермской губернии. Свою методологию бюджетных исследований крестьянских хозяйств автор изложил в трех главных своих работах⁹. В частности, Е.И.Красноперов первым на Урале исследовал условия жизни населения целой волости и отдельного заводского поселения, произведя массу интереснейших наблюдений и сформулировав при этом ряд положений, не потерявших, на наш взгляд, своей актуальности и по сей день. Также очень интересные работы, посвященные экономическому положению крестьянского населения Урала, в частности – башкир, принадлежат перу другого уральского земского деятеля – Н.Л.Скалозубова (1861–1915), работавшего в Красноуфимском уезде¹⁰.

⁸ *Зверев П.Н.* Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Екатеринбург, 1889.

⁹ *Красноперов Е.И.* Очерки экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи. Пермь, 1886; *Красноперов Е.И.* Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–91 гг. Пермь, 1896; *Красноперов Е.И.* Енапаевская волость. Экономическое исследование. Сборник Пермского земства. Пермь, 1883. Кн. 1. Отд. 3. С. 1–189.

¹⁰ *Скалозубов Н.Л.* Материалы для статистики Красноуфимского уезда // Сельское хозяйство Сибири. 1961. № 6. С. 73–76.

И, наконец, говоря о работах уральских земских исследователей материального положения крестьянства, нельзя также не упомянуть их коллективные труды, в которых нашли свое отражение многие, ставшие впоследствии привычными, методологические положения бюджетных исследований. Таковыми явились труды, изданные по итогам проведения совещаний земских статистиков. Одно из таких совещаний, состоявшееся в декабре 1892 — январе 1893 года, отметив, что «из всех статистических вопросов, стоящих на очереди, наибольшую важность представляет в настоящее время вопрос о лучшей постановке статистического народо-продовольственного дела», в дальнейшем констатировало, что «наибольшая возможная достоверность продовольственных сведений может быть достигнута только путем подворной переписи (выделено нами. — В.М.), опроса всех домохозяев о необходимых в продуктовом деле фактах»¹¹. Таким образом, уже тогда, более 100 лет назад, уральскими статистиками был успешно (и однозначно!) решен самый, пожалуй, принципиальный вопрос методологии изучения уровня материального благосостояния населения.

К сожалению, вклад уральских бюджетных исследователей еще сравнительно мало изучен и не получил, на наш взгляд, той высокой оценки, которую он, несомненно, заслужил. Мы уже отмечали, что об этих трудах не упоминается в капитальных исследованиях А.В.Чаянова. Ускользнули эти работы и от внимания другого крупного исследователя бюджетной тематики более позднего периода — И.Я.Матюхи, упомянувшего только работу еще одного пермского автора — Г.Манохина, посвященную изучению бюджетов крестьян-кустарей¹². Очень мало информации о бюджетных исследованиях уральского населения последней четверти XIX века можем мы почерпнуть из трудов абсолютного большинства авторов, за исключением, пожалуй, Н.А.Свавицкого, который в своей монографии довольно часто и подробно касается исследований наших земляков-статистиков Пермского земства¹³.

¹¹ Труды совещания при Пермской губернской земской управе о мерах к улучшению экономического положения крестьянского населения. Пермь, 1893. С. 200.

¹² *Матюха И.Я.* Статистика бюджетов населения. М., 1967. С. 154.

¹³ *Свавицкий Н.А.* Указ. соч.

Наиболее исчерпывающие труды, обобщающие земские бюджетные исследования, принадлежат перу Ф.А.Щербины¹⁴. В них он как бы подвел итог огромной работе – опросу 176821 крестьянского хозяйства. Такой массовый характер обработанного материала позволил Ф.А.Щербине и работавшим с ним другим воронежским статистикам прибегнуть к статистическим методам разработки материала и дать группировку бюджетных хозяйств по размерам землевладения, выявив этим целый ряд зависимостей.

Дело воронежских земских бюджетных статистиков нашло продолжение в работах их вологодских коллег – деятелей вологодского земского статистического бюро¹⁵. Необходимо отметить, что в ряде случаев вологодские статистики продвинулись дальше воронежцев в вопросах разработки программы бюджетных исследований, типизации бюджетов, группировок полученных данных, сведения их в таблицы. Но, пожалуй, самым главным в вологодских бюджетных исследованиях было то, что впервые подобные исследования были использованы для изучения социальных проблем крестьянства. Таким образом, уже к началу нашего века бюджетная статистика в России поднялась на качественно новую ступень, став неотъемлемым и очень важным инструментом социальных исследований, а именно той их части, предметом изучения которой являются материальные условия жизни населения.

Нельзя не сказать, что не случайно в перечне бюджетных работ, опубликованных в царской России, абсолютное большинство составляют исследования, посвященные бюджетам именно крестьянских хозяйств. Российская бюджетная статистика того времени, в отличие от западноевропейской, была прежде всего статистикой крестьянской. Работ по бюджетам других категорий населения почти не было. Из нескольких таких работ, опубликованных до 1914 года, заслуживает внимания исследование известного российского политического и хозяйственного деятеля С.Н.Прокоповича¹⁶, посвященное бюджетам петербургских рабочих, в котором автор сделал попытку использовать при изучении бюджетов апробированные западноевропейские методики. Что касается исследуемых

¹⁴ *Щербина Ф.А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897; *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.

¹⁵ Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Вологда, 1907–1909.

¹⁶ *Прокопович С.Н.* Бюджеты петербургских рабочих. СПб, 1909.

территорий Урала, то из известных нам трудов периода с начала века до Первой мировой войны назовем бюджетные работы, посвященные крестьянским хозяйствам Пермской губернии¹⁷. При этом у нас не вызывает ни малейших сомнений тот факт, что в фондах архивов и библиотек еще дожидаются своих исследователей и другие, давно забытые или еще не обнаруженные материалы и по Пермской губернии, и по другим территориям Урала.

Дальнейшее изучение вопросов материального обеспечения населения в России и на Урале было прервано начавшейся в 1914 году Первой мировой войной. В это время почти не проводились бюджетные исследования, хотя в России в эти годы издаются бюджетные труды А.В.Чаянова¹⁸ и Н.И.Кострова¹⁹. Обе эти работы посвящены разработке данных бюджетных обследований крестьянских хозяйств на Украине, на материалах, соответственно, Харьковской и Черниговской губерний. Последняя работа особенно примечательна тем, что была построена автором на материалах всего пяти бюджетов, но впервые в российской практике он использовал подробные счетоводные записи самих крестьян.

По сути, с этого момента начинается новый этап в развитии бюджетных исследований в России, основным моментом которого явилось создание и дальнейшая плодотворная деятельность школы ученых-аграрников под руководством А.В.Чаянова. Роль и значение этой школы трудно переоценить, хотя результаты ее исследований во многом не были использованы. Именно в рамках данного научного направления в 1920-х годах были развиты и приумножены лучшие традиции земских статистических исследований, продолжено изучение крестьянского хозяйства как единой самоорганизующейся системы в совокупности экономических, социально-демографических и культурных проявлений. В работах А.В.Чаянова²⁰ и его сподвижников была проанализирована внутренняя структура крестьянского двора того времени, выявлены зависимости между половозрастным составом семьи и размерами под-

¹⁷ Материалы по оценке земель Пермской губернии. Зауралье. Пермь, 1909. Вып. 4.

¹⁸ *Чаянов А.В.* Бюджеты крестьян Старобельского уезда. Харьков, 1915.

¹⁹ *Костров Н.* Очерки крестьянских хозяйств в Черниговской губернии//Материалы бюджетных записей. Чернигов, 1918. Вып. 1.

²⁰ *Чаянов А.В.* Избранные труды.

ворья, а также отмечена противоречивость его развития, заключающаяся в диалектическом единстве натурального и товарного производства.

В самый разгар Гражданской войны, в 1919 году, один из представителей данной школы, А.Н.Челинцев, публикует свои труды. В одном из них²¹ автор рассматривает крестьянское хозяйство как семейное и делает вывод о том, что в процессе эволюции сельского хозяйства наиболее благоприятные перспективы на выживание имеет мелкое крестьянское хозяйство. Другая его работа²² была посвящена проблемам структуры крестьянских хозяйств на примере двенадцати губерний Юга России. Из прочих работ школы А.В.Чаянова, предшествовавших «колхозному» периоду истории сельского хозяйства и опубликованных в 1920-х годах, можно отметить труд Г.А.Студенского²³, в котором он разработал подробный опросный бланк для проведения бюджетных обследований.

Надо сказать, что бюджетные обследования рабочих и крестьянских семей возобновились еще в ходе начавшейся Гражданской войны. Так, первое бюджетное обследование рабочих было проведено в Петрограде в 1918 году под руководством будущего академика С.Г.Струмилина, который обобщил полученные данные в своих работах²⁴. Особенный интерес в них автор проявил к вопросам питания рабочих. Параллельно со С.Г.Струмилиным бюджеты рабочих Петрограда и Харькова исследовала И.Дубинская²⁵. В 1920-х годах публикует свои исследования Е.О.Кабо, также занимавшаяся изучением бюджетов рабочих²⁶. В эти же годы внимание

²¹ *Челинцев А.Н.* Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства. Харьков, 1919.

²² *Он же.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919.

²³ *Студенский Г.А.* Бюджет крестьянского хозяйства. Изд. 2-е. М., 1927.

²⁴ *Струмилин С.Г.* Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг. М.; Л., 1924; *Его же.* Статистико-экономические очерки. М., 1958.

²⁵ *Дубинская И.* Бюджеты петроградских рабочих в мае 1918 г. // Материалы по статистике труда Северной области. Петроград, 1918. Вып. 1; *Дубинская И.* Рабочие бюджеты г. Харькова в феврале 1920 г. // Материалы по статистике труда на Украине. Харьков, 1920. Вып. 1.

²⁶ *Кабо Е.О.* К вопросу об изучении рабочего потребления // Плановое хозяйство. 1928. № 4. С. 291; *Кабо Е.О.* Питание русского рабочего к началу 1924 года // Статистика труда. 1925. № 4.

исследователей привлекают бюджеты рабочих совхозов, их изучением занимаются А.Мельников и К.Никольский²⁷. Главная интересовавшая их проблема – насколько прочно сельскохозяйственные рабочие связаны с землей, с сельскохозяйственным производством.

С 1923 года начинают проводиться регулярные, планомерно организуемые бюджетные обследования отдельных групп населения, чему способствовали проведенная денежная реформа и появление новой устойчивой валюты – червонцев. Но именно в эти годы происходит разрыв между традиционной российской школой бюджетных исследований и нарождающейся советской статистикой. Это проявилось, прежде всего, в том, что уже при проведении первых обследований 1920-х годов не использовалась богатейшая методологическая база, накопленная за полвека существования земской статистики. Поэтому, как отмечали уже в наше время Ю.П.Комиссаров и Т.И.Славко, в изданных по результатам тех обследований сборниках нашли отражение в основном только отдельные элементы уровня жизни рабочих, да и они приводились в усредненном виде, что не давало возможности провести какой-либо структурный анализ²⁸.

Из работ уральских авторов 1920-х годов нельзя не упомянуть коллективное исследование бюджетов крестьянских хозяйств тогдашней Уральской области, а также бюджетов «самоедских и остяцких хозяйств», как тогда называли представителей национальных меньшинств – эвенков, ненцев и хантов²⁹. Эти исследования, проведенные в труднейших условиях в 1923–1925 годах работниками Уральского статистического бюро А.В.Воробьевым, М.М.Файнзильбером, А.В.Алексеевой и сотрудницей Русского музея Р.П.Митусовой под общим руководством В.С.Немчинова (впоследствии – академика АН СССР) имели целью «дать материал для более углубленного изучения организации хозяйства – более миллиона хозяйственных ячеек, составляющих в совокупности крестьянское и промысловое население Урала»³⁰. Данная работа,

²⁷ Мельников А. Бюджеты рабочих совхозов // Статистическое обозрение. 1927. № 12. С. 57–61; Никольский К. К вопросу о рабочих, живущих в деревне (по материалам обследований) // Большевик. 1927. № 4. С. 41–45.

²⁸ Комиссаров Ю.П., Славко Т.И. Бюджетные обследования рабочих 20-х годов как исторический источник. Свердловск, 1991. С. 10.

²⁹ Материалы по бюджетам крестьянских, самоедских и остяцких хозяйств. Свердловск, 1925.

³⁰ Там же. С. 2.

содержащая бюджетные сведения по 432 крестьянским хозяйствам Уральской области и бюджетные описания хозяйств народов Севера, не потеряла, на наш взгляд, своего значения и по сей день. К сожалению, и этот труд наших земляков остался почти не замеченным современниками. Например, у А.В.Чаянова в перечне из 92 работ по бюджетной тематике, опубликованных, по его данным, в СССР за 1922 – 1928 годы³¹, упомянуты лишь два исследования уральских авторов: одно – по бюджетам крестьянского населения Башкирии³², другое – исследование Ф.Казанского о доходности различных типов крестьянских хозяйств на Урале³³. Почему-то не заметил А.В.Чаянов другое и, на наш взгляд, более значительное исследование последнего автора, где он рассмотрел вопросы расслоения крестьянства в досоветский период и после. Вывод Ф.Казанского был однозначен: село осередничается³⁴.

Всего в 1920-х годах в СССР издается около 100 работ, посвященных вопросам материального благосостояния населения, из которых, помимо уже упомянутых, можно отметить работы Я.Анисимова, И.Верминичева и К.Наумова, В.Гурова, Л.Н.Литошенко, Я.Яковлева³⁵. Неудивительно, что в это время появляются работы, носящие явно выраженный пропагандистский характер, славящие новый строй: мощная идеологическая машина уже набирала обороты. Из исследований же уральских авторов заслуживают внимания работы двух из них – А.Воробьева и В.Львова³⁶. Первый рассмотрел общее состояние сельского хозяйства Урала в середине 1920-х годов, а второй обобщил данные по статистике бюджетов

³¹ *Чаянов А.В.* Избранные труды. С. 110–114.

³² Бюджеты крестьянских хозяйств Башкирской республики за 1924–1925 гг. Уфа, 1926.

³³ *Казанский Ф.* Доходность крестьянского хозяйства на Урале по социальным типам//Хозяйство Урала. 1927. № 10, 11.

³⁴ *Он же.* О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале // Уральский коммунист. 1927. № 26–27.

³⁵ *Анисимов Я., Верминичев И., Наумов К.* Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп. М., 1927; *Гуров В.* XIII съезд РКП (б) и крестьянство. М., 1925; *Литошенко Л.Н.* Крестьянское хозяйство и его доходность по бюджетным данным//Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925; *Яковлев Я.* Наша деревня: новое в старом и старое в новом. М., 1924.

³⁶ *Воробьев А.Г.* Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926; *Львов В.* Бюджеты населения горнозаводского Урала (статистические данные)// Хозяйство Урала. 1929. № 7.

населения горнозаводского Урала. Издаются в это время и коллективные исследования, в том числе и на материалах Екатеринбургской губернии³⁷.

С конца 1920-х годов в бюджетных исследованиях и, соответственно, в разработке проблемы материального благосостояния населения, наступает застой, вызванный окончательным установлением в стране антидемократического большевистского режима правления. Тоталитарный строй не нуждался в подобных изысканиях и не оставлял места никаким дискуссиям о проблемах благосостояния населения при социализме. Допускалось лишь издание «исследований», доказывающих преимущества социалистического образа жизни, в том числе на селе. К таковым можно отнести изыскания А.Л.Жукова³⁸, где автор без тени смущения описывает почти райскую жизнь в советской колхозной деревне, сравнивая ее с «ужасами» жизни крестьян в дооктябрьской России. Публикации результатов бюджетных обследований также были прекращены, как и сами бюджетные обследования, а доступ к их материалам ограничен.

Возобновление бюджетных обследований в сельском хозяйстве происходит только в 1932 году, да и то это касается лишь хозяйств колхозников. Возвращение же данных этих обследований в научный оборот происходит только с конца 1950-х годов, причем с большими ограничениями, в очень сжатом виде и в целом по всему населению, без дифференциации на социальные слои и учета региональных различий в доходах, расходах и потреблении. Научные публикации по бюджетной тематике в этот период чрезвычайно редки. Из таких очень немногочисленных публикаций по бюджетной тематике в 1940-х годах следует отметить издание уже упомянутого нами исследования Д.П.Журавского, а в 1950-х – работу С.В.Постникова, посвященную методам отбора семей для обследования их бюджетов, и исследование бюджета рабочей семьи, проведенное Н.Татарской и А.Гурьяновым³⁹.

³⁷ Итоги весеннего опроса отдельных хозяйств по Екатеринбургской губернии в 1921 г. Екатеринбург, 1922; Итоги разработки сельскохозяйственной переписи 1920 года по типам и группам хозяйств. М., 1926.

³⁸ Жуков А.Л. Жизнь крестьян прежде и теперь. Свердловск, 1939.

³⁹ Постников С.В. О методах отбора семей рабочих, служащих и колхозников для обследования их бюджетов//Вестник статистики. 1953. № 3; Татарская Н., Гурьянов А. Бюджет рабочей семьи. М., 1957.

Что же касается исследований материальных условий жизни небюджетного характера, то сколько-нибудь серьезные работы в стране не публикуются до конца 1940-х - начала 1950-х годов. После окончания войны появляются исследования общего характера, посвященные вопросам развития экономики страны, в том числе и сельского хозяйства. К этим работам следует, прежде всего, отнести произведения таких известных государственных деятелей того периода, как И.А.Бенедиктов и Н.А.Вознесенский⁴⁰ (первый был наркомом земледелия, а второй – председателем Госплана СССР). Отдельно можно выделить пропагандистскую работу руководителя партии и государства И.В.Сталина⁴¹, где он, отвечая на письмо экономистов А.В.Сажиной и В.Г.Венжера, изложил свои (а следовательно, и правящей партии) взгляды на постепенное превращение колхозной собственности в общенародную.

На Урале в первые послевоенные годы и в 1950-х годах также издаются небольшие по объему статьи и брошюры, прежде всего, патриотического и, естественно, идеологического характера. В этих работах обсуждаются и исследуются вопросы экономики сельского хозяйства, но рассуждения по изучаемой нами проблеме – материальные условия жизни колхозников – встречаются лишь фрагментарно. Среди авторов этих работ были Ф.Е.Барко, А.В.Борисов, Б.Лисицкий, И.В.Максимова, А.П.Сидорова, А.А.Смолянинов, А.Н.Травинцев и другие⁴².

Безудержная апологетика и всемерное восхваление мнимых и подлинных успехов, узость исторической базы, отсутствие анализа систематизированных статистических данных, приведение лишь

⁴⁰ *Бенедиктов И.А.* Развитие сельского хозяйства в послевоенный период. М., 1947; *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947.

⁴¹ *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953.

⁴² *Барко Ф.Е.* Укрепление материально-технической базы колхозного производства в послевоенные годы // Ученые записки Уральского университета. Вып. 24. 1958; *Борисов А.В., Смолянинов А.А.* Сельское хозяйство Свердловской области на новом подъеме. Свердловск, 1959; *Лисицкий Г.* Сельское хозяйство Свердловской области к 40-летию Великого Октября. Свердловск, 1957; *Максимова И.В.* Сельское хозяйство Свердловской области за годы Советской власти. Свердловск, 1957; *Сидорова А.П.* О комплексном развитии сельского хозяйства Свердловской области // Ученые записки Уральского университета, 1955. Вып. 14; *Травинцев А.Н.* Развитие сельского хозяйства в Свердловской области. Свердловск, 1958.

отдельных показателей зачастую без какого бы то ни было их сравнения с аналогичными показателями капиталистических стран, замалчивание вопиющих фактов бесправия и униженности абсолютного большинства населения – вот неотъемлемые атрибуты, «родимые пятна» многих и многих работ тех лет по данной проблематике, которые, к слову говоря, будут зачастую сопровождать подобные публикации (и, естественно, не только уральских авторов) вплоть до второй половины 1980-х годов. Много позже, уже в 1970-х годах, И.М.Волков, говоря о послевоенных годах, напишет, что в большей части работ они «рассматриваются как сплошная полоса успехов без каких-либо недостатков. Причем принятые постановления партии и правительства нередко расцениваются как автоматически осуществленные. . . благотворно сказавшиеся на развитии сельского хозяйства». Сами же эти работы, по его мнению, «почти все имели пропагандистский характер, не были собственно исследовательскими (выделено нами. – В.М.)»⁴³.

Правда, тогда же, в 1950-х годах, происходит оживление интереса и к теоретическим и методологическим проблемам материального положения населения, особенно после XX съезда КПСС, вызвавшего серьезные позитивные сдвиги в общественно-политической и экономической жизни страны. В эти годы публикуются работы, посвященные данной тематике, в том числе и вопросам материального обеспечения сельского населения, авторами которых были В.Г.Венжер, Т.И.Заславская, Е.Л.Маневич, И.В.Павлов, С.П.Партигул, С.С.Сергеев, С.Г.Струмилин, А.П.Теряева, С.П.Фигурнов и другие ученые – историки, социологи и экономисты⁴⁴.

⁴³ **Волков И.М.** Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972. С. 4–5.

⁴⁴ **Венжер В.Г.** Издержки производства и себестоимость продукции в колхозах. М., 1960; **Заславская Т.И.** Принцип материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах. М., 1958; **Маневич Е.Л.** Жизненный уровень советского народа. М., 1959; **Павлов И.В.** Право личной собственности колхозного двора. М., 1955; **Партигул С.П.** Статистика материального и культурного уровня народа. М., 1956; **Сергеев С.С.** Вопросы экономико-статистического анализа колхозного производства. М., 1956; **Струмилин С.Г.** Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–23 гг. М. – Л., 1924; **Теряева А.П.** Вопросы организации и оплаты труда в колхозах. М., 1954; **Она же.** Развитие форм организации и оплаты труда в колхозах // Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1959; **Фигурнов С.П.** Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М., 1960.

В соответствии с традициями своего времени эти авторы, хотели они того или нет, приукрашивали действительность, всячески превознося успехи в деле повышения материального уровня жизни населения и замалчивая вопиющие с точки зрения норм цивилизованного общества недостатки, либо упоминая о них вскользь и оправдывая их наличие трудностями послевоенного восстановления экономики. Тем не менее, в ряде исследований можно увидеть объективный научный подход авторов к поднимаемым проблемам, хотя бы и без обобщающих выводов. Так, Т.И.Заславская одной из первых исследовала вопросы материальной заинтересованности у колхозников и оплаты их труда в общественном производстве. Впоследствии автор постоянно возвращалась к проблеме материального потребления деревни, рассматривая материальное потребление как системный объект. И.В.Павлов исследовал колхозный двор с правовой точки зрения, в том числе правовое положение крестьянского подворья. Вопросы экономико-статистического анализа колхозного производства, в том числе анализа использования рабочего времени колхозников, занимали С.С.Сергеева. Другой исследователь – С.П.Партигул – изучал применяемые в 1950-х годах методы статистики материального и культурного уровня жизни населения. Актуальные вопросы жизни советского села исследовались и другими учеными.

Дополнительный импульс к исследованиям вопросов материального благосостояния населения придал состоявшийся в 1961 году XXII съезд КПСС, принявший новую Программу партии. Основное содержание этого основополагающего документа правящей партии составляла абсолютно нереалистичная и утопическая по своей сути программа построения в СССР к 1980 году процветающего коммунистического общества, свободного от каких-либо серьезных экономических и социальных проблем. Несмотря на это, благодаря начавшемуся (правда, с многочисленными оговорками и отступлениями) процессу демократизации в стране происходит своеобразный ренессанс и в интересующей нас тематике материального благосостояния населения. В это время публикуются такие авторы, как М.А.Алексеев, В.А.Борисов, Н.Я.Бромлей, Н.И.Бузляков, Л.П.Бурова, В.Е.Григоровский, Т.И.Заславская, Н.С.Лагутин, В.Ф.Майер, П.Н.Маслов, А.Ф.Осадько, С.П.Фигурнов и многие другие⁴⁵, в работах которых находят отражение эконо-

⁴⁵ *Борисов В.А.* Баланс денежных доходов и расходов населения. М., 1965; *Бромлей Н.Я.* Уровень жизни в СССР (1950–1965 гг.) // Вопросы

мические, социологические и другие проблемы повышения уровня материального благосостояния населения страны и методологии их изучения.

Привлечение указанной литературы, на наш взгляд, существенно повышает качество рассмотрения изучаемой проблемы, так как позволяет использовать в историческом анализе различные категории и данные экономического характера. Все это способствует более глубокому осмыслению информации о бюджетах колхозных семей, содержащейся в исторических источниках. Из перечисленных авторов С.П.Фигурнов, например, одним из первых попытался сформулировать определение понятия «уровень жизни населения» и отделил его от термина «уровень потребления». Попытка оценить уровень жизни в СССР (конечно, в полном соответствии с партийными установками) была предпринята Н.Я.Бромлей. Роль общественных фондов потребления в бюджете советской семьи была предметом исследований Н.И.Бузлякова.

Из бюджетных работ начала 1960-х годов особо надо отметить капитальное и, как нам представляется, незаслуженно забытое исследование Н.А.Свавицкого, опубликованное только уже через четверть века после его кончины⁴⁶. В своем труде автор настолько досконально представил развитие методологии бюджетных исследований в царской России, что ему трудно найти аналог среди исследований по подобной тематике. При этом автор провел анализ качества методик бюджетных исследований в различных регионах России в 1870–90-х годах. Из данного анализа можно сделать вывод о высоком качестве методических разработок уральских бюджетных статистиков.

На наш взгляд, можно констатировать, что именно в 1960–70-х годах проблематика материального благосостояния населения

истории. 1966. № 5; *Бузляков Н.И.* Общественные фонды потребления. М., 1964; *Он же.* Методы повышения уровня жизни. М., 1969; *Бурова Л.П., Осадько А.Ф.* Рост богатства и благосостояния народа. М., 1963; *Григоровский В.Е., Алексеев М.А.* Личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих, служащих СССР. Л., 1968; *Заславская Т.И.* Распределение по труду в колхозах. М., 1966; *Лагутин Н.С.* Бюджет советской семьи. М., 1967; *Майер В.Ф.* Доходы населения и рост благосостояния народа. М., 1968; *Мислов П.Н.* Доход советской семьи. М., 1965; *Фигурнов С.П.* Строительство коммунизма и рост благосостояния народа. М., 1962.

⁴⁶ *Свавицкий Н.А.* Указ. соч.

становится предметом внимания уже практически всех общественных дисциплин, но прежде всего таких, как экономика и социология. В эти же годы происходит качественный прорыв и в методологии бюджетных исследований. Именно в это время в исследованиях, посвященных материальному благосостоянию граждан, окончательно утверждается (а фактически – возвращается, ведь его утверждали еще земские статистики) принцип посемейного подхода, что во многом предопределило методологию экономико-социологических исследований последующих десятилетий. Это связано, в первую очередь, с публикациями Е.О.Кабо, С.Я.Матюхи, а позднее – В.В.Алексеева и С.С.Букина⁴⁷.

Первая из упомянутых после долгого перерыва вернулась к теме разработки бюджетов рабочих и подняла при этом ряд важных методологических вопросов. Несомненной же заслугой второго автора – С.Я.Матюхи – явилось продолжение богатых традиций российской бюджетной статистики. Он первым применил опыт земских бюджетных исследований к проведению обследований хозяйств колхозников. При этом С.Я.Матюха обозначил различия в организации таких обследований в семьях колхозников и рабочих и, что еще более важно, разработал собственную их методику. В основу отбора хозяйств колхозников для получения репрезентативных данных должны быть положены, по его мнению, два признака типичности колхозных семей: уровень оплаты в колхозе и обеспеченность подсобным хозяйством. Отлаженный понятийный аппарат и четко обозначенная система индикаторов, описывающих условия жизни населения – вот отличительные особенности исследований этого ученого. Два других автора – С.С.Букин и В.В.Алексеев одними из первых после С.Г.Струмилина обратили внимание историков и экономистов на необходимость использования потребительских бюджетов как источника разработки и введения в научный оборот первичных материалов, отложившихся в архивах. В своей совместной работе они предприняли попытку решить эту задачу применительно к послевоенным бюджетам семей рабочих в Сибири. Позже, уже в 1980-х годах, С.С.Букин расширил рамки своего

⁴⁷ *Алексеев В.В., Букин С.С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980; *Кабо Е.О.* Бюджеты рабочих//Методологические вопросы статистики труда. М., 1967; *Матюха И.Я.* Статистика бюджетов населения. М., 1967.

исследования, проведя анализ указанных бюджетов за период с 1946-го по 1960 год⁴⁸.

Общетеоретическая тематика уровня жизни и материальной обеспеченности населения достаточно активно разрабатывается и в 1970–1980-х годах. В 1970-х исследованиями на основе анализа семейных бюджетов начинает заниматься группа ученых-экономистов из Новосибирска (Институт экономики и организации промышленного производства). В этих работах авторским коллективом под руководством Ф.М.Бородкина, Л.М.Рувинской и Р.В.Рывкиной делаются попытки не только исследовать структурные сдвиги в потреблении населения, но и дать обобщающую оценку образа жизни сельского населения⁴⁹. Надо сказать, что такие исследования, проводимые на стыке наук, всегда представляли значительный интерес, а к указанному периоду общественные науки в нашей стране уже накопили определенный опыт интеграции. Интересующими нас проблемами в это «застойное» время занимаются и учебные заведения. Так, публикуется теоретическое исследование С.И.Гинайте из Латвийского государственного университета⁵⁰, в котором автор с ортодоксальных позиций рассмотрела вопросы благосостояния при социализме.

В 1980-х годах к исследованиям по данной тематике подключаются такие научно-исследовательские институты, как Институт социально-экономических проблем народонаселения и Центральный экономико-математический институт. Из наиболее значительных и серьезных работ первого института следует отметить коллективное исследование Е.М.Авраамовой, Р.Т.Барсуковой, В.Г.Копниной и других⁵¹, опубликованное сравнительно недавно и посвященное тенденциям и перспективам благосостояния населения страны. Крупное исследование, также относящееся к «перестроечному» периоду, авторского коллектива второго НИИ во главе с Н.М.Рима-

⁴⁸ *Букин С.С.* Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири. 1946–1960 гг. Новосибирск, 1984.

⁴⁹ *Рувинская Л.М., Бородкин Ф.М.* и др. Исследование структурных сдвигов в потреблении на основе анализа семейных бюджетов. Новосибирск, 1988; *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979.

⁵⁰ *Гинайте С.И.* Народное благосостояние при социализме. Рига, 1979.

⁵¹ *Авраимова Е.М., Барсукова Р.Т., Копнина В.Г.* и др. Народное благосостояние: тенденции и перспективы. М., 1991.

шевской посвящено методологии и методике исследований проблем народного благосостояния⁵². В это же время плодотворно работает Т.И.Заславская, продолжившая разработку вопросов методологии и методики системного изучения советской деревни⁵³.

В 1970-х годах появляются и работы уральских авторов, основанные на данных бюджетных обследований. В 1979 году выходит в свет исследование Р.П.Толмачевой⁵⁴ – первый серьезный труд о послевоенной уральской колхозной деревне. Нам представляется необходимым выделить эту работу, главным и несомненным достоинством которой было то, что в ней были широко использованы и введены в научный оборот материалы уральских областных архивов. Несмотря на явную партийную зашоренность, вопиющую идеологизацию и наличие грубых ошибок в изложении цифрового материала, в этом исследовании автору удалось показать основные тенденции развития не только сельского хозяйства Урала в целом (на материалах пяти его территорий), но и уровня материального благосостояния колхозников.

Необходимо заметить, что в последующие годы архивные данные обследований бюджетов колхозников уже активно разрабатываются и используются целым рядом уральских авторов, такими, как Н.В.Акифьева, М.Н.Денисевич, Г.Е.Корнилов, В.П.Мотревич, Л.Н.Мазур, Н.Д.Рафикова, И.Л.Шеврин и другими. Определенный спад интереса к бюджетной тематике среди уральских авторов отмечается с начала 1990-х годов, что объясняется, видимо, высокой трудоемкостью данного способа историко-экономических исследований, требующего достаточно больших временных и материальных затрат.

Касаясь исследований, отнесенных нами ко второй группе, а именно исследований, посвященных проблеме материального обеспечения колхозного крестьянства в послевоенный период (1946–1960 годы), мы хотели бы напомнить, что теоретическая и методологическая базы этих исследований были в полной мере подго-

⁵² *Римашевская Н.М.* и др. Народное благосостояние: методология и методика исследования. М., 1988.

⁵³ *Заславская Т.И.* Проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, 1975; *Заславская Т.И.* и др. Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.

⁵⁴ *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979.

товлены трудами упомянутых нами земских статистиков конца XIX – начала XX века. Далее, с конца 1920-х годов, в исследованиях, касающихся материального благосостояния населения (а соответственно, и в исследованиях крестьянских хозяйств) наступил продолжительный перерыв.

Рубежными для работ по указанной тематике явились XX и, особенно, XXII съезд КПСС. Под влиянием общего потепления идеологического климата в стране в 1960-х – начале 1970-х годов в стране появляются исследования Ю.В.Арутюняна, М.Л.Богденко, И.М.Волкова, М.А.Вылцана, И.Е.Зеленина, П.А.Игнатовского, В.Б.Островского и многих других⁵⁵, менее известных авторов, издаются сборники по проблемам истории советской деревни⁵⁶.

Среди указанных авторов в первую очередь выделяется такой крупный исследователь, как Ю.В. Арутюнян, который в серии своих работ впервые на основе серьезного статистического материала глубоко рассмотрел вопросы развития сельского хозяйства и жизни колхозного крестьянства (в том числе механизаторов) в годы Великой Отечественной войны и после нее. На примере его работ, на наш взгляд, хорошо видна двойственность мышления, характерная для ученых-обществоведов тех лет, вынужденных следовать идеологическим канонам и часто деформировавших при этом концептуальную основу своих исследований. Так, в одной из своих работ Ю.В.Арутюнян, с одной стороны, объективно отмечает, что среднестатистическое производство сельскохозяйственной продукции в стране только в 1950–1953 годах, да и то незначительно, превысило уровень 1913 года. Но тут же заявляет, что «потребление во многом

⁵⁵ *Арутюнян Ю.В.* Механизаторы сельского хозяйства в 1929–1957 гг. М., 1960; *Он же.* Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества. М., 1961; *Он же.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963; *Он же.* Опыт социологического изучения села. М., 1968; *Богденко М.Л.* Совхозы СССР. М., 1960; *Волков И.М.* Указ. соч.; *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя, 1945–1948 гг. М., 1976; *Зеленин И.С.* Совхозы СССР (1941–1950 гг.); М., 1969; *Игнатовский П.А.* Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966; *Он же.* Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971; *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967.

⁵⁶ Развитие сельского хозяйства в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.

зависит от способа распределения (?) продуктов, и с этой точки зрения с победой социализма ...было ликвидировано паразитическое потребление буржуазных классов». И далее, как на подтверждающий данный тезис и положительный (?) факт, Ю.В.Арутюнян указывает на снижение объема экспорта зерновых в стране (с 1913-го по 1928 год в 4,5 раза), а также масла и сахара⁵⁷. По большому счету, конечно же, для ученого такого ранга несерьезны и приводимые здесь же объяснения причин снижения поголовья лошадей в деревне, которое только с 1928-го по 1935 год сократилось на 25 млн. голов. По мнению автора, это диктовалось общегосударственной необходимостью экономии зерновых, так как одна лошадь за год съедает их 0,5 тонны⁵⁸. В другой своей работе Ю.В.Арутюнян, с одной стороны, сочувствует государству, которое «боролось с рыночной стихией, ибо она создавала почву для спекуляции и вызывала другие вредные последствия», но на этой же странице констатирует, что «административные меры лишней раз продемонстрировали свое бессилие перед объективными (!) законами рынка»⁵⁹.

Другой известный ученый – В.Б.Островский – одним из первых обратил внимание советских обществоведов на необходимость выработки методики исследования и основных принципов освещения вопросов материального благосостояния населения. Фактически восстанавливая и развивая забытые традиции российских земских статистиков (на работы которых он, правда, нигде не ссылается), В.Б.Островский предлагал в основу такой методики положить соответствующую схему бюджетных обследований, что позволило бы, по его мнению, выявить общие закономерности и местные особенности структуры доходов и расходов населения. Социально-экономические изменения в деревне, в том числе и в материальном положении крестьянства, а также политика правящей КПСС были предметом исследований П.А.Игнатовского. Роль и место совхозов в экономике сельского хозяйства страны и условия жизни совхозных рабочих исследовали М.Л.Богденко и И.Е.Зеленин. Вопросы послевоенного восстановления сельского хозяйства страны, развития

⁵⁷ Арутюнян Ю.В. Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества. С. 32–33.

⁵⁸ Там же. С. 33–34.

⁵⁹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С. 349.

материально-технической базы колхозного строя и некоторые аспекты условий жизни колхозников в послевоенный период освещены в работах И.М.Волкова и М.А.Вылцана⁶⁰. Давая оценку работам указанного периода, необходимо отметить, что это были первые серьезные исследования по аграрной тематике в нашей стране после более чем тридцатилетнего перерыва. Эти работы содержали уже большой фактический материал, показывали, в отличие от многих своих предшественников, огромные трудности в послевоенном развитии сельского хозяйства, в том числе в материальном положении крестьянства.

Уральская региональная наука никогда не стояла в стороне от исследований, касающихся изучаемой проблемы. Количество работ уральских авторов по указанной тематике в 1960–70-х годах также возросло, хотя во многом это по-прежнему были работы, выдержанные в историко-партийном духе. В них чаще всего находили свое освещение вопросы деятельности партийных организаций в аграрных преобразованиях, общественной жизни села, развертывании социалистического соревнования и только вскользь говорилось об уровне материальной обеспеченности жителей села в описываемый период. Примерами подобных работ, посвященных послевоенному и другим периодам истории крестьянства Урала, могут служить исследования таких авторов, как В.П.Анистратенко, И.М.Ветлугин, В.П.Гуров, Н.В.Ефременков, С.А.Ефремов, В.И.Иванова, В.М.Куликов, В.Е.Муравьев, Р.Н.Пономарева, А.Т.Тертышный и другие. Отдельно можно выделить работу Ф.М.Вилесова, посвященную деятельности партийных организаций Урала по решению проблемы именно материального благосостояния сельского населения⁶¹.

⁶⁰ Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981. С. 97.

⁶¹ *Анистратенко В.П.* Некоторые вопросы хозяйственного и политического состояния зауральской деревни накануне перехода к НЭПу // Учен. зап. Урал. Ун-та. 1970. № 103. Вып. 18. С. 77–96; *Анистратенко В.П., Куликов В.М.* Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода (1921–1925 гг.) // Научные труды кафедр истории КПСС, философии и научного коммунизма. Свердловск, 1969. Вып. 2. С. 114–124; *Ветлугин И.М.* О преодолении культурно-бытовых различий между городом и деревней (на материалах Среднего Урала) // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975. С. 445–452; *Вилесов Ф.М.* Деятельность партийных организаций Урала по повышению материального благосостояния и улучшению бытовых условий

В то же время в 1970-х годах внимание исследователей Урала уже начинает привлекать и сама проблематика материального благосостояния сельского населения, и ее различные аспекты. Непосредственно этой проблеме посвящают свое небольшое исследование Н.Н.Филиппов и Е.В.Трифонов, материальному стимулированию тружеников села – В.Е.Плотникова и М.П.Севрюкова, о территориальных особенностях уровня заработной платы в сельском хозяйстве Урала и общественных фондах потребления колхозов рассуждают в своих работах Е.В.Трифонов и В.Л.Берсенев. Влияние научно-технической революции на оплату труда в сельском хозяйстве в это время исследует В.Д.Шульц, В.П.Мишахин использует данные социологических обследований для характеристики материального благосостояния крестьянства Удмуртии, о шефской помощи города селу и влиянии этого фактора на уровень жизни селян пишут Е.П.Зверев, Р.Г.Кузеев и М.Б.Ямалов. Кроме того, в работах уральских авторов того периода, например, П.А.Бухтиярова, Р.В.Коробковой, Р.А.Серебрянниковой поднимаются проблемы бытового обслуживания и торговли и их роли в повышении уровня благосостояния населения, в том числе сельского⁶². В эти же, 1970-е, годы появляются и первые обстоятельные (правда, прежде

сельского населения (1956–1970 гг.) // Социально – политическое и экономическое развитие советской деревни. Ярославль, 1981. С. 111–119; *Гуров В.П.* Экономическое и политическое положение уральской деревни накануне перехода к новой экономической политике // Наш край. Свердловск, 1971. С. 115–123; *Ефременков Н.В.* Социально – экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 123–158; *Ефремов С.А.* Экономика сельского хозяйства Удмуртии. Ижевск, 1971; *Иванова М.А.* Партийные организации Урала в борьбе за укрепление колхозов (1935–1937) // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1967. С. 139–152; *Муравьев В.Е.* Социальный состав уральской доколхозной деревни середины 20-х годов // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1972. Вып. 3. С. 3–13; *Пономарева Р.Н.* Деятельность партийных организаций по улучшению учета и оплаты труда в колхозах Зауралья в 1931–1932 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1968. Вып. 2. С. 139–152; *Тертышный А.Т.* Деятельность коммунистов Урала по укреплению деревенских Советов и оказанию хозяйственной помощи крестьянству (1919–1920 гг.) // Из истории партийных организаций Урала. С. 52–64.

⁶² *Берсенев В.Л.* Общественные фонды потребления Свердловской области (1965–1970) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 127–147;

всего, это касается их объема) исследования на интересующую нас тему. Так, в 1975 году появляется монография Н.П.Павлова, посвященная крестьянству Удмуртии, а в 1979-м – уже упомянутая нами монография Р.П.Толмачевой⁶³.

В 1980-х годах особенностью аграрной проблематики становится повышенный интерес к вопросам материальной обеспеченности сельского населения, в том числе и на Урале. Можно сказать, что в это десятилетие происходит своеобразный прорыв в данной тематике. Конечно, это связано, прежде всего, с развитием процессов демократизации в стране и с произошедшими в середине десятилетия революционными изменениями во всех сферах жизни общества, получившими название «перестройки». В эти годы выходит в свет четвертый том «Истории советского крестьянства», посвященный послевоенному периоду⁶⁴, публикуют проблемные исследования по истории советского крестьянства И.М.Волков, А.П.Тюрина⁶⁵, издаются коллективные сборники по проблемам села⁶⁶. Во всех этих работах можно найти сведения и об уровне материального благосостояния сельского населения.

Бухтияров П.А. Развитие кооперативной торговли на Урале. Челябинск, 1971; *Зверев Е.П.* Участие рабочего класса в улучшении материально – бытовых условий тружеников уральской деревни (1966–1975) // Материально-бытовое положение... С. 148–163; *Коробкова Р.* О роли бытового обслуживания населения Удмуртской АССР // Отраслевая экономика народного хозяйства Удмуртской АССР. Ижевск, 1974. С. 116–129; *Миццахин В.И.* Победа колхозного строя и рост материального благосостояния крестьянства // Прошлое и настоящее сел Удмуртии. Ижевск, 1973; *Серебrenникова Р.А.* Роль бытовых услуг в повышении уровня жизни населения // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976, С. 94–97; *Трифонов Е.В.* Территориальные особенности уровней заработной платы в сельском хозяйстве Урала // Труд и кадры в народном хозяйстве. Свердловск, 1975. С. 122–129; *Филиппов Н.Н., Трифонов Е.В.* Повышение материального уровня жизни колхозников Урала // Труд и кадры в народном хозяйстве. Свердловск, 1976, С. 119–128; *Шульц В.Д.* Оплата по труду в условиях индустриализации сельскохозяйственного производства под влиянием научно-технической революции. Свердловск, 1977.

⁶³ *Толмачева Р.П.* Указ. соч.

⁶⁴ История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945-й - конец 1950-х годов. М., 1988.

⁶⁵ *Волков И.М., Тюрина А.П.* Основные проблемы истории колхозного крестьянства СССР // Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981.

⁶⁶ Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981.

На Урале в эти годы по данной тематике наряду с работами историко-партийной направленности, как, например, работа Г.Ф.Ильшьева, публикуются исследования Н.В.Акифьевой, А.В.Бакунина, М.Н.Денисевича, В.П.Мотревича, Н.Д.Рафиковой, Р.П.Толмачевой⁶⁷. Первый автор — Н.В.Акифьева — исследовала уровень доходов уральских колхозников с конца 1950-х до 1970-х годов. Проблемам развития личных подсобных хозяйств населения Урала, в том числе колхозников, посвятили свой труд А.В.Бакунин и М.Н.Денисевич. Авторы впервые на материалах Урала, с привлечением большого количества архивного материала, проследили сложный и неоднозначный путь развития ЛПХ в нашей стране. В.П.Мотревич, используя и вводя в научный оборот большой массив архивных и статистических данных, опубликовал в 1980-х годах исследования по проблемам развития ЛПХ колхозников Среднего Урала и сельского хозяйства Урала в целом в послевоенный период. Р.П.Толмачева продолжила свои исследования сельского хозяйства Урала на материалах пяти его территорий, раздвинув временные рамки уже на 1950-е годы и далее до середины 1960-х годов, а Н.Д.Рафикова исследовала материальный уровень жизни колхозников Урала в 1970–80-х годах. В эти же годы издаются коллективные сборники по социально-экономическим проблемам уральского села, в которых публикуются исследования, посвященные и вопросам материального благосостояния уральских колхозников⁶⁸.

⁶⁷ *Акифьева Н.В.* Рост доходов колхозников Урала в 1959–1970 гг.// Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. 1917–1985. Свердловск, 1988. С. 102–112; *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие торговли на Урале в послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1980; *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30–80-е годы). Свердловск, 1990; *Ильшев Г.И.* Деятельность Башкирской партийной организации по развитию сельского хозяйства, 1946–1970 гг. Саратов, 1982; *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1990; *Рафикова Н.Д.* Материальное положение колхозного крестьянства Урала (1975–1985 гг.)// Октябрь на Урале: история и современность. Свердловск, 1989. С. 107; *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в 50-е годы. Томск, 1981; *Она же.* Колхозы Урала. 1959–1965 гг. Свердловск, 1987.

⁶⁸ Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни, 1917–1985 гг.; Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975); Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни. Сборник научных трудов УНЦ АН СССР. Свердловск, 1987; Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района.

Надо заметить, что в 1980-х годах усиливается интерес к прошлому нашего региона, что, конечно, объясняется резко возросшей в эти годы степенью открытости нашего общества. Неудивительно, что ряд авторов публикуют исследования по проблемам материального благосостояния колхозников Урала в различные периоды его истории. Это работы таких авторов, как Л.С.Боярских, С.Г.Важенин, И.С.Важенина, М.А.Иванова, Г.Е.Корнилов, В.М.Куликов, Л.В.Сбитнева, В.В.Третьяков, И.Л.Шеврин и другие⁶⁹. В эти же годы защищают диссертации по интересующей нас тематике: Р.П.Толмачева – докторскую, Н.В.Акифьева, Н.Л.Рафикова и И.Л.Шеврин – кандидатские⁷⁰. Правда, хотя в общественном сознании уже произошел перелом по отношению в тоталитарному прошлому нашей страны, тем не менее многие из отмеченных работ еще написаны в памятном всем историко-партийном духе. Так, Г.Е.Корнилов пишет о достижении накануне Великой Отечественной войны качественно нового (?) уровня материального благосостояния

⁶⁹ *Боярских Л.С., Куликов В.М.* Материальное положение уральского крестьянства в период подготовки массовой коллективизации // Материальное благосостояние тружеников... С. 33–40; *Важенин С.Г., Важенина И.С.* Рост уровня жизни тружеников уральского села в 1971–1985 гг. // Материальное благосостояние тружеников... С. 129–136; *Иванова М.А.* Повышение жизненного уровня колхозного крестьянства Урала в годы второй пятилетки // Материальное благосостояние тружеников... С. 41–51; *Корнилов Г.Е.* Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Урала накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.) // Материальное благосостояние тружеников... С. 52; *Сбитнева Л.В.* Материальное положение колхозного крестьянства Урала в 1933–1937 гг. // Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства и социальное развитие деревни в годы советской власти (информационные материалы). Свердловск, 1989; *Третьяков В.В.* Изменения в материальном положении уральского крестьянства в результате осуществления Декрета о земле // Материальное благосостояние тружеников... С. 14–21; *Шеврин И.Л.* Данные бюджетных обследований материального положения крестьянства Урала в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Материальное благосостояние тружеников... С. 22–32.

⁷⁰ *Акифьева Н.В.* Колхозное производство Урала (1959–1970 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1987; *Рафикова Н.Д.* Колхозное крестьянство Урала в 1971–1985 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1989; *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в послевоенные годы. Автореф. дис. докт. ист. наук. Свердловск, 1982; *Шеврин И.Л.* Крестьянство Урала в 20-е годы: Автореф. дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1989.

колхозного крестьянства Урала⁷¹. А другой исследователь – М.А.Иванова – как о неоспоримом свидетельстве возросших материальных возможностей крестьян Свердловской области сообщает, что в 1937 году на 10000 их семей было куплено 14 (!) радиорепродукторов⁷².

В целом же не будет преувеличением сказать, что в 1970–1980-х годах на Урале сложилась самостоятельная, сильная и перспективная школа ученых-аграрников (прежде всего – историков), исследующая широкий спектр историко-экономических проблем села. Проведенный нами анализ уральской историографии проблемы материального обеспечения сельских жителей показывает, что среди исследуемых в рамках данной школы вопросов в первую очередь необходимо отметить такие, как развитие колхозного и совхозного производства, материально-технической базы уральской деревни, материально-бытовой уровень жизни сельского населения, продуктивность ЛПХ и другие.

Начало 1990-х годов знаменует собой новый этап развития исследований материального положения населения, в том числе крестьянства. С ликвидацией монополии КПСС на политическую и идеологическую власть в общественных науках у исследователей-обществоведов появилась реальная возможность проводить независимые научные изыскания без оглядки на партийные догматы и требования цензуры. Главное, что выделяет работы этого десятилетия из всех, написанных ранее, это, как правило, отсутствие политической конъюнктуры и стремление с максимальной степенью объективности дать оценку описываемым событиям. Из опубликованных в это десятилетие работ неуральских авторов прежде всего необходимо отметить исследование М.А.Безнина, посвященное материальному положению колхозников Нечерноземья⁷³. В нем автор наряду с собственными разработками ввел в научный оборот неизвестные и ранее закрытые материалы ЦСУ СССР о семейных

⁷¹ *Корнилов Г.Е.* Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Урала накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.) // Материальное благосостояние тружеников... С. 62.

⁷² *Иванова М.А.* Повышение жизненного уровня колхозного крестьянства Урала в годы второй пятилетки // Материальное благосостояние тружеников... С. 51.

⁷³ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1991.

бюджетах колхозников России. Кроме того, он проанализировал социально-демографические и социально-экономические перемены в крестьянском дворе колхозной эпохи, вопросы эволюции приусадебного хозяйства и расслоения колхозников. В работе содержится также большое количество разнообразного цифрового и фактического материала по проблеме материального благосостояния колхозников непосредственно Урала в 1950-х годах.

Из других работ 1990-х годов заслуживают большого внимания монографии О.М.Вербицкой, В.Ф.Зимы, Е.Ю.Зубковой, В.Н.Попова⁷⁴. Первый автор попыталась проследить историю колхозного крестьянства РСФСР в 1940–50-х годах. При этом в работе предпринята попытка нового осмысления истории крестьянства России в советский период, дан анализ причин постепенного раскрестьянивания российской деревни, исследованы вопросы организации и оплаты крестьянского труда, роль ЛПХ в жизни крестьянской семьи и ее бюджете. Большой интерес представляет монография В.Ф.Зимы, в которой автор исследовал причины резкого снижения жизненного уровня населения СССР, в том числе и колхозного крестьянства, в первые послевоенные годы. В ходе исследования автор делает вывод (на наш взгляд, достаточно спорный) о том, что голод в нашей стране в первые послевоенные годы был спровоцирован властями, то есть вызван искусственно. Послевоенным реформам в Советском Союзе посвящена монография Е.Ю.Зубковой, в которой автор рассмотрела фактическое содержание нескольких известных реформ в нашей стране, проведенных в период правления И.В.Сталина и Н.С.Хрущева. Значительный интерес для исследователей жизни крестьянства в указанные годы представляет также работа В.Н.Попова. Автор на примере большого количества первоисточников убедительно рассказал о полной нужде и бесправии колхозной действительности тех лет. Даже на фоне большого масштаба ставшей нам доступной информации о жизни крестьянства в послевоенные годы эта работа впечатляет своей документированностью и достоверностью, большим количеством введенных в научный оборот новых источников.

⁷⁴ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов – начало 60-х годов. М., 1992; *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы 1945–1964 гг. М., 1993; *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1946–1953). Париж, 1992.

На материалах различных периодов истории Урала в эти годы проводят исследования многие ученые: А.А.Базаров, М.Н.Денисевич, М.А.Иванова, Г.Е.Корнилов, Л.Н.Мазур, Н.Н.Метельский, В.П.Мотревич, Н.П.Палецких, В.А.Телицын, А.Н.Усов, В.Б.Цыганов и другие⁷⁵. Среди упомянутых выше работ по масштабности и количеству вводимого в научный оборот материала выделяются, прежде всего, исследования таких уральских ученых, как М.Н. Денисевич, Г.Е. Корнилов и В.П. Мотревич. В эти же годы все они защищают докторские диссертации по проблемам аграрной истории Урала. Кандидатскую диссертацию защищает Л.Н.Мазур⁷⁶.

В перечисленных нами исследованиях значительное место часто занимают вопросы, связанные с крестьянским подворьем, и это не случайно. Надо сказать, что проблемы развития ЛПХ стали предметом исследований историков, социологов и экономистов только после сентябрьского (1953 года) Пленума ЦК КПСС, так

⁷⁵ *Базаров А.А.* Кулак и агроулаг. Курган, 1991; *Базаров А.А.* Дурелом или господ колхозники. Курган, 1997; *Денисевич М.Н.* Индивидуальное хозяйство на Урале. Свердловск, 1991; *Иванова М.А.* Приусадебные хозяйства колхозников Урала в середине 30-х годов // *Летопись уральских деревень: Тез. докл. рег. науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 1995. С. 29; *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; *Мазур Л.Н.* Крестьянский двор на Среднем Урале в первой половине 60-х годов // *Уральское село в XX веке.* Екатеринбург, 1994. С. 100; *Мотревич В.П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Свердловск, 1991; *Телицын В.А.* Крестьянское хозяйство Урала в условиях военного коммунизма // *Летопись уральских деревень...* С. 15; *Усов А.Н.* Колхозы в системе сельскохозяйственного производства: уроки НЭПа // *Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период.* Свердловск, 1992; *Цыганов В.Б.* Колхозы Урала (1933–1941 гг.). Свердловск, 1991.

⁷⁶ *Денисевич М.Н.* Индивидуальное хозяйство в политике Советского государства в 30-е - первой половине 80-х (на материалах Урала): Автореф. дис. докт. ист. наук. Екатеринбург, 1993; *Мазур Л.Н.* Бюджеты колхозников как источник по социально - экономической структуре крестьянства Среднего Урала в 1-й половине 1960-х годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Свердловск, 1992; *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е годы: Автореф. дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. Екатеринбург, 1993.

как до того они практически не исследовались⁷⁷. Данное совещание руководящего органа правящей партии можно считать исходным пунктом своеобразной экономической «оттепели», продолжавшейся, правда, очень недолго – даже короче ее политического аналога – до конца 1950-х годов.

Актуальным вопросам развития ЛПХ в 1950-х – первой половине 1980-х годов посвящены серьезные работы многих российских историков и экономистов – М.А.Алексеева, Т.П.Антоновой, В.А.Белянова, В.Г.Венжера, В.Е.Григоровского, Т.И.Заславской, З.И.Калугиной, М.В.Колчанова, И.В.Макаровой, В.Б.Островского, Р.В.Рывкиной, И.Ф.Суслова, Г.И.Шмелева и других⁷⁸. В духе своего времени большинство авторов, особенно в ранних работах, например, В.А.Белянов, рассматривали ЛПХ как «специфическую угасающую (выделено нами. – В.М.) переходную форму производства, имеющую двойственную природу»⁷⁹. Тот же факт, что в годы войны произошло увеличение роли ЛПХ (именно его наличие помогло населению страны в буквальном смысле выжить в тяжелые военные годы), рассматривался ими даже как одно из «отрицательных последствий войны»⁸⁰. Таким образом, абсолютным большинством авторов ЛПХ рассматривалось только как временно необходимый

⁷⁷ *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие торговли на Урале в послевоенные годы (1946–1950). С. 5.

⁷⁸ *Белянов В.А.* Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970; *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М., 1966; *Он же.* Социально-экономические перспективы колхозного строя. М., 1979; *Григоровский В.Е., Алексеев М.А.* Личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих, служащих СССР. Л., 1968; *Заславская Т.И.* Проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, 1975; *Калугина З.И., Антонова Т.П.* Личное подсобное хозяйство сельского населения. Новосибирск, 1984; *Колчанов М.В.* Собственность в социалистическом обществе. М., 1953; *Макарова И.В.* Общественное и личное в сельскохозяйственном производстве. М., 1982; *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967; *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979; *Суслов И.Ф.* Экономические проблемы развития колхозов. М., 1967. *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971; *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы. М., 1983; *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство. М., 1985.

⁷⁹ *Белянов В.А.* Указ. соч. С. 34.

⁸⁰ Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978. С. 51.

элемент социалистического производства, а потому, отдавая дань партийно-идеологическим догмам, они оценивали ЛПХ как мелкое необобщественное производство, не могущее конкурировать с крупным механизированным обобщественным производством. Из этого следовало, что у ЛПХ с точки зрения политэкономии социализма не было никакой исторической перспективы. Именно такой категорический вывод был сделан в ходе дискуссии вокруг ЛПХ, развернувшейся в 1950-х – начале 1960-х годов⁸¹. Он был сделан несмотря на то, что даже к началу 1960-х годов продукция ЛПХ населения составляла более трети всего объема валовой продукции сельского хозяйства страны⁸².

Негативное отношение к ЛПХ было окончательно оформлено новой Программой КПСС, принятой на ее XXII съезде. Эта Программа декларировала полную замену к 1980 году всякого личного хозяйства общественным и сделала невозможными дальнейшие обсуждения данной проблемы. Тем не менее, необходимо отметить, что именно в работах ряда упомянутых авторов того периода, таких, как М.А.Алексеев, В.Г.Венжер, В.Е.Григоровский, Т.И.Заславская, В.Б.Островский, И.Ф.Суслов и другие, были сделаны попытки выяснить сущность ЛПХ, показать его роль в народнохозяйственном комплексе страны, условия и тенденции развития, проанализировать процесс производства, распределения и движения товарной продукции подсобных хозяйств, а также роль продукции ЛПХ в потреблении и доходах населения, как городского, так и сельского. Но даже на фоне работ указанных авторов выделяются исследования Г.И.Шмелева, который одним из первых сумел оценить истинную роль ЛПХ не только в производстве сельскохозяйственной продукции, но и в сохранении и выживании советской деревни.

Нельзя не заметить, что, по мере приближения «перестройки» 1980-х годов, отношение к ЛПХ в советском обществе постепенно менялось. Общим же слабым местом в исследованиях, касающихся ЛПХ, было то, что в них приусадебное хозяйство рассматривалось, как правило, в отрыве от субъекта производственной деятельности – самой крестьянской семьи. В этом отношении работы указанных авторов были существенно слабее не только исследований ученых школы А.В.Чаянова, но даже работ земских статистиков дореволюционного периода. Впрочем, вопросы именно

⁸¹ Бакунин А.В., Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 6.

⁸² Белянов В.А. Указ. соч. С. 53.

внутреннего развития крестьянского подворья, его структуры и динамики основных показателей в советский период достаточно мало исследованы и на сегодняшний день.

Индивидуальные хозяйства были традиционной темой исследований уральских историков. Из работ, посвященных ЛПХ населения, опубликованных в 1960–1980-х годах и основанных на материалах Уральского региона, можно назвать исследования С.А.Бугаева, А.Мыльникова, В.Е.Плотниковой, В.Е.Лушиной, Л.А.Деменевой⁸³. Указанные авторы отмечали необходимость и важность ЛПХ, изучали его специфические особенности в различных регионах Урала. Позднее, в 1980-х и 1990-х годах, публикуются исследования А.В.Бакунина, М.Н.Денисевича, М.А.Ивановой, Г.Е.Корнилова, В.Ф.Локотченко, В.А.Максимова, В.П.Мотревича, В.М.Пастушенко, К.И.Тюрева, В.Д.Шульца и В.В.Ильяшенко⁸⁴. Работу первых двух авторов (о ней мы уже упоминали) следует выделить особенно, так как в ней известные уральские историки впервые на материалах Урала исследовали сложный и противоречивый путь развития ЛПХ населения, начиная от полного отрицания необхо-

⁸³ *Бугаев С.А.* Личное подсобное хозяйство. Его место и роль в социалистической экономике (на примере Уральского экономического района): Автореф. дис. канд. экон. наук. Пермь, 1968; *Мыльников А.* Тенденции развития личного подсобного хозяйства сельских тружеников // Отраслевая экономика подсобного хозяйства Удмуртской АССР. Ижевск, 1974. С. 104–115; *Плотникова В.Е., Лушина В.Е., Деменева Л.А.* Роль натуральных выплат и личного подсобного хозяйства в доходах и потреблении населения // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976. С. 127–131.

⁸⁴ *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Указ. соч.; *Иванова М.А.* Приусадебные хозяйства колхозников Урала в середине 30-х годов // Летопись уральских деревень... С. 38; *Корнилов Г.Е.* Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Урала накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.) // Материальное благосостояние тружеников... С. 52; *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950). Свердловск, 1993; *Пастушенко В.М., Максимов В.А.* Проблемы развития личных подсобных хозяйств // Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития. Уфа, 1983. С. 48–64; *Тюрев Е.И.* Воспроизводство в колхозах, совхозах и личных подсобных хозяйствах. Ижевск, 1981; *Шульц В.Д., Ильяшенко В.В.* Некоторые вопросы развития ЛПХ // Продовольственная программа: социально-экономические аспекты реализации. Свердловск, 1984. С. 68–74.

димости их существования и борьбы властей с ними до признания их как неотъемлемой части аграрного комплекса страны. Значителен также вклад в разработку темы ЛПХ на Урале в военные и послевоенные годы Г.Е.Корнилова и В.П.Мотревича, усилиями которых в научный оборот был введен значительный массив архивных данных бюджетных обследований.

Как уже отмечалось нами, объективные и свободные от идеологических штампов научные исследования по проблематике уровня материального благосостояния населения стали возможными только с ликвидацией в стране монополии на власть коммунистической партии и развитием процессов демократизации в социально-политической жизни и рыночных процессов – в экономической. Среди таких работ неуральских авторов, посвященных ЛПХ, в первую очередь надо отметить опубликованную в 1991 году и уже упомянутую нами монографию М.А.Безнина⁸⁵. Его исследование посвящено проблемам крестьянского двора в Нечерноземье в 1950-х – 1965 годах, то есть в переломный для истории российского крестьянства период. В своей работе автор поставил под сомнение правильность оценки советским обществоведением приусадебного хозяйства крестьян только как подсобного и предложил пересмотреть его экономическое значение.

Из работ наших земляков этого периода, прежде всего, выделяется исследование М.Н.Денисевича⁸⁶. В нем автором проведен ретроспективный анализ развития индивидуальных приусадебных хозяйств населения Урала в 1930-х – 1985 годах, сделана успешная попытка системного изложения теоретических и методологических основ изучения ЛПХ как формы собственности и вида хозяйствования. При этом автор значительное внимание уделил политике советского государства, явившейся в указанные годы определяющим фактором воздействия на все стороны развития подсобных хозяйств населения. Проблемами ЛПХ в эти годы занималась также Л.Н.Мазур, исследовавшая крестьянский двор 1960-х годов⁸⁷.

Известный интерес представляют для исследователей послевоенного материального уровня жизни крестьянства также работы зарубежных авторов. Не все они равнозначны в смысле достовер-

⁸⁵ *Безнин М.А.* Указ. соч.

⁸⁶ *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале.

⁸⁷ *Мазур Л.Н.* Крестьянский двор на Среднем Урале в первой половине 60-х годов // Уральское село в XX веке. С. 100.

ности, так как при их написании использовались различные, в том числе непроверенные или же, наоборот, официальные и приукрашенные, данные о жизни в Советском Союзе. Так, официальные источники (в основном статистические справочники) использовал Ст.Мерль. Поэтому в его исследовании не содержится ничего принципиально нового для российских историков и экономистов (тем более, что оно опубликовано сравнительно недавно), а отдельные выводы представляются просто курьезными. Так, автор, по непонятным причинам доверяя официальной советской статистике, вполне серьезно утверждает, что «потребление алкогольных напитков было удивительно высоким как среди колхозников, так и среди рабочих и служащих, поглощая 4–5% (?) их расходов»⁸⁸.

Значительно больший интерес представляет исследование Р.Конквеста, который на основе богатого фактического и цифрового материала (в том числе малоизвестного отечественным обществоведам), аналитической обработки открытых и закрытых источников, оценок западных ученых представил впечатляющую картину сталинской коллективизации деревни и ее ужасающих последствий, прежде всего – массового голода 1930-х годов в нашей стране. Конечно, надо учитывать и тот факт, что работа Р. Конквеста была опубликована на десятилетие раньше, когда отечественные общественные науки еще не были так насыщены объективными материалами об истории советского государства. Другой серьезный зарубежный автор – Н.Верт – исследовал историю советского государства от его появления до развала в 1991 году. На общем историческом фоне происходивших в бывшем СССР событий в этом исследовании содержится также информация (правда, достаточно скудая) и об уровне материального благосостояния сельского населения. Примерно то же можно сказать и об исследованиях других зарубежных авторов, например, Дж.Хоскинга и Г.Карра⁸⁹.

Что касается источниковой базы монографии, то ее основу составили многочисленные статистические данные о состоянии

⁸⁸ *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 112.

⁸⁹ *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1996; *Карр Э.* История Советской России. М., 1990; *Конквест Р.* Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 1, 4; *Конквест Р.* Большой террор: В 2 т. Рига, 1991; *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917–1991. М., 1995.

сельского хозяйства Урала (а в некоторых случаях – СССР и РСФСР) в изучаемый период. Это, прежде всего, данные бюджетных обследований, проводившихся в нашей стране по инициативе ЦСУ ежегодно (по отдельным категориям населения, прежде всего – рабочим) с 1919 года. Такие обследования начались в России уже в последней трети XIX века, имели (как это было показано выше) богатую историю и организовывались на основе выборочного метода. Этот метод обеспечивал выделение из генеральной совокупности крестьянских хозяйств такого минимально необходимого их количества, в результате обследования которого собиралась представительная экономико-статистическая информация о денежных и натуральных доходах и расходах хозяйств, о потреблении крестьянской семьи и ее составе, о структуре затрат рабочего времени, об обеспечении непродовольственными товарами.

Следует отметить, что материалы бюджетных обследований – единственный в своем роде уникальный источник, дающий достаточно полное представление об уровне материального благосостояния крестьянской семьи. Так, М.А. Безнин, говоря о значении бюджетов, писал, что «для изучения материального благосостояния населения, прежде всего, необходимы бюджетные обследования»⁹⁰. А другой исследователь крестьянской жизни – О.М. Вербицкая – отмечала, что «лишь материалы бюджетных обследований крестьянских семей ...наиболее беспристрастно и адекватно раскрывают картину использования труда в колхозах»⁹¹.

Указанные материалы выгодно отличаются от традиционного круга источников, наиболее часто используемого в исторических исследованиях (различные статистические материалы, отчетная документация, официальные партийные и государственные документы), прежде всего, двумя существенными моментами. Во-первых, они вполне приемлемы для системного изучения проблемы материального благосостояния населения, так как являются источником массового характера. С помощью же традиционных источников, предоставляющих в распоряжение исследователей только очень обобщенные и усредненные показатели, можно характеризовать, как правило, лишь отдельные стороны данной проблемы. Во-вторых, для материалов бюджетных обследований характерна необычайно высокая степень информационной отдачи, так как в

⁹⁰ *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 16.

⁹¹ *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 15.

них в виде предметно-стоимостных показателей собраны и систематизированы подробные сведения, детально характеризующие большинство структурных элементов образа жизни населения: состав семьи, ее трудовую деятельность, уровень доходов и расходов, степень удовлетворения культурных потребностей, развитость ЛПХ и другие. Поэтому качественно проведенный анализ материалов бюджетных обследований населения позволяет сделать вполне обоснованные выводы о всех сторонах жизнедеятельности колхозных семей.

После проведения коллективизации российской деревни отбор колхозов для формирования бюджетной сети осуществлялся все теми же типологическим и механическим путями, когда вначале выделялись колхозы, достаточно полно характеризующие структуру сельскохозяйственного производства на данной территории, а затем из совокупности колхозных семей отбирались наиболее типичные для систематического обследования. При этом, хотя часть обследуемых хозяйств постоянно заменялась, их количество в целом оставалось неизменным – около 500 на область или республику. Всего, например, в 1950-х годах в СССР регулярно обследовалось более 50 000 семей колхозников⁹². Цель проведения бюджетных обследований состояла в получении максимально возможного объема информации об уровне жизни населения, степени удовлетворения материальных и духовных благ. Обследования проводились специально обученными статистиками, которые в своей деятельности руководствовались специальной инструкцией, разработанной ЦСУ СССР. Наличие постоянной бюджетной сети давало возможность, постоянно наблюдая за сравнительно небольшой группой крестьянских хозяйств, получать вполне достоверный массив информации о материальных условиях жизни всей социальной группы в целом. Собранные в ходе обследований колхозников статистические данные до 1951 года собирались в ЦСУ в отделе статистики сельского хозяйства, а в ноябре указанного года был создан отдельный сектор бюджетов колхозников.

В основу источниковой базы были положены материалы бюджетных обследований колхозников Башкирии, а также Оренбургской и Свердловской областей в совокупности с динамическими рядами,

⁹² *Белова Н. Ф., Дмитриев И. И.* Семейный бюджет: статистический аспект. М., 1990. С. 14.

сводками, группировками и аналитическими записками по бюджетным обследованиям. Все эти статистические материалы в основном не опубликованы и хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), текущем архиве Госкомстата (бывшего ЦСУ) РФ и в Государственных архивах национально-территориальных образований. Преобладающая часть сведений по интересующей нас проблеме содержится в сводных полугодовых статистических формах № 5 и 5а («Оборот продуктов»), а также в форме № 6 («Приобретение непродовольственных промтоваров. Денежные поступления и расходы»). В этих сводных документах представлены обобщенные данные бюджетных обследований семей колхозников в расчете на 100 наличных душ или (реже) на 100 семей.

Значение указанных форм для исследований трудно переоценить, так как в них приведены данные не только по совокупному потреблению, доходам и расходам семей колхозников, но также представлен оборот продуктов в хозяйствах, что существенно расширяет возможности для анализа. Так, например, в приходе продуктов отдельно выделены поступления от колхоза, ЛПХ, покупок и обмена, а также прочие (?) поступления. Кроме того, в колхозных поступлениях разделены оплата по трудодням и прочим расчетам и отдельным столбцом указана натуроплата колхозным механизаторам. В расходе же продуктов указаны такие статьи, как личное потребление, на корм скоту и птице, обеспечение государственных поставок, продажа, обмен и даже потери при хранении.

Приобретение и потребление непродовольственных промтоваров в формах дается так же подробно, с указанием абсолютного количества товаров и их стоимости. При этом перечень таких товаров охватывает практически все, что потреблялось в крестьянской семье. Единственное, чего, на наш взгляд, не хватает в статистике промтоваров, это строки «Произведено в семье». А необходимость в такой строке есть, так как в первые послевоенные годы многое из хозяйственного инвентаря и даже одежды и обуви производилось силами самих членов колхозной семьи. И, наконец, что касается денежных доходов и расходов, то они в формах также даются очень подробно, с разбивкой по источникам доходов и направлениям расходов. В источниках доходов, например, выделены даже доходы от аренды помещений, поступления от членов

семей, находящихся на воинской службе, а также выигрыши в лотереи и проценты по государственным займам. В расходах же учтены и такие незначительные статьи, как взносы в общественных организациях.

Таким образом, уверенно можно сделать вывод, что по степени детализации информации материалы бюджетных обследований не имеют аналогов. Надо также сказать, что подобные сведения по семьям рабочих совхозов и городских рабочих и служащих содержит форма № 2 (с 1954 года – № 3). Эти данные были использованы нами при проведении сравнительного анализа уровня доходов и расходов колхозников и рабочих совхозов и городских предприятий. Что касается местонахождения указанных материалов, то огромное количество еще сравнительно мало изученных материалов бюджетных обследований колхозников, проводимых в 1940–50-х годах и являющихся неоценимым источником самой подробной информации об их материальном достатке, хранится в РГАЭ в фонде ЦСУ СССР⁹³ и в фондах государственных республиканских и областных архивов. В Башкирии это ЦГИАРБ, в Оренбургской области – ГАОО, в Свердловской – ГАСО.

Значительный интерес для изучения проблем материального благосостояния колхозников представляют также аналитические записки областных и республиканских статистических управлений, составленные по результатам проведенных обследований населения. В этом отношении интерес представляет ГА РФ, где указанные записки хранятся в фонде ЦСУ РФ⁹⁴. В них содержатся многочисленные сведения о ЛПХ колхозников, размерах обязательных поставок, объемах продаж продукции приусадебных хозяйств, ценах на продукцию сельского хозяйства и другая представляющая большой интерес информация. Аналитические записки с аналогичным подбором данных хранятся также в РГАЭ в фонде ЦСУ СССР⁹⁵ и указанных местных архивах, например, в ГАСО в фонде Облстатуправления⁹⁶.

Помимо данных бюджетных обследований и аналитических записок большой массив интересующей нас информации содержат различные формы статистического учета: использования труда кол-

⁹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26 и 324.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31.

⁹⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 26 и 324.

⁹⁶ ГАСО. Ф. Р1813.

хозников, структуры посевных площадей приусадебных участков, урожайности, переписей скота и птицы в личном подсобном хозяйстве и их продуктивности, земельные балансы и другие. Эти формы представляют особую ценность потому, что дают возможность оценить обеспеченность ЛПХ колхозников скотом и птицей, а также сопоставить эффективность ЛПХ и колхозного производства. Из них же можно получить информацию о степени экстенсивности труда колхозников в общественном производстве и в ЛПХ. Эта документация хранится, как правило, в тех же архивах и фондах, что и предыдущая.

Кроме того, различные статистические данные, касающиеся сельскохозяйственного производства, в том числе материального положения колхозников, хранятся в фондах текущего архива Госкомстата РФ, причем они сведены в таблицы в форме динамических рядов. Изучение таких рядов выгодно отличается от работы с данными бюджетных обследований тем, что при этом не требуется обработки большого объема цифрового материала. Но у этого источника есть, на наш взгляд, и существенный недостаток, заключающийся в меньшей степени подробности и достоверности по сравнению с бюджетными формами.

Большую помощь при изучении проблемы материального положения колхозников могут также оказать различные виды отчетности сельскохозяйственных предприятий, например, сводные годовые отчеты колхозов и совхозов⁹⁷. Работа с этими первоисточниками значительно облегчается, если использовать обработанные вышестоящими инстанциями указанные материалы в виде сводных таблиц или отдельных статистических сборников. Кроме того, разнообразную информацию, в той или иной мере затрагивающую исследуемую проблему, можно получить из документарного оборота различных учреждений и органов власти (приказы, руководящие указания, итоговые и отчетные документы, справочные данные, переписка). При этом большой интерес представляют такие фонды РГАЭ, как Ф.4372 – Госплан СССР, Ф.7446 – Колхозцентр, Ф.7486 – Министерство сельского хозяйства, Ф.7733 – Министерство финансов, Ф.7971 – Министерство торговли, Ф.8040 – Министерство сельскохозяйственных заготовок. Например, в Ф.7733. Оп.33 сосредоточены докладные записки в Совет Народных Комис-

⁹⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 1, 7; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 8.

саров и Совет Министров СССР, письма и жалобы колхозников в различные наркоматы (позднее – в министерства), прежде всего – в Министерство заготовок и Министерство финансов СССР по вопросам обязательных поставок и налогов. В Ф.8040. Оп.2, 3, 8 содержатся обобщающие сведения о ходе и размерах заготовок всех видов сельскохозяйственной продукции по всем категориям хозяйств. Подобные же сведения имеются в ГА РФ в фондах аналогичных российских структур (Ф.262, 310, 317, 411). К данной группе источников примыкают и оперативно-информационные материалы, имеющиеся в фондах местных архивов.

Незначительная часть архивных материалов, касающихся проблем крестьянской торговли и материального положения колхозников Нечерноземья, в конце 1980-х годов была опубликована М.А.Безниным в виде методических рекомендаций и материалов к спецсеминару по истории советского общества⁹⁸. Эти материалы, оформленные в виде таблиц, составлены по результатам статистических разработок и содержат данные по десяти областям Нечерноземья. В частности, автор полностью опубликовал «Приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР», посвященное статистической характеристике семейных бюджетов рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих РСФСР в 1959 году. Из опубликованных источников следует также отметить различные статистические публикации. Это, прежде всего, общесоюзные и общероссийские сборники «Народное хозяйство СССР в ... году», «Народное хозяйство РСФСР в ... году», юбилейные издания – «Народное хозяйство...за 40 лет Советской власти», а также аналогичные сборники по республикам и областям, например, «Свердловская область в ... году». Ценность таких источников применительно к изучаемой проблеме невелика, но содержащиеся в них данные в определенной мере дополняют общую картину. От-

⁹⁸ *Безнин М.А.* Материальное положение колхозников российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества, часть 1). Вологда, 1988; *Безнин М.А.* Материальное положение рабочих и колхозников. 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории Советского общества). Вологда, 1989; *Безнин М.А.* Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества в 3-х частях). Вологда, 1990.

дельно надо отметить такой источник, как материалы Всесоюзной переписи населения 1959 года, которые содержат подробные сведения о численности и составе населения, его профессиональной и половозрастной структуре и другие данные⁹⁹.

Незаменимую помощь в изучении проблемы материального обеспечения крестьянства могут оказать различные программно-директивные и другие материалы органов законодательной, государственной и партийной власти по вопросам сельского хозяйства. Среди них Указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР, различные постановления и решения СНК и Совмина СССР, ЦК ВКП(б) и КПСС, облисполкомов и обкомов ВКП(б) и КПСС, профсоюзных органов, резолюции пленумов и конференций, стенографические отчеты и протоколы. Построенные в хронологическом порядке, эти документы дают наглядное представление об эволюционировании государственной политики по отношению к крестьянству, особенно в части ЛПХ, непосредственно влиявшего на уровень благосостояния сельского населения. Огромный массив таких материалов хранится в бывших местных партийных архивах: в Башкирии это ЦГАООРБ, в Оренбургской области – ЦДНИОО, в Свердловской области – ЦДООСО, фонд областного комитета КПСС (Ф.4).

Наконец, для исследования представляют интерес материалы центральной и местной печати, публицистические работы¹⁰⁰. Кроме того, представление об уровне материального благосостояния населения помогают составить также произведения мемуарно-публицистического характера, позволяющие взглянуть на исследуемую проблему через ощущения свидетелей описываемых событий. Использование этих материалов обогащает фактическую базу исследования, позволяет взглянуть на исторические события глазами реально живших в то время людей. В них на фоне описываемых авторами исторических событий или развития действия рассказа, повести или романа часто излагается большое количество фактов материально-бытового плана, представляющих для исследователя известную ценность. Из таких произведений обобщающе – мемуарного характера, отличающихся глубиной анализа истории нашей

⁹⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.

¹⁰⁰ Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5; Стреляный А. Последний романтик // Дружба народов. 1988. № 11.

страны, следует упомянуть работы Ю.А.Королева, Н.С.Леонова, А.Н.Яковлева¹⁰¹. Из работ же публицистического плана, принадлежащих отечественным авторам, следует упомянуть произведения таких известных российских писателей, как Ф.А.Абрамов, Е.И.Носов, В.В.Овечкин, В.Ф.Панова, А.И.Солженицын, В.Ф.Тендряков, известный больше по своим кинопроизведениям, В.М.Шукшин, и другие¹⁰². Мы перечислили только тех, чьи произведения, созданные не в угоду правящему режиму, а, скорее, вопреки ему, навсегда останутся в золотом фонде российской литературы.

Большое внимание уделил в своем творчестве теме военной и послевоенной деревни уральский писатель Н.Г.Никонов. Остается только удивляться таланту нашего земляка, сумевшего в условиях жесткой цензуры конца 1970-х годов донести до читателя правду об уральской деревне военных лет. Так, в одной из своих повестей он описал, как по приказу председателя-самодура колхоз слишком рано посеял пшеницу, которая тут же была уничтожена заморозками. А в это же время колхозники, которым не давали покосов, скашивали сено тайно, по ночам, чтобы хоть как-то накормить единственную свою корову¹⁰³.

Были, конечно, и другие литераторы, беззастенчиво рисующие послевоенную деревню в виде раскрашенной лубочной картинки, где в общем-то сытой и довольной жизнью жили счастливые колхозники. Возникающие же проблемы быстро, смело и уверенно решались энергичными председателями колхозов с помощью «сознательных» колхозников и, конечно, партийных и советских органов. Примером такого литературного «произведения» может служить роман С.П.Бабаевского¹⁰⁴.

¹⁰¹ *Королев Ю.А.* Кремлевский советник. М., 1995; *Леонов Н.С.* Лихо-летье. М., 1995; *Яковлев А.Н.* Горькая чаша. Ярославль, 1994.

¹⁰² *Абрамов Ф.А.* Собрание сочинений: В 6 т. Л., 1990; *Никонов Н.Г.* Дальние берега. Повести. Свердловск, 1980; *Носов Е.И.* В чистом поле... Повести, рассказы. М., 1980; *Овечкин В.В.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1963; *Панова В.Ф.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1969; *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений: В 8 т. М., 1991; *Тендряков В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1978; *Шукшин В.М.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1984.

¹⁰³ *Никонов Н.Г.* Дальние берега. Повести. Свердловск, 1980. С. 140.

¹⁰⁴ *Бабаевский С.П.* Кавалер Золотой Звезды. М., 1949.

Из работ упомянутого жанра, принадлежащих иностранным авторам, можно отметить произведение известного американского писателя Дж.Стейнбека, в котором он показывает жизнь советских людей, в том числе колхозников, в послевоенном СССР в 1947 году¹⁰⁵. Нетрудно догадаться, что ему давали наблюдать только «потемкинские деревни» (о чем писатель, видимо, догадывался), но тем не менее его книга заслуживает большого внимания. Стейнбек, вполне лояльно относившийся к СССР, старался быть просто сторонним наблюдателем и во всем найти положительную сторону. Но и у него можно встретить, например, упоминание о двух женщинах, осужденных «на 10 лет исправительных работ» за кражу трех фунтов (менее 1,5 кг) картофеля. Не менее интересна работа и другого зарубежного автора, А.Жида, известного французского писателя, посетившего «страну победившего социализма» несколько раньше – до начала Второй мировой войны. К чести автора, он сумел, несмотря на демонстрируемые ему нагромождения лжи и показухи, разобраться в сущности сталинского режима и дать ему достаточно объективную оценку¹⁰⁶.

И, наконец, завершая обзор источников данной работы, надо упомянуть самый новый из них, появившийся благодаря развитию научно-технической революции буквально несколько лет назад. Мы имеем в виду всемирную информационную сеть – Интернет. Возможность использования ее ресурсов для исследовательских работ, подобных нашей (как, впрочем, и любой другой), не вызывает сомнений даже сейчас, когда число документов в электронном виде ничтожно мало по сравнению с их общим количеством. На сегодняшний день наибольший интерес представляют, прежде всего, сайты Госкомстата России и региональных статистических управлений. Их главное достоинство – новизна и злободневность предоставляемой информации. В перспективе же интернет-источники станут, по нашему мнению, одним из важных ресурсов научных изысканий.

Рассуждая об источниках, нельзя обойти вниманием проблему их достоверности, которая приобрела особенную актуальность для исследователей после того, как стали известными факты фальсификации переписи населения СССР 1939 года. В связи с этим нам представляется, что данные бюджетных обследований, которые

¹⁰⁵ *Стейнбек Дж.* Русский дневник. М., 1989.

¹⁰⁶ *Жид А.* Возвращение из СССР. М., 1990.

послужили основой настоящего исследования, заслуживают доверия, прежде всего, по двум причинам. Во-первых, эти обследования проводились на протяжении многих лет, что исключает их фальсификацию как систематическое явление. Во-вторых, данные материалы уже изначально не предназначались для широкой огласки и обсуждения, что также говорит в пользу их достоверности. Долгое время они без движения лежали в архивах и стали доступны исследователям сравнительно недавно. Конечно, отдельные неточности и ошибки (некоторые, кстати, были обнаружены нами по ходу работы) встречаются и в материалах бюджетных обследований, но, на наш взгляд, даже реже, чем в исследованиях, основанных на их данных.

Аналогично к достаточно достоверным источникам мы бы отнесли официальные сайты сети Интернет.

С известной осторожностью необходимо, по нашему мнению, относиться к цифрам, содержащимся в динамических рядах фондов текущего архива Госкомстата. Они в целом согласуются с данными бюджетных обследований в части семейных доходов и расходов, но, как нам удалось обнаружить, содержат расхождения с ними в части количественного состава семей колхозников. А это, в свою очередь, приводит к завышению доходов и расходов в расчете на одну среднестатистическую душу. С достаточной долей уверенности можно предположить, что таким путем советская статистика приукрашивала действительное положение вещей.

Ошибки, неточности, а иногда и просто искажения действительной картины встречаются и в научных публикациях. Мы уже упоминали о нелепых ошибках в монографии Р.П.Толмачевой¹⁰⁷. Порой в научной литературе у различных авторов встречаются значительные расхождения в сведениях цифрового характера. Так, в монографии В.А.Белянова¹⁰⁸ утверждается, что объем валовой продукции сельского хозяйства СССР в 1940 и 1953 годах в сравнении с 1913 годом составил соответственно 116 и 122%, в то время как у Ю.В.Арутюняна мы найдем совсем другие (и, как нам представляется, более объективные) цифры – 90 и 105%¹⁰⁹.

¹⁰⁷ *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.).

¹⁰⁸ *Белянов В.А.* Указ. соч. С. 8.

¹⁰⁹ *Арутюнян Ю.В.* Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества. С. 33.

Что же касается других источников, то наименьшего доверия из них заслуживают упоминаемые нами различного рода справочники о состоянии и развитии народного хозяйства СССР и РСФСР за различные годы, равно как и изданные к различным юбилейным датам информационные сборники. И это неудивительно, так как собранная в них информация предназначалась для самой широкой публики, подавалась в предельно упрощенной и претенциозной форме и преследовала только одну цель – доказать «неоспоримые» преимущества советского образа жизни.

В целом же, несмотря на указанные выше недостатки, взятые в совокупности, все вышеперечисленные материалы представляют собой прочную и надежную источниковую базу для решения поставленных в монографии задач.

Доходы колхозников Урала в послевоенные годы

**2.1. Материальное положение колхозного
крестьянства Урала после окончания
Великой Отечественной войны**

**2.2. Натуральные доходы колхозников
и личное подсобное хозяйство**

2.3. Денежные доходы колхозников

2.1. Материальное положение колхозного крестьянства Урала после окончания Великой Отечественной войны

Семейный доход крестьянина-колхозника всегда включал в себя две составляющие: натуральную и денежную, соотношение между которыми было неодинаковым в различные периоды истории советского государства. Из причин же, непосредственным образом влияющих на это соотношение, как и на весь совокупный доход крестьянской семьи, в первую очередь следует отметить политику советского государства по отношению к крестьянству. Данную проблему взаимоотношений государства и крестьянства с полным правом можно назвать, по мнению В.П.Попова, «ключевой для понимания истории России»¹. И это неудивительно: ведь царская Россия всегда была страной преимущественно крестьянской, а в СССР городское население стало преобладать только во второй половине нашего столетия.

Коммунистическая идеология всегда рассматривала крестьянство прежде всего как класс собственников, а следовательно, как класс «реакционный» в отличие от «передового» класса наемных рабочих-пролетариев. В соответствии с этим идеологическим догматом и осуществлялась аграрная политика нашего государства, направленная прежде всего на то, чтобы, во-первых, никоим образом не допустить появления даже незначительной прослойки зажиточных фермеров-земледельцев и животноводов, а во-вторых, превратить крестьянство в безгласное и послушное орудие осуществления своей экономической политики. При этом предполагалось заставить крестьян обеспечивать продуктами питания не только самих себя, но и (разумеется, по дешевым ценам) все население страны, а промышленность – необходимым для ее нужд сырьем. Именно эти цели преследовала политика «военного коммунизма», а следом за ней – насильственно проведенная коллективизация.

Естественно, что при такой государственной политике доходность крестьянских хозяйств, а соответственно, и материальные условия жизни сельского населения изначально не могли быть высо-

¹ *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1946–1953). Париж, 1992. С. 7.

кими. В исследуемом же нами периоде ко всем прочим причинам, прямо или косвенно влияющим на уровень жизни, добавились еще и последствия только что закончившейся Великой Отечественной войны, которые в целом для бывшего СССР были крайне тяжелыми. Достаточно сказать, что страна потеряла 30% своего национального богатства². Серьезно пострадало и сельское хозяйство, основой которого было колхозное производство. Так, в 1946 году по сравнению с 1940-м посевные площади колхозов страны сократились на 24%, обеспеченность их основными производственными фондами – на 25%, валовая продукция сельского хозяйства – на 40%, трудовые ресурсы – на 32%. Поголовье КРС колхозников в СССР составило от уровня 1940 года 87%, овец и коз – 76%, свиней – 39%³. За этот же период численность колхозного крестьянства сократилась на 11,4 миллиона человек⁴, в том числе на 2 миллиона мужчин, демобилизованных из армии и привлеченных к работам по восстановлению промышленности. Снизился и удельный вес колхозного производства среди прочих категорий хозяйств – с 68% в 1941 году до 53% в 1945-м⁵. Естественно, не мог не упасть и общий объем производимого в стране продовольствия в годы войны. Так, производство продуктов питания сократилось: хлеба – в 2 раза, мяса – в 2,2 раза, масла растительного – в 2,7 раза, сахара – в 4,6 раза. Существенно снизился также выпуск промышленных товаров: тканей – в 2,2 раза, мыла – в 3 раза, обуви – в 3,3 раза⁶.

Уральский регион, находясь в глубоком тылу, не понес прямых потерь от ведения боевых действий и оккупации, но, тем не менее, в среднем по Уралу среднегодовое сельскохозяйственное производство сократилось на 21%, в том числе в Башкирии – на 23%, в Оренбургской области – на 20% и в Свердловской области – на

² *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979. С. 18.

³ *Чернявский У.Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне. М., 1964. С. 47.

⁴ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов–начало 60-х годов. М., 1992. С. 80.

⁵ *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е годы: Автореф. дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. Екатеринбург, 1993. С. 33.

⁶ *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 38.

14%⁷. Сильно повлияла война и на ЛПХ колхозников. Например, в Свердловской области на 1 января 1946 года по сравнению с 1940-м поголовье скота в ЛПХ колхозников составляло: КРС – 98%, овец и коз – 58% и свиней – 30%⁸. Поголовье свиней пострадало больше всего, так как для него требовались наиболее дефицитные в условиях войны корма – картофель и концентраты. Уменьшились и доходы крестьянских хозяйств от колхоза. Если в 1940 году количество зерновых, выделяемых для распределения по трудодням колхозникам Урала, составляло 15% валового сбора, то в 1945-м – 13%, а доля средств на эти же цели уменьшилась с 33 до 29%. За счет снижения валового сбора зерновых (из-за уменьшения урожайности и площадей посевов) сократилась выдача продуктов на 1 трудодень. Так, в Свердловской области этот показатель по зерну снизился с 1940-го по 1945 год более чем на 60%: с 1,95 кг до 0,76 кг⁹. Надо заметить, что, кроме зерна, колхозники и так почти ничего не получали в качестве натуроплаты. По подсчетам В.П.Мотревича, в разгар войны – в 1943-м году – в Свердловской области лишь в 2% колхозов по трудодням выдавалось какое-то количество мяса, молока – в 3%, картофеля – в 7%, овощей – в 15% колхозов. В том же году в 4 колхозах области не выдавали на трудодни даже зерновые, а в 99 колхозах совсем не выдавались деньги¹⁰.

Такое сокращение всех показателей произошло по нескольким причинам: во-первых, это убыль трудоспособного населения (в основном мужчин) по призыву в действующую армию и на промышленные предприятия, во-вторых, снижение технической оснащенности колхозов, и, наконец, в-третьих, общее ухудшение состояния экономики страны, перестроенной на военный лад. Здесь, правда, надо учесть то, что в результате снижения численности населения и инфляции денежные доходы в расчете на один колхозный двор даже несколько увеличились.

Однако острее всего ощущалась в колхозах нехватка рабочих рук. Так, численность трудоспособных колхозников на Урале сок-

⁷ *Мотревич В.П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Свердловск, 1991. С. 7.

⁸ Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 54.

⁹ Там же. С. 49.

¹⁰ Там же. С. 50.

ратилась с 1940-го по 1945 год на 35%, в том числе в Свердловской области – на 32%, в Оренбургской области – на 30%, в Башкирии – на 26%. Снизилась и средняя численность колхозной семьи. В первом послевоенном, 1946-м, году она составила: в Свердловской области – 3,54 человека, в Оренбургской области – 3,80 человека, в Башкирии – 4,28 человека. Общее же сокращение сельского населения Урала в 1945 году по сравнению с 1940-м составило 25%, в том числе в Свердловской области – 22%, Оренбургской – 14% и Башкирии – 38%¹¹. Такое резкое уменьшение численности трудоспособного населения в годы войны коснулось так или иначе всех регионов страны, но на Урале это проявилось в больших размерах, так как уральская деревня в годы войны была основным источником пополнения не только действующей армии, но и рабочих кадров промышленности.

Совершенно справедливо, на наш взгляд, Г.Е.Корнилов отмечал, что «огромные размеры убыли трудоспособного населения деревни деформировали социально-демографическую структуру, обострили проблему трудовых ресурсов села... Главной силой на селе стали женщины. Все это привело к тому, что сохранить производство в довоенных размерах оказалось невозможным. Да и то, что удалось добывать в уральской деревне в годы войны, было достигнуто благодаря самоотверженности, самопожертвованию и самоотдаче уральского крестьянства»¹². К этому сейчас уже можно смело добавить: «...и благодаря жестокости, беспощадности командно-административной системы, вынуждавшей людей идти на крайние лишения и заставлявшей их порой совершать, казалось бы, невозможное».

Естественно, что и материальные условия жизни крестьянства в годы войны по сравнению с довоенными годами резко ухудшились. Это можно проследить, прежде всего, по динамике рациона питания в годы войны, представленной в прил. 4 и 5. Из них видно, что потребление основных продуктов питания колхозников снизилось в 1945 году по сравнению с 1940-м: по хлебу, хлебопродуктам и мясу – почти вдвое в Свердловской и Оренбургской областях и почти втрое в Башкирии, а по яйцам – почти вдвое в Оренбургской области и почти втрое в Свердловской области и Башкирии. Также зна-

¹¹ *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 39.

¹² Там же. С. 55.

чительно снизилось потребление многих других продуктов. Например, в Свердловской области (см. прил. 5) в 1945 году по сравнению с 1940-м снизилось потребление: фруктов и ягод – в 1,9 раза, рыбы – в 3,8 раза, колбасных изделий – в 8,5 раз, сахара – в 10 раз.

Также нетрудно заметить, что в годы войны увеличилось потребление картофеля, овощей и бахчевых и молока. Без всякого преувеличения, эти и только эти продукты дали возможность крестьянству выжить в голодные годы войны. О качестве питания колхозников в годы войны сам за себя говорит уже тот факт, что в той же Свердловской области потребление в пищу кормовых корнеплодов возросло почти в 10 раз. А ведь надо иметь в виду, что 1945 год не был худшим в смысле питания, каковым, как это видно из таблицы, был предыдущий – 1944-й.

Необходимо отметить, что фактическое поступление продуктов в каждую семью было значительно больше (см. табл. 1), но далеко не все доходило до семейного стола, так как многое сдавалось государству (по обязательным поставкам, по контрактации, в фонд РККА), обменивалось и продавалось (не от хорошей жизни, а для уплаты того же сельскохозяйственного налога). По таблице нетрудно рассчитать, что ежедневный приход продуктов на одного среднестатистического колхозника Свердловской области в самом трудном (в смысле питания), 1944, году включал примерно 2,3 кг картофеля, 1,1 кг молокопродуктов, 0,85 кг зернобобовых, 0,25 кг овощей, 40 г мясопродуктов. Картина, аналогичная сложившейся в Свердловской области, наблюдалась и по другим областям и республикам Уральского региона. Некоторое увеличение потребления продуктов питания произошло в 1945 году, но довоенный уровень, тем не менее, не был достигнут.

И, наконец, небезынтересно отметить, что в годы войны из исследуемых регионов лучше всех питались колхозники Свердловской области, где уровень потребления основных продуктов был, за редким исключением, выше среднего. И это несмотря на то, что климатические условия области не благоприятствовали высокой урожайности, в ЛПХ свердловские колхозники трудились меньшее количество часов, чем это было в других регионах, да и площади приусадебных посевов у них были меньшими. На уровне среднего стандарта по Уралу было питание колхозников Оренбуржья. Хуже всех питались в годы войны колхозники Башкирии. Надо отметить крайне низкое потребление ими мясопродуктов и хлеба, что восполнялось повышенным потреблением картофеля.

Таблица 1

Поступление продуктов сельского хозяйства в семьи колхозников Свердловской области от ЛПХ, колхоза и путем самозаготовок (кг на одну наличную душу в год)

Годы	Зернобобовые сырые и переработанные	Картофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца (шт.)
1940	518	501	79	21	257	119
1941	445	577	44	21	267	96
1942	269	686	104	13	302	78
1943	153	534	97	11	340	65
1944	309	836	150	9	394	41
1945	222	826	96	15	399	49

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.457. Л.62, 63, 66, 67, 72, 73, 76, 77. Д.513. Л.56, 57, 60, 61, 81, 82, 85, 86. Д.514. Л.64, 65, 68, 69, 82, 83, 86, 87. Д.515. Л.73, 74, 77, 78, 86–89. Д.516. Л.77, 78, 81, 82, 93, 94, 97, 98. Д.517. Л.82–85, 90, 91, 94, 95 (расчеты автора).

Такое соотношение в уровнях питания колхозников исследуемых регионов можно, на наш взгляд, объяснить следующими причинами. Во-первых, колхозники самой промышленно важной и развитой Свердловской области, более интенсивно работая в общественном производстве и ЛПХ, имели и наибольшие доходы от них. Во-вторых, промышленные предприятия оказывали колхозам самую различную помощь в организации работ. Наконец, в-третьих, партийное и советское руководство области, напрямую отвечавшее перед Центром за поставки вооружения и продовольствия действующей армии, предъявляло к населению, в том числе к сельскому,

сверхвысокие требования военного времени. На обеспечении питанием населения области сказалось, конечно, и то, что на ее территории разместились 473 промышленных предприятия, эвакуированных из западных областей страны, из них в Свердловске – 202¹³. Поэтому области выделяли и наибольшие продовольственные фонды.

Конечно, не легче приходилось рабочим и служащим в городах. Так, в воспоминаниях служащей городского телеграфа можно найти строки о том, как она работала без выходных, отгулов и отпусков до 1945 года в совершенно невозможном, по нынешним временам, режиме: 8 часов работы, 8 часов отдыха и снова 8 часов работы. Обед при этом состоял из куска хлеба и тарелки похлебки из кислой капусты с древесными щепками вперемежку. О жилищных условиях того времени она пишет, что «жили в старой засыпанной времянке, под полом вода, топить печь нечем... Света не было, жгли копилку, собирались утром на работу почти впотьмах»¹⁴.

Примерно такое же катастрофическое положение сложилось в годы войны и в обеспечении колхозников непродовольственными промтоварами (см. табл. 2). Из этой таблицы хорошо видно, что с обеспечением ими колхозников дело обстояло еще хуже, чем с продовольствием. И это неудивительно: если продовольственную проблему крестьяне решали собственными силами, то производить качественные промышленные товары для них было невозможно. Тем не менее, чтобы хоть как-то удовлетворить свои потребности, сельяне занимались изготовлением домотканой одежды и даже самодельной обуви в виде лаптей. Так, только в Свердловской области за 1945 год было произведено 127 680 пар такой «обуви»¹⁵. Нетрудно рассчитать, что в исследуемых регионах в 1945 году по сравнению с 1940-м сократилось приобретение тканей – в 5,1 раза в Оренбургской и в 5,8 раза в Свердловской области, обуви – соответственно в 3,5 и 1,8 раза, мыла – в несколько раз. Еще хуже обстояли дела в Башкирии, где, например, приобретение колхозниками тканей в 1944 году снизилось более чем в 10 раз по сравнению с довоенным

¹³ Толмачева Н.С. и др. Мы приближали победу. Екатеринбург, 2000. С. 480.

¹⁴ Там же. С. 485.

¹⁵ Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). С. 66.

временем¹⁶. Таким образом, получается, что материальные условия жизни колхозников были наихудшими именно в этом регионе Урала.

Таблица 2

**Приобретение непродовольственных промтоваров
колхозниками Свердловской области
(на одну наличную душу)**

Годы	Ткани (м)	Обувь (пар)	Чулки и носки (пар)	Спички (короб- ков)	Мыло		Керо- син (л)
					хозяй- ст. (кг)	туалет. (кг)	
1940	5,2	1,1	н/св	н/св	0,9	0,1	2,3
1941	5,8	1,1	0,9	н/св	0,7	0,1	1,3
1942	0,7	0,5	0,05	н/св	0,3	0,02	0,3
1943	1,0	0,6	0,1	3,0	0,3	0,01	0,3
1944	0,6	0,6	0,1	8,3	0,3	0,006	0,2
1945	0,9	0,6	0,2	9,8	0,4	0,007	0,5

Источники: Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 177; Мотревич В.П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 65; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.457. Л.64, 65, 74, 75. Д.513. Л.58, 59, 83, 84. Д.514. Л.66, 67, 84, 85. Д.515. Л.75, 76, 77, 87, 90, 91. Д.516. Л. 79, 80, 81, 95, 96, 98. Д.517. Л.81, 85, 86, 92, 93, 94.

¹⁶ Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 177; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 457. Л. 64, 65, 74, 75. Д. 517. Л. 81, 85, 86, 92–94.

Невозможно не отметить совершенно уникальный факт: катастрофическое снижение уровня потребления товаров крестьянством в годы Великой Отечественной войны происходило, тем не менее, на фоне увеличения трудового дня! Количество часов, отработанных колхозниками той же Свердловской области в колхозе и МТС, за время войны значительно увеличилось. Так, в самом тяжелом по трудозатратам 1944 году, среднестатистический колхозник Свердловской области отработал на треть больше времени, чем в 1940-м (см. табл. 3). Общее же количество часов, отработанных среднестатистическим колхозником области в 1942–1945 годах (а это более 1500 часов ежегодно), следует признать очень большим даже по меркам военного времени.

Таблица 3

**Использование труда колхозников Свердловской области
в годы Великой Отечественной войны**

Годы	Средняя численность колхозной семьи	Отработано часов на одну наличную душу				В процентах		
		в колхозе	по найму	в ЛПХ	всего	в колхозе	по найму	в ЛПХ
1940	4,30	922	86	240	1248	74	7	19
1941	4,14	1026	101	124	1251	82	8	10
1942	3,84	1213	68	208	1489	81	5	14
1943	3,61	1218	122	226	1566	78	8	14
1944	3,46	1230	143	236	1609	76	9	15
1945	3,43	1157	129	240	1526	76	8	16

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.457. Л.52, 53, 70, 71. Д.513. Л.55, 62, 87. Д.514. Л.63, 70, 81, 88. Д.515. Л.72, 79, 81, 83. Д.516. Л.75, 76, 91, 92. Д.517. Л.79, 80, 88, 89 (расчеты автора).

Получается, что на среднестатистическую колхозную семью (включая детей и престарелых) вырабатывалось в среднем за каждый военный год больше пяти тысяч часов. Такую тяжелую цену заплатило колхозное крестьянство Урала за то, чтобы воюющая армия и работающая на нее промышленность были обеспечены продуктами питания и необходимым сырьем.

И, наконец, говоря о предшествующих исследуемому периоду военных годах, нельзя не сказать о динамике денежных доходов и расходов колхозного крестьянства, приведенных в прил. 6 и 7. Из прил. 6 хорошо видно, что львиную долю денежных доходов крестьяне, например, Свердловской области, получали не за тяжелый труд на колхозных полях и фермах, а от продажи продуктов сельского хозяйства, произведенных в ЛПХ. Сами за себя говорят предельно низкие доходы от работы в колхозе и полученные от государства в виде пенсий и пособий: фактически колхозное крестьянство эксплуатировалось как бесплатная да еще сама себя обеспечивающая, безропотная и безотказная рабочая сила. В динамике расходов колхозников в годы войны особенно бросается в глаза резкое увеличение расходов на уплату налогов и покупку облигаций государственных займов. Эти налоги и поборы (иначе не назовешь) в 1944 году составили свыше четверти всех, и без того небольших, денежных расходов в крестьянской семье. Почти ничего не давая колхозникам, заставляя их жить фактически натуральным хозяйством, государство, тем не менее, не забывало планомерно и методично взимать с них налоги. Оставшиеся после уплаты налогов деньги колхозники тратили в основном на покупку промтоваров (прежде всего продовольственных), а также на приобретение хлеба и других продуктов питания. На все остальные нужды средств у них просто не оставалось.

Мария Васильевна Богатырева, уроженка Пермской области, говоря о налогах колхозников, вспоминала, что «в войну налоги были невыносимыми. Кроме сельхозпродуктов брали деньгами: с каждого двора сельхозналог – 848 рублей, военный налог – 248 рублей и еще обязательный заем – 200 рублей. А откуда у колхозников деньги? Продавали на рынке все, что можно, кое-как расплачивались. Иначе опишут дом»¹⁷. Таким образом, окончание войны крестьянство Урала встретило с резко снизившимся уровнем пот-

¹⁷ Наука и жизнь. 2000. № 7. С. 79.

ребления, крайне невысокими доходами, в полном бесправии перед партийными и государственными органами и с единственной надеждой на улучшение жизни после Победы, доставшейся нашему народу столь дорогой ценой.

2.2. Натуральные доходы колхозников и личное подсобное хозяйство

Натуральные доходы крестьянской семьи на Урале в исследуемый период представляли собой продукты сельского хозяйства, получаемые от ЛПХ и от колхоза. Исключительная роль ЛПХ в крестьянском подворье достаточно подробно освещена в работах уральских исследователей села, а также в советской и российской историографии¹⁸, причем все без исключения исследователи подчеркивали, что основную долю своих доходов, в том числе и денежных, крестьянин получал от своего подворья. Советское государство, исповедующее коммунистическую идеологию, среди прочих приоритетов преследовало цель оторвать крестьянина от основного средства производства – земли, превратив тем самым колхозную деревню в аграрный придаток уродливо разраставшегося промышленного комплекса. Осуществив насильственную коллективизацию деревни, партийные и государственные органы, по существу, вернулись к политике военного коммунизма. При ней стремление крестьянина быть хозяином на земле рассматривалось как проявление частнособственнических пережитков и всячески ущемлялось, внутриколхозная демократия носила чисто декоративный характер, а над самими колхозами дамокловым мечом висела разветвленная система ведомственного и партийного бюрократического аппарата.

¹⁸ *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30-е–80-е годы). Свердловск, 1990; *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991; *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971; *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы. М., 1983; *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство. М., 1985.

Система отношений крестьян с колхозами, действовавшая в исследуемый послевоенный период, в основном, сложилась еще в упомянутые «коллективизационные» 1930-е годы. Первым шагом по пути фактического закрепощения крестьянства было Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года, согласно которому эта категория населения была лишена паспортов, и, следовательно, не могла свободно передвигаться по территории страны. В марте следующего, 1933-го, года было запрещено и отходничество из колхозов. Окончательно же колхозно-крепостная система оформилась в 1935 году, когда Вторым Всесоюзным съездом колхозников был утвержден главный документ, регламентирующий жизнь крестьянина-колхозника – Примерный Устав сельскохозяйственной артели. Согласно ему, из обобществленных земельных угодий в личное пользование каждого колхозного двора выделялся небольшой (от 0,25 до 1,0 га) участок земли. На практике размер этого участка, например, для Урала, в среднем составлял не более половины гектара. Этот небольшой участок земли да имевшиеся в хозяйстве скот и птица и были, без всякого преувеличения, кормильцами крестьянской семьи, хотя в упоминаемом нами Уставе приусадебному участку придавалось подчеркнуто «подсобное» значение. Между тем накануне коллективизации, в 1928 году, на долю единоличных крестьянских хозяйств приходилось 97% основных средств производства в сельском хозяйстве, не считая земли¹⁹.

Вообще термин «личное подсобное хозяйство», по нашему мнению, является абсолютно надуманным, искусственным, никоим образом не отражавшим **реальную** роль личного хозяйства крестьянина в его повседневной жизни. Это вычурное словосочетание понадобилось командно-административной системе для того, чтобы всемерно принизить роль ЛПХ, представить его как атавизм частнособственнических настроений крестьянства и убедить общество в его полной обреченности и исторической бесперспективности. Определение «подсобное» неоднократно встречается в различных постановлениях партии и Правительства. Так, в Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР от 6 марта 1956 года «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников и организаций колхозного производства и управлении делами артели» говорится, что «личное приусадебное

¹⁹ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 61.

хозяйство колхозного двора должно носить подсобный характер... (выделено нами. — В. М.) необходимо стремиться, чтобы роль общественного хозяйства в доходах колхозников во всех колхозах систематически увеличивалась... а приусадебный участок и доходы, получаемые от него, действительно играли подсобное значение и удовлетворяли, главным образом, личные потребности колхозника в свежих овощах, фруктах, ягодах»²⁰. Но пожелания партийно-хозяйственных идеологов никак не сходились с реальной действительностью, а в ней колхозные семьи существовали именно благодаря наличию у них ЛПХ.

Несмотря на беспрецедентные репрессии в период коллективизации и последующие принудительные меры экономического и внеэкономического характера, тоталитарный режим так и не смог заставить крестьян эффективно работать в колхозах. Даже при беглом знакомстве со статистикой доходов и расходов крестьянских семей, продуктивности ЛПХ и данными об использовании труда колхозников бросается в глаза, что эффективность крестьянского труда в ЛПХ была значительно выше, чем в колхозе, хотя времени на свое хозяйство у крестьянина часто почти не оставалось. За счет этого даже после вала репрессий, в 1940 году, крестьяне Урала обеспечивали свои потребности в мясе и сале на 92%, в картофеле — на 95%, в молоке — на 99%. В том же году колхозники региона получили от ЛПХ 54,8% совокупного денежного дохода. И много лет спустя после исследуемого нами периода, уже в 1980-х годах, ЛПХ колхозников Урала, располагая всего лишь 1,6% посевных площадей, производили 23,8% всей сельскохозяйственной продукции региона, в том числе 28% мяса, 27% молока, 20% яиц, 65% картофеля, 35% овощей²¹.

В том, что труд в ЛПХ был более эффективен, нет ничего удивительного, если четко определить функции, которые выполняло ЛПХ колхозника. Упомянутые функции ЛПХ выглядели следующим образом: это, во-первых, дополнительное (а фактически — основное) производство сельскохозяйственных продуктов, одна часть которых потреблялась семьей колхозника, а другая поступала на рынок; во-вторых, это был источник (также зачастую основной) денежных средств; и, наконец, в-третьих, ЛПХ являлось естественной, сложив-

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). М., 1983. Т. 9. С. 93–94.

²¹ Уральская энциклопедия. Екатеринбург, 1999. С. 223.

шейся веками формой самовыражения сельского населения. Отличительной особенностью ЛПХ в советской деревне была его тесная связь с общественным производством, и это не случайно. Как мы уже отметили, в целом политика партии и государства в сельском хозяйстве в конечном итоге сводилась к ликвидации частного сектора, а поэтому, покуда он все-таки существовал, и с этим приходилось мириться, личное хозяйство крестьянина стремились всеми средствами сделать зависимым от колхоза. Колхозник вынужден был просить у председателя колхоза транспортные средства и семена, участки для покоса и средства механизации, молодняк животных, а часто и просто продукты питания. Возникает вопрос, каким же образом колхозникам удавалось и отбывать трудовую повинность в общественном производстве, и с еще более высокой отдачей трудиться в подсобном хозяйстве? Здесь надо учитывать то, что ЛПХ велось усилиями всей крестьянской семьи, включая детей, подростков, стариков, многодетных женщин и даже инвалидов, так как такая кооперация при выполнении работ по обслуживанию ЛПХ изначально предполагала и совместное потребление и распределение произведенных продуктов. По подсчетам Г.И.Шмелева, в конце 1950-х годов на долю вышеуказанных категорий колхозных семей приходилось около 50% всех работ в ЛПХ²².

Трудовая деятельность в ЛПХ может быть описана рядом показателей, представляющих продолжительность труда, его производительность и результаты. При этом наиболее точным показателем затрат труда в ЛПХ являются отработанные в нем человеко-часы. Этот показатель позволяет учесть сезонные колебания затрат труда в личном хозяйстве, наиболее точно определить долю каждой социально-демографической группы населения в совокупных затратах труда в ЛПХ, полную трудовую нагрузку каждой из этих групп, распределение трудовой нагрузки между членами семьи, распределение затрат труда по дням недели, рабочим и выходным дням, а также выявить другие закономерности в формировании величины и структуры затрат труда в ЛПХ. Самым же надежным и проверенным способом учета затрат труда в ЛПХ служит статистика бюджетов населения как универсальный метод

²² Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. С. 48.

исследования всех сторон его жизнедеятельности. Преимущество этого метода затрат труда в ЛПХ заключается в том, что бюджеты одних и тех же семей изучаются ежемесячно в течение года, а во многих семьях – в течение ряда лет непрерывно, что позволяет наиболее глубоко и полно изучить тенденции изменения затрат труда в ЛПХ и выявить их определяющие факторы. Правда, бюджетные обследования имеют и существенный недостаток, так как не учитывают затраты труда по реализации продукции ЛПХ, по строительству и ремонту хозяйственных построек и сельскохозяйственного инвентаря.

Нам представляется возможным исследовать вопрос использования труда колхозников по данным бюджетной статистики путем усреднения их совокупных трудозатрат до среднедушевых, то есть на одну наличную душу, независимо от пола и возраста. Такие среднедушевые затраты можно получить, используя данные посемейной выработки в часах и средней численности колхозной семьи. На наш взгляд, такой подход не мешает выявлению основных тенденций динамики трудозатрат крестьянской семьи. В соответствии с ним динамика использования труда колхозников в исследуемом периоде может быть представлена в следующей форме (см. табл. 4). Из сведенных в таблицу данных со всей очевидностью следует, что интенсивность труда колхозников сильно отличалась по регионам. Так, годовая выработка часов на одну наличную душу в колхозе и МТС крестьянами Свердловской области превосходила аналогичный показатель 1946 года по Башкирии в 1,8 раза, а по Оренбуржью – в 1,5 раза. Соответственно у колхозников Свердловской области оставалось меньше времени на работу в ЛПХ, особенно в первые послевоенные годы. В дальнейшем, в 1950-х годах, эта разница сглаживается, но даже в 1960 году среднестатистический колхозник Свердловской области отработал на треть больше времени в колхозе и МТС и на четверть меньше в ЛПХ, чем колхозник той же Башкирии.

Из таблицы также хорошо видна большая разница и в суммарной среднедушевой отработке за год на общественных работах колхозниками исследуемых регионов. Если в Оренбургской области и Башкирии этот показатель далеко не доходил до 1000 часов, то в Свердловской области он опустился ниже этой отметки только в 1960 году. Данный интересный факт неравномерности выработки часов по регионам в общественном производстве и в ЛПХ либо

каким-то образом ускользнул от внимания исследователей данного вопроса, либо ему не придавали значения. На наш взгляд, уверенно можно сделать вывод, что на протяжении всего изучаемого послевоенного периода колхозники Свердловской области работали значительно большее число часов в колхозном производстве, чем колхозники других территорий Урала. Так, степень экстенсивности труда колхозника Башкирии была, по нашим расчетам, в 1946 году на уровне всего лишь 64% от колхозника Свердловской области, и даже в 1960 – на уровне 74%. Неудивительно поэтому, что, согласно принятой классификации, ЛПХ Башкирии по степени развитости относились к третьему, наиболее высокому уровню, а ЛПХ Среднего Урала – к слабейшему, первому. Промежуточное положение между ними занимали ЛПХ Оренбургской области²³.

Таблица 4

**Использование труда колхозников Урала
в послевоенные годы**

Годы	Республика, область	Отработано часов (на одну наличную душу)				В процентах:		
		в колхозе и МТС	по найму	в ЛПХ	всего	в колхозе	по найму	в ЛПХ
1946	Башкирия	647	78	268	933	65	8	27
	Оренбургская	744	89	324	1157	64	8	28
	Свердловская	1154	117	279	1550	74	8	18

Окончание табл. на след. стр.

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.78, 80, 81, 165, 167, 168. Д.3714. Л.97, 99, 100, 199, 201, 202. Оп.26. Д.443. Л.213, 214, 223, 224, 227, 228. Д.933. Л.102, 103, 104, 206, 207, 208 (расчеты автора).

²³ Уральская энциклопедия. С. 223.

Годы	Республика, области	Отработано часов (на одну наличную душу)				В процентах:		
		в колхозе и МТС	по найму	в ЛПХ	всего	в колхозе	по найму	в ЛПХ
1950	Башкирия	800	102	290	1192	67	9	24
	Оренбургская	917	111	294	1322	69	9	22
	Свердловская	1167	136	278	1581	74	9	17
1955	Башкирия	809	100	327	1236	66	8	26
	Оренбургская	851	92	310	1253	68	7	25
	Свердловская	1087	127	301	1515	72	8	20
1960	Башкирия	676	102	340	1118	61	9	30
	Оренбургская	792	97	326	1215	65	8	27
	Свердловская	912	165	336	1413	64	12	24

Кроме того, сделанный нами вывод подтверждается докладной запиской №12/593 от 20.12.1947 года, составленной заведующим отделом Совета по делам колхозов В.Чуиковым на имя председателя Совета А.А.Андреева и содержащей сведения о выработке обязательного минимума трудовой колхозниками различных областей России. В записке Свердловская область отмечается в числе областей, «отличающихся более высокой трудовой дисциплиной». Из приведенных в ней данных следует, что за 1946 год

среднемесячная выработка трудодней у среднестатистического трудоспособного колхозника Свердловской области была выше, чем у его собрата в Башкирии, на 40% (как видим, эта цифра примерно совпадает с нашими расчетами), а в Челябинской области – на 15%. Отставали по этому показателю от Среднего Урала и многие другие регионы РСФСР. Например, по нашим расчетам, в Рязанской области он был ниже на 50%, в Горьковской – на 35%, Тульской – на 32%, а в целом по РСФСР – на 14%²⁴.

Такая разница в выработке трудодней в масштабах региона и страны объясняется несколькими причинами, главнейшими из которых, на наш взгляд, были две. Это, во-первых, жесткость политики, проводимой местными властями, в вопросах выполнения планов заготовок и обеспечения населения городов продуктами питания. А во-вторых, это недостаток трудовых ресурсов в среднеуральской деревне (средняя численность колхозной семьи здесь, кстати, была наименьшей). Кроме этого, в какой-то степени на данный показатель, видимо, влияли и другие причины: климатические условия, уровень промышленного развития, исторические и культурные традиции населения. Основной же тенденцией в распределении рабочего времени уральских колхозников на протяжении почти всего исследуемого периода было непрерывное увеличение количества времени, отработанного в ЛПХ, и уменьшение времени работы в колхозе. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы, так что в 1985 году уральские колхозники отработали в своих ЛПХ уже почти втрое больше времени, чем в 1940-м²⁵.

Надо сказать, что колхозник обязан был не просто трудиться на колхозных работах, но при этом и выполнять упомянутый обязательный минимум трудодней, установленный постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года. В годы войны новым постановлением высших органов власти от 13 апреля 1942 года этот минимум был увеличен примерно в полтора раза и составлял для колхозников Урала 120 трудодней в год, а кроме того, был введен обязательный минимум для подростков – членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет в объеме 50 трудодней²⁶. Нельзя назвать такую норму отработки чрезмерной (тем более в условиях

²⁴ *Попов В.П.* Указ. соч. С. 235–236.

²⁵ Уральская энциклопедия. С. 223.

²⁶ *Попов В.П.* Указ. соч. С. 233.

военного времени), но нельзя и забывать, что за свой труд крестьянин-колхозник почти ничего не получал.

Окончание войны никак не отразилось на колхозной трудовой повинности: очередным постановлением тех же государственных органов от 31 мая 1947 года объемы обязательного минимума выработки были сохранены. Естественно, что это не могло найти понимание у колхозников, и в результате по итогам 1946 года минимум трудодней не выработал в стране почти каждый пятый из них²⁷. И это вполне понятно, так как мало кто с желанием работал на тяжелых работах, которые как правило, были ручные. Тем не менее, власти через средства массовой информации усиленно пропагандировали применение ручного труда. Так, на всю страну прославилась колхозница Анна Чуева из колхоза «Золотой колос» Башкирской АССР, которая якобы за день успевала вручную связать 10 тысяч снопов²⁸ (в эту цифру, конечно же, невозможно поверить).

Уклониться от обязательной отработки было непросто, так как колхозники, не выполнившие минимума без уважительных причин, могли быть привлечены к суду и понести наказание в виде исправительно-трудовых работ в колхозах с удержанием от оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. В дополнение ко всему был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», который предусматривал максимальное наказание до 8 лет высылки. Интересно, что этот, без преувеличения, драконовский, указ власти так и не осмелились опубликовать в открытой печати. Есть данные о том, что, в соответствии с этим указом, на Урале только в течение июля – сентября 1948 года на колхозных собраниях были приняты решения о высылке: в Башкирии – 106 человек, в Челябинской области – 186 человек²⁹. Так командно-административная система, применяя репрессии уголовного характера, в том числе и руками самих же колхозников, расправлялась с теми, кто не желал за бесценок работать на нее. К этому можно только добавить, что колхозник не имел права на отпуск и оплату больничных листов (а колхозница –

²⁷ Там же. С. 234.

²⁸ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 19.

²⁹ *Попов В.П.* указ. соч. С. 244–245.

еще и отпуск по беременности и родам), им не выделялись путевки в санатории и дома отдыха³⁰.

Карательная машина государства преследовала колхозников (как, впрочем, и всех остальных граждан страны) не только за нежелание трудиться бесплатно. Жестокому уголовному наказанию мог подвергнуться каждый даже за незначительный по цивилизованным меркам проступок. В связи этим много лет спустя один из бывших работников высшего органа государственной власти – Президиума Верховного Совета СССР – вспоминал: «...сколько в те годы попадало под колеса юстиции почти без вины – за опоздание на двадцать минут, за заболевание, сразу же не оформленное, за другие самые мелкие нарушения. Суд, тюрьма, лагерь – и снова подневольный труд, причем судебная процедура сокращалась до минимума: никаких адвокатов, никаких свидетелей, просто бумага с производства о факте и приговор»³¹. Кстати сказать, закон о судебной ответственности за нарушение производственной дисциплины был отменен только в 1956 году. Для тех же, кто (в большинстве случаев, от невыносимой нужды и голода) решался посягнуть на колхозную собственность, действовал другой закон высшего органа государственной власти – Указ от 4 июня 1947 года. Он предусматривал наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет с конфискацией имущества расхитителя за хищение общественного имущества. Примечательно, что кража личного имущества каралась гораздо менее строго³².

Натуральные доходы от своего ЛПХ крестьянин-колхозник получал в основном в виде продуктов растениеводства и животноводства и, кроме того, от охоты, рыболовства, собирательства, некоторых кустарных работ. В расчетах натуральных доходов колхозников государственные плановые органы порой, за недостатком таковых, учитывали даже «иные незаконные поступления, как то: сбор колосьев, перевеивание мякины и т.д., вплоть до случаев прямого хищения колхозного хлеба в период уборки»³³. Иными словами, власти не только считали естественным наличие в доходах крестьян «незаконных поступлений», но даже планировали их.

³⁰ Уральская энциклопедия. С. 289.

³¹ *Королев Ю.А.* Кремлевский советник. М., 1995. С. 74.

³² *Денисевич М.Н.* Указ. соч. С. 94.

³³ *Попов В.П.* Указ. соч. С. 137.

Право иметь приусадебный участок было провозглашено Конституцией СССР, а его размеры, как мы уже отмечали, лимитировались Уставом сельхозартели. Средние размеры земельных наделов в ЛПХ колхозников Нечерноземья в исследуемый период были следующими³⁴:

- в 1950 году: до 25 соток (0,01 га) – 21% хозяйств; 26–30 соток – 17% хозяйств; 31 и более соток – 62% хозяйств;

- в 1960 году: до 25 соток – 29% хозяйств, 26–30 соток – 28% хозяйств, 31 и более соток – 43% хозяйств.

Подобная картина снижения средних размеров земельного фонда ЛПХ наблюдалась и на Урале. Размеры же посевов были еще меньше. Погодовая динамика посевных площадей ЛПХ (см. табл. 5 и прил. 16), показывает, что наибольшие размеры они имели в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Таблица 5

**Средние площади посевов
в ЛПХ колхозников Урала**

Республика, области	Площади посевов ЛПХ по годам (кв. м)			
	1946 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.
Башкирия	2460	2529	2718	2446
Оренбургская	2449	2635	2634	2195
Свердловская	1882	1992	1968	1794

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1838. Л.20,22,23. Д.3721. Л.14,16,17. Оп.26. Д.440. Л.35,36,37. Д.930. Л.19,31,38.

³⁴ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1991. С. 89.

Процесс уменьшения размеров приусадебного фонда шел параллельно уменьшению количества крестьянских дворов, причем первый процесс шел интенсивнее второго, в результате чего сокращалась обеспеченность колхозников землей. В результате, в среднем по Нечерноземью размер земельного участка крестьянского двора в 1950 году составлял 0,34 га, к началу 1960-х годов – уже менее 0,30 га³⁵.

Различия в обеспеченности землей были существенными и по стране, и по исследуемым регионам. Из представленной таблицы (см. табл. 5) видно, что наименьшие площади посевов в ЛПХ были у колхозников Свердловской области. В исследуемый период они были меньше, чем у колхозников в Башкирии, в среднем примерно на 25% и меньше, чем у колхозников Оренбуржья, более чем на 20%. При этом Оренбургская область по данному показателю окончательно уступила Башкирии лишь в конце 1950-х годов. Максимальные же размеры посевных площадей ЛПХ имели место в первой половине 1950-х годов, а в дальнейшем, к концу исследуемого периода, происходит их неуклонное сокращение. Динамика суммарных посевных площадей колхозников Урала в первые послевоенные годы представлена в табл. 6.

Таблица 6

Размеры площадей посевов в ЛПХ населения Урала

Республика, области	Год	Площади посевов в ЛПХ населения (в скобках - в т.ч. колхозников), тыс. га
Башкирия	1946	121,3 (92,2)
	1950	124,9 (92,8)
	1960	99,1 (н/св)

Окончание табл. на след. стр.

Источники: *Безнин М.А.* Крестьянский двор в российском Нечерноземье 1950–1965 гг. Вологда, 1991. С. 118, 119; *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991. С. 170.

³⁵ Там же. С. 86.

Республика, области	Год	Площади посевов в ЛПХ населения (в скобках - в т.ч. колхозников), тыс. га
Оренбургская	1946	63,5 (44,6)
	1950	65,7 (45,1)
	1960	47,0 (н/св)
Свердловская	1946	71,0 (20,5)
	1950	69,4 (22,4)
	1960	59,7 (н/св)

Как видно из таблицы, наименьшая суммарная площадь земельных наделов, находящихся в личном пользовании колхозников, наблюдалась опять-таки в Свердловской области. Нетрудно также заметить, что отличительной особенностью Среднего Урала была высокая обеспеченность рабочих и служащих садами и огородами. По сравнению с другими регионами здесь эта категория населения имела большие площади под ЛПХ, чем колхозники.

Надо сказать, что существовала категория колхозников, совсем не имеющих земельных наделов или же имеющих земли только под хозяйственными постройками. Контингент таких «безземельцев» был различный: это и переселенцы, еще не успевшие получить землю, и вновь вступившие в члены колхоза, и даже добровольно отказавшиеся от земельных наделов из-за невозможности возделывания участка. Только в Свердловской области таких безземельных дворов насчитывалось в 1950 году 2,7% от их общего числа³⁶. Сразу же после войны началась кампания по ущемлению ЛПХ колхозников, в частности по всемерному урезанию их земельных участков. Начало этой кампании было положено Постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

³⁶ Там же. С. 87.

В нем отмечалось, что идет «расхищение общественных земель» (аналогичную формулировку можно найти и в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27.05.1939-го года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»), а партийным и советским органам предписывалось «усилить контроль» за размерами ОПХ и численностью скота в подворье крестьянина и, по необходимости, «изымать излишки». Кроме этого, в постановлении отмечались такие нарушения, как «разбазаривание трудодней», «расхищение колхозного имущества» и даже «подрыв демократических основ управления»³⁷.

Вышеупомянутому Постановлению предшествовала беспрецедентная по масштабам ревизия «сохранности общественной собственности», проведенная в мае – июле того же года министерством государственного контроля во главе с Л.З.Мехлисом. Всего ревизией было охвачено 60 районов союзных республик и 10 областей РСФСР, в которых было обревизовано 288 колхозов³⁸. В том числе ревизии подвергся ряд колхозов Оренбургской (тогда Чкаловской) области и Башкирской АССР. В докладной записке министра госконтроля руководству страны отмечалось, что «отдельные руководители партийных, советских и земельных органов бесцеремонно распоряжаются колхозной собственностью, незаконно изымают у колхозов скот, продукцию и денежные средства, командуют в колхозах, подменяя председателей и правления артелей, нарушают колхозную демократию». Далее в записке приводились вопиющие факты безобразий, творимых руководящими партийными и советскими работниками. Так, в Чкаловском сельском районе Оренбургской области руководители райисполкома и райземотдела вымогали продукцию у колхозов для проведения различных совещаний. Аналогичные факты отмечались в Покровском, Чкаловском и других районах. В колхозах Соль-Илецкого района той же Оренбургской области незаконно начислялись трудодни сторожам и дежурным сельсоветов, работникам больницы за обработку земли подсобным хозяйствам различных организаций. В записке приводились также и факты «грубого нарушения колхозной демократии, разбазаривания и расхищения общественной собственности колхозов»³⁹.

³⁷ КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 56–57.

³⁸ Попов В.П. Указ. соч. С. 24.

³⁹ Там же. С.25, 28, 34–38.

Как это уже часто бывало, «были приняты меры», но не только и не столько к конкретным виновникам вопиющих безобразий, а к большому числу колхозников, которые осмелились иметь лишний клочок земли или лишнюю голову скота: развернулась очередная кампания по изъятию «излишков» земли и скота у колхозников. Эта кампания явилась действительно беспрецедентной по своим масштабам. Уже к концу января 1947 года была проведена проверка наличной земли более чем в 198 000 колхозов, установлено 2255 случаев захвата общественных земель. По итогам проверки только к концу 1946 года колхозам страны было возвращено 4,7 млн. га земель, в том числе от колхозников – 521,5 тыс. га, а также 140 тыс. голов скота⁴⁰. В том числе на Урале только в Башкирии у колхозников было изъято 13 000 га пашни и 11 219 голов скота⁴¹, в Свердловской области – 10 372 га пашни и сенокосов⁴².

Что же касается многочисленных злоупотреблений со стороны руководящих лиц, то за таковые почти никто серьезно не пострадал. Так, в Чкаловской области, особенно критикуемой в упомянутой записке министра государственного контроля, было привлечено к ответственности лишь несколько районных работников и председателей колхозов⁴³. Правда, некоторое время спустя ЦК ВКП (б) принял специальное постановление, в котором критиковалось руководство области. Надо сказать, что подобные «самовольные захваты общественных земель» колхозниками продолжались и в дальнейшем, в 1950-х годах. Земельными органами в этот период зафиксировано множество таких фактов. При этом доля «захватчиков» обычно составляла 4–10% площади приусадебных хозяйств и лишь иногда – 10–12%⁴⁴. К слову говоря, «захваты» не всегда носили несанкционированный характер, так как часто и сами колхозники, и советские руководители являлись «нарушителями» порядков землепользования. Так, в 1953 году правление колхоза «Урал» Гаринского района Свердловской области расширило колхозникам сенокосение на колхозных лугах площадью 150 га, что проверкой земельных органов было признано незаконным. Как результат – изъятие сена и наказание виновных. Аналогичный

⁴⁰ Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978. С. 71–72.

⁴¹ *Денисевич М.Н.* Указ. соч. С. 93.

⁴² *Толмачева Р.П.* Указ. соч. С. 72.

⁴³ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 72.

⁴⁴ *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 92.

случай имел место в 1955 году в колхозе имени Ленина того же района и с теми же последствиями. Чтобы придать процессу обезземеливания крестьян законодательную основу, 26 марта 1954 года было принято Постановление Совета Министров СССР № 520, согласно которому производилось уменьшение размеров приусадебных участков, в результате чего в Свердловской области в 1955 году у 4760 колхозных дворов было отрезано 563 га земли⁴⁵. Забегая вперед, отметим, что вышеуказанное постановление было отменено только в 1964 году, когда процесс «раскрестьянивания» принял уже необратимый характер, и поэтому попытки государства вернуть отрезанную землю встречали зачастую только неверие крестьян и нежелание принимать ее.

Рассматривая структуру посевов в ЛПХ, нельзя не заметить, что преобладающую часть крестьянских посевов составлял картофель, причем его удельный вес постоянно увеличивался в Свердловской области и Башкирской АССР и оставался относительно стабильным в Оренбургской области, в которой больше, чем где бы то ни было на Урале, выращивалось овощей и бахчевых, зерновых и кукурузы. Как видно из табл. 7, удельный вес посевов картофеля по сравнению с посевами других культур был подавляющим (что, впрочем, для Урала и неудивительно – он всегда считался «картофельным» краем):

Таблица 7

**Удельный вес картофеля как основной культуры
в ЛПХ колхозников Урала**

Республика, области	Удельный вес посевов картофеля в ЛПХ (в % от общей площади посевов)			
	1946 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.
Башкирия	80,3	86,4	88,4	89,7

Окончание табл. на след. стр.

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1838. Л.20,22,23. Д.3721. Л.14,16,17. Оп.26. Д.440. Л.35,36,37. Д.930. Л.19,31,38 (расчеты автора).

⁴⁵ *Безгин М.А.* Указ. соч. С. 95–98.

Республика, области	Удельный вес посевов картофеля в ЛПХ (в % от общей площади посевов)			
	1946 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.
Оренбургская	65,3	74,3	71,8	67,2
Свердловская	86,3	89,4	91,8	92,5

Для сравнения: в 1950 году аналогичный показатель в среднем по РСФСР составлял 69%, по Нечерноземью – 74%, а наивысшее значение среди всех других регионов он имел в ЛПХ колхозников Мордовской АССР – 90%⁴⁶. Получается, что по посевам картофеля в ЛПХ колхозников Свердловская область была безусловным лидером в РСФСР. Данные, приведенные в таблице, подтверждают тот, в общем-то уже общеизвестный, факт, что именно картофель преобладал в структуре потребляемых крестьянами продуктов питания и составлял основную массу товарной продукции крестьянских хозяйств. Таким образом, преобладание картофеля как основной культуры в структуре посевов было характерной чертой послевоенного времени на Урале.

В первые послевоенные годы в южных регионах (Оренбуржье и Башкирия) в ЛПХ сеяли некоторое количество зернобобовых. Наибольший удельный вес зернобобовых имел место в Оренбургской области в 1947 году – 21,7% (см. прил. 16). В дальнейшем их удельный вес снижался, уступая место картофелю, овощам и бахчевым. Кроме того, исследуя структуру посевов на приусадебных участках колхозников, нельзя не заметить почти полного отсутствия плодово-ягодных насаждений, выращивать которые позволяли климатические условия даже самой северной из рассматриваемых территорий – Свердловской области. Так, даже уже в 1960-м году плодово-ягодных насаждений не имели: в Свердловской области – 74%, в Оренбургской области – 76% и в Башкирской АССР – 79% личных

⁴⁶ *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 118–119.

подсобных хозяйств (см. прил. 16). Объяснить это, на наш взгляд, можно тремя причинами: во-первых (и это главная причина), тяжелым налоговым бременем, заставлявшим колхозников вырубать сады и кустарники, во-вторых (касательно ягодных насаждений), возможностью сбора плодов в лесах, и, в-третьих, низкой культурой земледелия.

Итак, можно сделать вывод, что в послевоенные годы происходил процесс структурной перестройки приусадебного земледелия, выразившийся, прежде всего, в сокращении доли зернобобовых и увеличении доли посевов картофеля. Свои особенности этот процесс имел на Южном Урале – в Оренбуржье, где в исследуемый период значительно увеличились посевы прочих культур, а посевы картофеля, в отличие от других областей, в среднем на участок даже сократились. Причины подобных изменений в структуре посевов в ЛПХ заключались, во-первых, в развитии государственной и кооперативной торговли хлебом, а во-вторых, в увеличении денежных доходов крестьянства. Таким образом, у крестьянина наконец-то начала появляться возможность жить не только за счет натурального хозяйства. Все эти процессы можно и нужно рассматривать как безусловно положительное явление, но не надо забывать, что они происходили в середине XX века в стране, считавшейся (по крайней мере, по валовому промышленному производству и уровню военной мощи) одной из ведущих мировых держав. Кроме указанных выше двух главных причин, были и другие, способствовавшие увеличению доли картофеля и кормовых корнеплодов в структуре посевов ЛПХ. Этому, в частности, способствовал параллельный процесс снижения численности КРС в ЛПХ колхозников и развитие других отраслей животноводства, требующих иной кормовой базы. И, наконец, картофель был основным товарным продуктом ЛПХ, и поэтому крестьяне неохотно сокращали участки под него, даже при уменьшении общей площади ЛПХ.

Эффективность труда в ЛПХ была, как мы отмечали, значительно выше, чем в общественном секторе. Производство основных продуктов сельского хозяйства в ЛПХ в исследуемый период характеризуется следующими цифрами, приведенными в табл. 8.

Таблица 8

**Получение колхозниками Урала основных продуктов
питания от ЛПХ (кг на одну наличную душу в год)**

Респуб- лика, области	Продукты	Количество полученных продуктов по годам			
		1946 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.
Башкирия	Овощи и бахчевые	52	57	55	103
	Картофель	591	956	713	881
	Мясо и мясопродукты	12	23*	34	41
	Молоко и мол. продукты	213	232*	237	280
	Яйца (шт.)	31	40*	146	239
Оренбург- ская	Овощи и бахчевые	135	130	138	220
	Картофель	433	671	267	407
	Мясо и мясопродукты	17	21	48	47
	Молоко и мол. продукты	273	320	273	400
	Яйца (шт.)	56	58*	186	306

Окончание табл. на след. стр.

* Данные 1949 года. ** Данные 1956 года

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9,10,11,12. Оп.14. Д.657. Л.11,12,23,24. Д.2744. Л.16,17. Д.3009. Л.62,63; РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.20,21,37,39,107,108,122,124. Д.3714. Л.31,32,66,133,134,151; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников (расчеты автора).

Республика, области	Продукты	Количество полученных продуктов по годам			
		1946 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.
Свердловская	Овощи и бахчевые	77	131	65**	61
	Картофель	730	1082	1237	946
	Мясо и мясопродукты	20	23	34	32
	Молоко и мол. продукты	310	296	295	364
	Яйца (шт.)	53	81	159	186

При рассмотрении данной таблицы обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что наибольшие доходы от ЛПХ в натуральном выражении имели колхозники Оренбургской области. Так, они в расчете на одну наличную душу получали от ЛПХ больше, чем в других регионах, мясо- и молокопродуктов, яиц, овощей и бахчевых, а также зерновых. Колхозники самой развитой в промышленном отношении Свердловской области выращивали больше всех картофеля, а крестьяне Башкирии – фруктов и ягод, а также получали (что неудивительно для Башкирии) наибольшее количество меда. В целом же, по данным таблицы нельзя не заметить, что темпы увеличения продукции ЛПХ в Башкирии и Оренбуржье в послевоенные годы были выше, чем на Среднем Урале. В результате, например, башкирские колхозники в 1960 году получали от ЛПХ едва ли не больше продуктов, чем свердловчане. Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего низким уровнем потребления продуктов питания башкирскими колхозниками в предшествующие годы. Таким образом, в исследуемый период происходило выравнивание уровней потребления в целом по Уралу.

Исследователями условий жизни колхозного крестьянства Урала неоднократно подчеркивалось, что большую (если не сказать – подавляющую) часть потребляемых продуктов сельского хозяй-

ства колхозники получали от своего ЛПХ. На скромных по размерам участках колхозники снимали урожаи значительно выше тех, что выращивали на общественных землях. Достаточно высокими, по сравнению с колхозными, были в ЛПХ и удои молока, и другие показатели (см. прил. 13). Кроме того, для наглядности приведем табл. 9. Из этой таблицы хорошо видно, что все полтора исследуемых нами десятилетия колхозники Свердловской области (а в остальных регионах Урала ситуация была абсолютно аналогичной) практически полностью обеспечивали себя мясомпродуктами, картофелем и яйцами от своего ЛПХ.

Таким образом, в сущности за двадцать лет, по сравнению с 1940 годом, ситуация практически не изменилась: тогда на долю ЛПХ приходилось 94% поступившего картофеля, 76% овощей, 91% мясомпродуктов, 98% яиц, 99% молока⁴⁷. В исследуемый период, правда, медленно, но неуклонно снижался уровень самообеспечения семей колхозников только такими продуктами, как молоко, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды. Это было связано со снижением количества коров в личных хозяйствах и постепенной утратой стимулов к ведению ЛПХ. Удельный же вес ЛПХ в обеспечении другими продуктами оставался прежним. После сентябрьского (1953 года) Пленума ЦК КПСС произошло увеличение продуктивности ЛПХ, чему способствовал ряд проведенных в соответствии с его решениями мероприятий, несколько ослабляющих диктат государства в сельскохозяйственной политике.

⁴⁷ Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни, 1917–1985 гг. Свердловск, 1988. С. 89.

Таблица 9

**Удельный вес продуктов, поступивших из ЛПХ, в общем
объеме поступивших за год продуктов колхозников
Свердловской области (в %)**

Годы	Кар- тофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясо- про- дукты	Молоко и мо- лочные продук- ты	Яйца	Фрукты и ягоды свежие
1946	99	92	94	77	95	98
1950	96	71	88	74	95	97
1956	97	62	95	74	96	91
1960	97	82	90	71	96	73

Источники: Мотревич В.П. Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946–1958 гг. (по материалам бюджетных обследований)/ /Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1985 гг). Свердловск, 1988. С. 97; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9,10,11,12. Оп.14. Д.657. Л.11,12,23,24. Д.2744. Л.16,17. Д.3009. Л.62,63 (расчеты автора).

Но, как известно, с середины 1950-х годов вектор политики в отношении к ЛПХ изменился в сторону их ограничения и последующей ликвидации. Это произошло, прежде всего, потому, что командно-административную систему совершенно не устраивал быстрый рост продуктивности ЛПХ. Достаточно сказать, что в течение трех лет, с 1953-го по 1956 год, после ослабления налогового пресса и других позитивных мер валовая продукция ЛПХ увеличилась в 1,5–1,8 раза и, видимо, этот рост был бы еще большим, но его сдерживали ограничения ЛПХ в площадях и материальной базе⁴⁸. В результате появилось уже цитированное нами Поста-

новление ЦК КПСС и Совета Министров от 6 марта 1956 года «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении колхозными делами», в котором руководство страны, исходя из надуманного тезиса о якобы имевшей место «незаинтересованности» крестьян в наличии ЛПХ, рекомендовало колхозам и местным советским и партийным органам «проводить линию на сокращение ЛПХ»⁴⁹.

Хотелось бы заметить, что в работах ряда исследователей, даже уже «перестроечного» периода нашей истории, политика в области сельского хозяйства, намеченная сентябрьским (1953 года) пленумом ЦК КПСС именуется «новым курсом», ставшим якобы «переломным рубежом в развитии сельского хозяйства». Так, М.Н.Денисевич назвал его «поворотным событием в истории советской деревни»⁵⁰. На наш взгляд, такая оценка решений данного пленума достаточно спорна, особенно если учесть состояние сельского хозяйства страны к тому времени. В условиях низкой эффективности сельскохозяйственного сектора и нищеты, бесправной жизни сельского населения никаких других решений, кроме как облегчающих положение колхозников, Пленум, в принципе, и не мог принять. В связи с этим показателен такой факт: в январе 1954 года Н.С.Хрущев (избранный, кстати, на вышеупомянутом пленуме Первым секретарем ЦК КПСС) направил записку в Президиум ЦК КПСС, где привел данные о хлебных ресурсах страны. Из этих данных следовало, что в 1953 году хлеба в стране было заготовлено не только меньше, чем в 1951-м и 1952-м, но даже меньше, чем в 1940 году⁵¹.

В первые послевоенные годы (и с этим согласно большинство исследователей) не произошло сколько-нибудь значительного роста и сельскохозяйственного производства, и материального благосостояния колхозников, хотя внешне, судя по количеству партийно-хозяйственных форумов, посвященных вопросам развития сельского хозяйства, партия и правительство постоянно держали эти вопросы в поле своего зрения. Так, Р.П.Толмачева отмечала, что к концу

⁴⁸ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 107.

⁴⁹ КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 94.

⁵⁰ *Денисевич М.Н.* Указ. соч. С. 104.

⁵¹ *Адзубей А.И.* Те десять лет. М., 1989. С. 89.

четвертой пятилетки, то есть к 1950 году, в целом по стране и на Урале в частности «наметилась тенденция к снижению темпов развития сельского хозяйства»⁵². Достаточно сказать, что в 1950 году посевные площади и валовое производство колхозов страны составляли 97% от уровня 1940-го, а поголовье скота возросло всего на 2,5 млн. голов⁵³.

Отсюда ясно, что деревня практически не оправилась еще от последствий войны и находилась в катастрофическом состоянии. С этим согласны и зарубежные исследователи, отмечавшие, что в СССР «до 1953 года наблюдалась стагнация уровня жизни»⁵⁴. И это неудивительно, так как неэквивалентный обмен между городом и деревней, принудительно начатый государством еще в годы коллективизации, продолжался и после окончания Великой Отечественной войны. Так, из 298 миллиардов рублей национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве страны в 1946–1953 годах, на нужды деревни было использовано только 193 миллиарда рублей. Остальные 105 миллиардов ушли из села на нужды других отраслей экономики⁵⁵. Была и другая – внешнеполитическая – причина стагнации уровня жизни. Заклучалась она в том, что наша страна отказалась участвовать в плане Маршалла и, соответственно, не получила иностранных инвестиций на послевоенное восстановление экономики, как это произошло со странами Западной Европы. Полученные же от Германии репарации не могли компенсировать понесенные в ходе войны потери.

Поэтому государству был необходим временный компромисс с ЛПХ населения. Но, как только продуктивность сельскохозяйственного производства, особенно частного сектора, стала быстро возрастать, наметился новый «перелом», но уже в другую сторону, так как коммунистические лидеры (и Н.С.Хрущев здесь не исключение) высокую продуктивность сельского хозяйства связывали только с максимальной степенью его обобщественности. Отсюда и нелепое, как показала экономическая практика, сочетание

⁵² Толмачева Р.П. Указ. соч. С. 217.

⁵³ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 52.

⁵⁴ Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 115.

⁵⁵ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 25.

тенденции к всемерному ущемлению ЛПХ и стремления «в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения» (для чего, например, планировалось увеличить производство мяса к 1960 году в 3,5 раза). В связи с вышесказанным, представляется верным мнение М.А.Безнина о том, что «в течение всего периода руководства страной Н.С.Хрущева проводилась цельная и в достижении поставленных задач достаточно логичная политика по отношению к хозяйству колхозников. Суть ее состояла в завершении «раскрестьянивания», превращении хозяйства двора в личное подсобное хозяйство, а колхозника-крестьянина – в рабочего с огородом»⁵⁶. С этим мнением перекликается высказывание Ф.М.Бурлацкого, который в своих воспоминаниях отметил, что «в области сельского хозяйства Хрущев выступал даже большим государственным, чем Сталин»⁵⁷.

Решения, принятые руководством страны во главе с Н.С.Хрущевым и Г.М.Маленковым в сентябре 1953 года, могли бы совершить перелом в дальнейшем развитии (правильнее сказать – в угасании) сельского хозяйства в стране, но этого не произошло, они были сведены на нет последующими их же пагубными решениями. Последний шанс для спасения сельского хозяйства, который предоставила история руководству страны, использован не был, хотя вопросы развития сельского хозяйства обсуждались только с 1953-го по 1960 год на 10 из 15 пленумов ЦК КПСС⁵⁸. В целях осуществления такой политики и было издано упомянутое Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 года, где, помимо прочего, прямо говорилось, что «следует не допускать увеличения приусадебного земельного фонда за счет общественных земель колхоза, а, наоборот, стремиться к его сокращению, поскольку использование земель в общественном хозяйстве при наличии в МТС большого количества техники и высокой механизации будет несравненно выгоднее, и колхозники в конечном счете получают доход значительно больше». Далее в том же Постановлении говорилось, что при внесении поправок, изменений и дополнений в Устав сельскохозяйственной артели «следовало бы иметь

⁵⁶ *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 106.

⁵⁷ *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. М., 1990. С. 193.

⁵⁸ *Арутюнян Ю.В.* Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества. М., 1961. С. 3.

в виду», что «вряд ли есть необходимость сохранять ранее установленное количество скота, которое может иметь колхозный двор»⁵⁹.

В продолжение такой политики декабрьский (1958 года) Пленум ЦК КПСС рекомендовал уже совхозам в течение короткого времени выкупить весь скот у своих работников. И, наконец, как документ, завершающий разгром подсобных хозяйств населения, 12 августа 1959 года был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках»⁶⁰. Хотя два последних акта формально не касались колхозников, но они, несомненно, также в большой степени способствовали укреплению у них чувства неуверенности в будущем их ЛПХ. Неудивительно, что с 1959 года численность КРС в ЛПХ колхозников стала снижаться и уже никогда более не увеличивалась (см. прил. 12). Можно с уверенностью констатировать, что 1958–1959 годы стали для личных хозяйств колхозников годами необратимого перелома к худшему.

Количество скота, которое могло быть в распоряжении крестьянской семьи, также лимитировалось Уставом сельхозартели. Так, один колхозный двор мог иметь в наличии одну корову, не более двух голов молодняка крупного рогатого скота, 1–2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз, до 20 ульев. Правда, разрешалось иметь неограниченное количество птицы, а для отдельных районов Башкирии, Сибири, Дальнего Востока и некоторых других – большее количество скота. Примечателен тот факт, что, в отличие от колхозного, поголовье КРС в ЛПХ населения на Урале в годы войны не только не сократилось, но и увеличилось с 2141,0 тыс. голов в 1941 году до 2334,1 тыс. голов в 1945-м, в том числе коров – с 1422,0 до 1509,2 тыс. голов. Правда, значительно снизилась численность свиней, овец и коз⁶¹. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря наличию скота, птицы и вообще ЛПХ крестьянство Урала в годы войны в массе своей не голодало. Что касается исследуемых регионов Урала, то обеспеченность там личных хозяйств колхозников скотом и птицей в послевоенные годы была следующей (см. табл. 10 и прил. 12).

⁵⁹ КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 92–93.

⁶⁰ О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 августа 1959 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 30. Ст. 493.

⁶¹ Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 143.

Таблица 10

**Обеспеченность скотом и птицей хозяйств колхозников
(голов скота и птицы на 100 колхозников на начало года)**

Часть 1

Республика, области	Год	Крупный рогат. скот	В т.ч. коровы	Свины
Башкирия	1946	129,9	74,1	9,4
	1950	129,9	70,4	4,3
	1955	125,4	63,9	27,2
	1960	129,1	68,0	44,5
Оренбургская	1946	162,9	87,0	9,3
	1950	147,7	78,3	6,4
	1955	159,0	70,3	43,6
	1960	148,8	79,8	55,3
Свердловская	1946	132,7	84,9	10,3
	1950	107,2	66,4	15,9
	1955	99,1	57,2	39,0
	1960	81,2	70,1	61,3

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.216, 217, 218, 219. Д.3714. Л.250, 251, 252, 253. Оп.26. Д.443. Л.18, 20, 22. Д.933. Л.24, 25, 26 (расчеты автора).

Часть 2

Республика, области	Овцы и козы	Птица	Кролики	Пчелы (рои)	Лошади
Башкирия	236,1	255,1	-	21,4	-
	173,5	425,3	1,2	39,1	1
	269,9	1158,5	0,8	35,3	0,2
	443,2	1505,9	5,7	62,2	0,1
Оренбургская	234,6	524,7	-	10,0	0,1
	179,1	653,2	-	13,3	-
	303,4	1557,9	-	11,2	-
	416,2	1960,0	0,7	22,9	0,5
Свердловская	172,6	441,1	3,2	9,3	-
	119,9	579,6	24,8	8,9	-
	149,0	984,9	60,2	9,3	0,2
	214,5	1117,5	8,7	11,6	-

Изучая представленную таблицу, можно сделать ряд достаточно интересных выводов. Так, нельзя не обратить внимание на практически полное отсутствие в хозяйствах колхозников основной тягловой силы — лошадей. Послевоенная деревня была уже безлошадной, и крестьянин даже при желании не смог бы обрабатывать большие участки земли (а трактора в фермерских хозяйствах и по сей день встречаются нечасто). Нелишне напомнить, что в 1910 году в четырех уральских губерниях (Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской) насчитывалось 2 753 458 лошадей⁶², то

⁶² Уральская энциклопедия. С. 200.

есть одна лошадь приходилась на четырех жителей. Во всей же России уже в конце XIX века насчитывалось более 25 млн. лошадей⁶³.

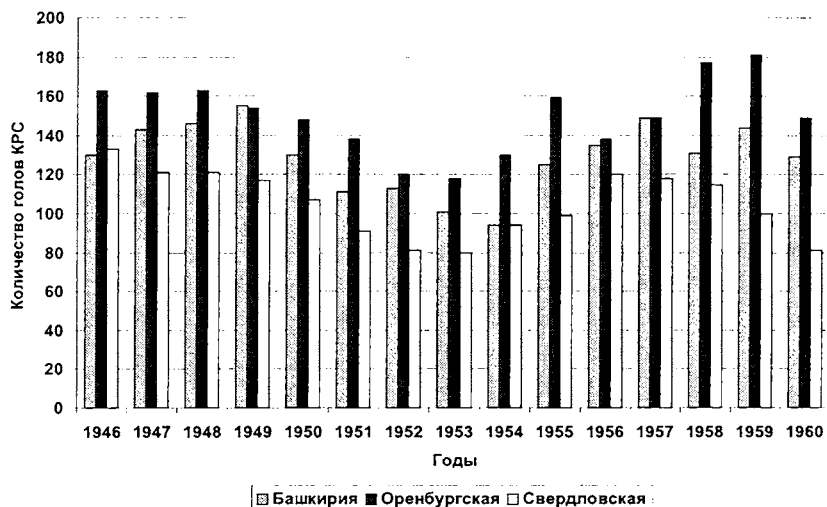
Из приведенных в таблице 10 цифр также следует, что после 1953 года структура поголовья скота в ЛПХ колхозников начинает необратимо изменяться: медленно, но неуклонно снижается удельный вес КРС и, наоборот, быстро увеличивается численность свиней, овец, коз, а в Свердловской области еще и кроликов. Небезынтересно заметить, что кролиководство, интенсивно развивавшееся среди колхозников в 1950-х годах, сошло на нет к началу 1960-х годов, уступив место разведению свиней, овец, коз и птицы. Любопытно проследить, как изменялась обеспеченность крупным рогатым скотом: в Свердловской области этот показатель снизился к 1960 году по сравнению с 1946-м почти на 40%, по Оренбургской – на 9%, а вот в Башкирии он остался практически таким же. Эти цифры, на наш взгляд, довольно точно характеризуют условия для содержания и разведения скота на различных территориях Урала: дольше всего они сохранялись на приемлемом уровне именно в Башкирии и Оренбуржье.

Если для наглядности изобразить динамику обеспеченности крупным рогатым скотом в виде графика (см. диагр. 1), то на нем отчетливо будет видно, как уменьшалось количество крупного рогатого скота в ЛПХ до 1953 года, затем возрастало до 1958 года и снова снижалось. Эти волнообразные колебания в точности отражают такую же неровную, колеблющуюся политику государства в крестьянском вопросе в исследуемый период.

В народной памяти сохранилось множество свидетельств о преследованиях тех колхозников, которые, вопреки всем запрещениям, старались сохранить на дворе хоть какую-нибудь живность. Уже упоминаемая нами колхозница М.В. Богатырева вспоминает, что «в 50-е годы... колхозникам запретили держать свиней, дабы не увлекались личным хозяйством в ущерб общественному. Нарушителям грозил штраф 500 рублей (это при безденежье-то в деревне). Однако Зверев Василий Андреевич посмел преступить закон – тайно завел поросенка. Однажды его предупредили, что завтра придет комиссия, которая будет проверять, все ли выполняют приказ о живности. Чтобы поросенок не хрюкал, хозяин как следует

⁶³ **Белянов В.А.** Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970. С. 96.

**Обеспеченность крупным рогатым скотом
колхозников Урала (голов на 100 наличных душ
колхозников на начало года)**

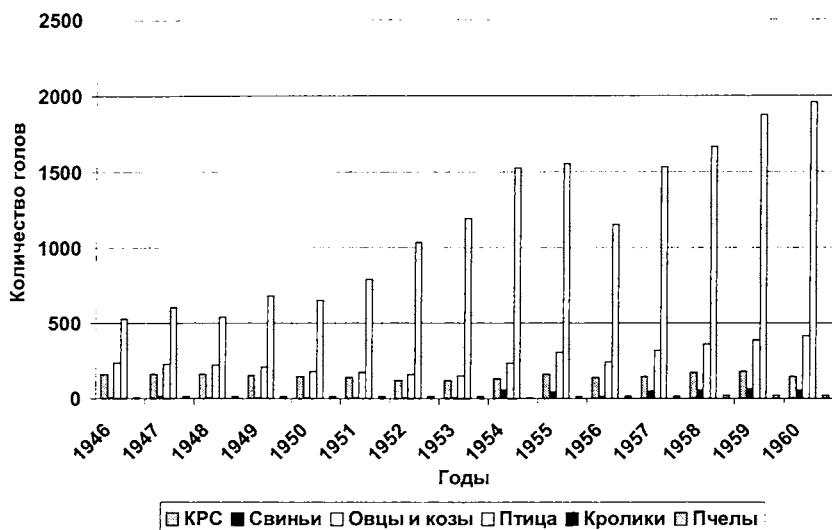

его накормил и хитро поместил под сени. Вся деревня знала о поросенке и, затаив дыхание, ждала: найдут ли его? Не нашли!»⁶⁴. Как говорится, и смех и грех. Но, правда, какой уж тут смех!

При внимательном рассмотрении погодовой динамики численности скота и птицы в хозяйствах колхозников исследуемых регионов (см. прил. 11) нельзя также не заметить резкого снижения этого показателя на начало 1956 года по сравнению с 1955-м в ЛПХ колхозников Оренбургской области и частично – Башкирии. Так, численность крупного рогатого скота колхозников Оренбуржья сократилась на 13%, овец и коз – на 21%, птицы – на 27%, свиней – почти в 4 раза. В соседней же Башкирии снизилось поголовье свиней – на 31% и птицы – на 9%. Для наглядности приведем следующую диаграмму.

⁶⁴ Наука и жизнь. 2000. № 7. С. 79.

**Обеспеченность скотом и птицей
колхозников Оренбургской области
(голов на 100 наличных душ колхозников на начало года)**

На ней хорошо видно указанное снижение поголовья всех видов скота в 1955 году в Оренбургской области, как будто по всем кривым ударили чем-то тяжелым и они прогнулись. В то же время в Свердловской области наблюдался только рост такого поголовья.

Объяснить это странное явление можно, на наш взгляд, тем, уже общеизвестным, фактом, что в сентябре 1954 года в Оренбургской области на Тоцком военном полигоне проводились (впервые в истории человечества) учения войск с реальным применением ядерного оружия. В ходе этих учений, проходивших под руководством Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, было взорвано ядерное устройство, а затем через эпицентр взрыва прошли войска общей численностью около 40 000 человек. Вполне возможно, что спустя некоторое время, когда обнаружилось наличие радиоактивного заражения окружающей местности, были приняты меры по уничтожению скота и птицы, находившихся в зоне учений. Зная,

какими строгими мерами секретности и цензуры сопровождалось проведение подобных мероприятий, легко объяснить и отсутствие малейшей информации об этом.

Если внимательно проанализировать периодическую печать Оренбуржья тех лет, то наверняка можно обнаружить косвенные свидетельства в пользу нашей гипотезы. Так, в 1958 году, председатель колхоза «12 лет Октября» Акбулакского района Оренбургской области Г.Зубцов, объясняя резкое увеличение производства мяса в колхозе с 1955-го по 1957 год, заявил, что «несколько лет назад колхозники отказались от забоя скота в молодом возрасте (?) и организовали дорастивание и нагул крупного рогатого скота»⁶⁵. Напрашивается естественный вопрос: почему это колхозники забивали скот в молодом возрасте, а потом вдруг перестали это делать? В связи с этим было бы интересно рассмотреть динамику численности скота и птицы в указанные годы в соседних областях и республиках – например, в Самарской и Саратовской областях и в Татарии.

Продуктивность скота и птицы в ЛПХ несколько различалась по регионам. Так, по удою молока и выходу мяса на одну голову крупного рогатого скота Свердловская и Оренбургская области довольно значительно опережали Башкирию, хотя, казалось бы, природно-климатические условия в республике были наиболее благоприятны для разведения и содержания скота самых продуктивных пород. По яйценоскости кур чуть лучшие показатели были опять же в Свердловской области. И только по настригу шерсти с одной овцы наша область уступала Башкирии и Оренбуржью. Надо сказать также, что продуктивность ЛПХ в Уральском регионе была в среднем, естественно, ниже, чем по СССР, из-за достаточно суровых природных условий. Например, средний годовой удой молока по СССР в 1960 году составлял 1941 литр от одной коровы⁶⁶. По Оренбуржью этот показатель в указанном году составил только 1629 л, по Свердловской области – 1705 л (см. прил. 12).

Была и еще одна причина, по которой крестьянину становилось все труднее и труднее содержать КРС: трудности с выпасом и кормами. В обеспечении кормами крестьянин все больше зависел от колхоза, все меньше заготавливал их сам, так как для сенокоса предоставлялись, как правило, самые неудобные места. Особенно

⁶⁵ Молочное и мясное животноводство. 1958. № 10. С. 8.

⁶⁶ Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 93.

сложное положение с кормами и выпасами складывалось в наиболее суровой по климатическим условиям области – Свердловской. Не случайно снижение численности КРС было наибольшим именно здесь. Насколько колхозники зависели от колхоза в обеспечении кормами, показывает табл. 11.

Таблица 11

Получение колхозниками Урала сена от колхоза

Республика, области	Год	Получено сена от колхоза (в % от общего количества)
Башкирия	1946	4
	1950	21**
	1955	32
	1960	36
Оренбургская	1946	8
	1950	36
	1955	н/св
	1960	н/св
Свердловская	1946	35
	1950	53
	1955	70*
	1960	80

* Данные 1956 года. ** Данные 1949 года

Источники: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 518. Л. 9, 10, 11, 12. Д. 657. Л. 11, 12, 23, 24. Д. 2744. Л. 16, 17. Д. 3009. Л. 62, 63; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1830. Л. 20, 21, 37, 39, 107, 108, 122, 124. Д. 3714. Л. 31, 32, 66, 133, 134, 151; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников (расчеты автора).

Нам представляется, что существует определенная корреляционная зависимость между количеством скота в ЛПХ и удельным весом кормов, получаемых от колхоза, в их общей потребленной массе. Так, из представленной таблицы видно, что в Башкирии в исследуемый период снижения численности КРС не произошло в том числе и по той причине, что башкирские колхозники не зависели так в обеспечении кормами от колхоза, как это было в Свердловской области. Там в 1960 году ЛПХ колхозников получали 80% сена от колхоза, а по Башкирии этот показатель в том же году составил только 36%. Нетрудно представить себе тот всевозможный произвол, который могли творить местные руководители по отношению к колхозникам (а что говорить о единоличниках!), пользуясь такой зависимостью их в важнейшем вопросе сельской жизни, каковым является обеспеченность кормами. Кормов не хватало, их приходилось покупать все в больших количествах, отрывая деньги от и без того небогатого бюджета крестьянской семьи, о чем красноречиво говорит следующая табл. 12, куда сведены данные о покупке колхозниками Свердловской области кормов для обеспечения своего скота:

Таблица 12

Покупка кормов крестьянами Свердловской области

Виды кормов	Куплено кормов на одну семью (кг)			
	1946 г.	1950 г.	1956 г.	1960 г.
Сено всякое	84	62	81	200
Солома (яровая и озимая)	8	14	67	120

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9,10. Оп.14.Д.657. Л.11. Д.2744. Л.16,18. Д.3009. Л.62 (расчеты автора).

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что на смену исконной крестьянской кормиллице – корове – постепенно приходили требующие меньшего жизненного пространства виды мелкого скота, да и их поголовье тоже сокращалось. Можно также

сказать, что именно в 1950-х годах перед крестьянским двором отчетливо замаячила перспектива: вслед за лошадью потерять и корову. Издесь нелишне напомнить, что к началу XX века в России (в современных границах) насчитывалось 31,6 млн. голов КРС на 67,5 млн. человек населения⁶⁷. И почти столько же скота — около 33,0 млн. голов — было в 1999 году, вот только население страны к этому времени увеличилось более чем вдвое⁶⁸... Большое количество коров имелось и в хозяйствах жителей Урала. Так, на одном из выставочных стендов Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала можно найти информацию о том, что в далеком 1869 году население Нижнетагильского завода и окружающих его пяти деревень (Верхнесалдинской, Черноисточинской, Висимоуткинской, Висимошайтанской и Лайской) держало 9673 коровы (а кроме того, 15 797 овец, 578 свиней и 45 коз).

Снижение численности скота в ЛПХ в послевоенные годы было вызвано и уже упоминавшейся очередной кампанией борьбы с приусадебными хозяйствами колхозников. Наряду с изъятием значительных площадей земельных наделов у колхозников только в Башкирии в первые послевоенные годы было изъято 11 219 голов скота, а всего на Урале за эти годы количество коров в ЛПХ колхозников уменьшилось на 236,5 тысяч, то есть на четверть, а поголовье свиней — на 29,9 тысячи, то есть более чем на 40%⁶⁹.

Правда, как это уже было в прошлом, например, при проведении коллективизации, порой принимались меры противоположной направленности. Скорее, даже не меры, а различные постановления, которые их предусматривали. Так, февральский (1947 года) Пленум ЦК ВКП(б) в постановлении «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» определил меры, направленные на рост общественного и личного стада и их продуктивности. Эти меры, в частности, предусматривали закупку в ЛПХ рабочих и служащих значительного количества коров и продажу их на льготных условиях колхозникам, их не имеющим. Кроме того, Пленум потребовал организовать в этих целях в течение 1947–1948 годов помощь кредитом бескоровным колхозникам для приобретения ими телок, ока-

⁶⁷ Россия. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург. 1991. С. 241.

⁶⁸ Новая хроника. 1999. № 40. 20 сентября.

⁶⁹ КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 98–145.

зывать им помощь в обеспечении кормами и пастбищами, а также зоотехническую и ветеринарную помощь⁷⁰. Но все эти слова остались на бумаге, а эффект от решений Пленума был крайне незначительным, если не сказать – отрицательным. Так, на 1 января 1949 года по сравнению с 1 января 1947-го поголовье коров в хозяйствах колхозников Оренбургской и Свердловской области уменьшилось соответственно на 5,2 тысячи и 5,5 тысячи голов, а в Башкирии – увеличилось всего на 3,5 тысячи⁷¹.

Таким же импульсивным и нереализованным осталось более позднее Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 9 марта 1955 года «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». Этим постановлением руководство страны (и, прежде всего, Н.С.Хрущев) попыталось прекратить практику жесткого администрирования в отношении колхозов, которым предписывалось когда, что и как сеять, сколько и какого скота разводить и т.д. и т.п. Предполагалось ввести новый порядок планирования, взяв за основу объем производимой каждым конкретным колхозом продукции, что поощряло бы инициативу колхозов в улучшении использования закрепленных за ними земель. Кроме того, предусматривалось, что государственный план по обязательным поставкам будет доводиться до колхозов не позднее 1 сентября текущего года и что колхозы смогут по собственному усмотрению определять размер посевных площадей под культуры, а также продуктивность животноводства и количество скота по видам.

На наш взгляд это постановление так и осталось на бумаге, в связи с тем, что сельское хозяйство давно уже было полностью во власти командно-административных методов управления. Поэтому реализовывать подобные, в общем-то здравые, позитивные решения было просто некому: партийно-хозяйственные «верхи» их не принимали и не могли принять в силу своего менталитета, а задержанные бесконечными, зачастую некомпетентными, указаниями «низы» оказались, естественно, не готовы принять, выражаясь современным языком, «так много суверенитета».

Двойной стандарт, органично присущий советскому обществу во всех сферах экономики и социальной жизни, в сельском хозяйстве проявлялся в том, что на словах осуждалось администрирование, бюрократизм и ущемление прав колхозов, а на деле последние были

⁷⁰ Россия. Энциклопедический словарь. С. 241.

⁷¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. Д. 2228. Л. 224, 225, 227. Д. 3177. Л. 233, 235, 236.

всего лишь исполнителями воли партийно-хозяйственного аппарата. Жизнь убедительно доказала, что дальнейшее развитие крестьянского подворья и существование командных методов управления сельским хозяйством были несовместимы. Истинное же отношение власть имущих к ЛПХ хорошо характеризует обнаруженная нами следующая выдержка из заключения по итогам переписи скота в Свердловской области на 1 января 1948 года: «...обращают на себя внимание значительные нарушения Устава сельскохозяйственной артели, имеющиеся в Свердловской области: 1951 хозяйство имеет по 2 коровы, 8 хозяйств имеют по 3 коровы»⁷². Иными словами, властями рассматривался как криминал тот факт, что в громадной области 8 (!) хозяйств имеют по 3 коровы (всего в области на 1 января 1948 года в подворьях колхозников числилось 80,9 тысяч коров, а все поголовье КРС составляло 121,1 тыс. голов).

Такая политика не могла не принести своих горьких плодов: уже в 1952 году в Свердловской области 14% колхозных хозяйств не имели вообще никакого скота, а 45% не имели коров⁷³. Колхозники отучались держать скот, имея печальный опыт соприкосновения с нелепыми и непоследовательными действиями властей. Благодаря такой «целенаправленной» политике руководство, например, Свердловской области в 1959 году смогло отчитаться о выполнении двух годовых планов продажи мяса государству, а сама область была награждена орденом Ленина⁷⁴. В перспективе уже проглядывалась «социалистическая» деревня без скота, так как все решения руководящих органов подталкивали его владельцев к «легкой» жизни, не обремененной заботами о кормах, выпасах, содержании и т.д. Заглядывая вперед, в 1960-е, 70-е и 80-е годы, надо сказать, что так оно и произошло: в первом году горбачевской «перестройки» – 1985-м – уже более 40% хозяйств колхозников, например, Свердловской области не имели никакого скота, половина не имели КРС и коров и практически никто не разводил свиней, овец и коз. В среднем же по Уралу в этом году не имели скота 37,5% хозяйств колхозников⁷⁵. А за год до этого – в 1984 году – Советский Союз закупил

⁷² ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1321. Л. 6.

⁷³ Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 173.

⁷⁴ Бакунин А.В., Денисевич М.Н. Развитие торговли на Урале в послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1980. С. 28.

⁷⁵ Уральская энциклопедия. С. 223.

за рубежом 484 тыс. тонн мяса и мясопродуктов, более 1 млн. тонн животного и растительного масла, а также более 45 млн. тонн зерна и зернопродуктов⁷⁶.

Натуральные доходы от работы в общественном секторе – колхозе – в послевоенные годы, как мы уже отмечали, были в общем незначительны (см. табл. 9). Тем не менее, сказать о них надо, особенно в свете вопроса об «оплате по труду». Что же получал колхозник за свой, часто очень нелегкий, труд в поле, на ферме, с граблями и вилами в руках или за рычагами трактора? Фонд оплаты труда в колхозах в послевоенные годы продолжал формироваться по остаточному принципу, то есть между колхозниками распределялось то, что оставалось после расчета хозяйства с государством по всем видам поставок и с МТС. Уровень оплаты труда в колхозах был различным и зависел от ряда показателей, главными из которых были экономическое положение колхоза и урожайность. Сложившаяся еще в ходе коллективизации система оплаты по трудодням действовала и в исследуемый нами послевоенный период. Трудодень представлял собой оценку каждого вида работы в колхозе в зависимости от требуемой квалификации работника, сложности и трудоемкости работы. Каждый колхоз сам разрабатывал нормы выработки и расценки всех видов работы и утверждал их решением общего собрания колхозников. Отработанные колхозником трудодни заносились в его трудовую книжку. Был утвержден и так называемый минимум выработки трудодней, причем он дифференцировался по разным районам страны в бывшем СССР: самым высоким он был в хлопководческих районах, а самым низким – в Нечерноземье, в северных и восточных районах. Мы уже упоминали, что в годы войны был установлен обязательный минимум трудодней даже для подростков (членов семей колхозников) в возрасте от 12 до 16 лет – 50 трудодней в году. В 1950-х годах минимум трудодней стабилизировался и на Урале составлял 150 трудодней для женщин и 200 – для мужчин.

Надо сказать, что трудодень, в принципе, позволял учесть вклад каждого отдельного работника в общественное производство и в соответствии с этим его долю в произведенном продукте, но он не стимулировал повышение производительности труда и поэтому, в конечном итоге, не способствовал повышению эффективности общественного производства. В целом система оплаты труда в кол-

⁷⁶ Аргументы и факты. 2000. № 34.

хозах прочно стояла на принципах уравниловки. Главным же недостатком трудодня как единицы учета трудозатрат был, на наш взгляд, эмпирический метод его расчета в каждом хозяйстве и, как следствие, – невозможность использования при сравнительном анализе трудозатрат в колхозах. Поэтому постоянное увеличение выработки трудодней, на чем акцентировали внимание многие исследователи советской деревни, в сущности, на наш взгляд, еще мало о чем говорит. В связи с этим М.А.Безнин справедливо отметил, что трудодень в 1950-х годах «не был прямо связан с увеличением непосредственных временных затрат. Сравнение данных о выработке крестьянской семьей на колхозной работе дней и начисленных ей трудодней показывает, что рост выработки трудодней часто происходил на фоне уменьшения дней и часов работы в колхозе»⁷⁷.

Общее снижение эффективности колхозного производства не оставалось незамеченным верхами, но реагировали они на это в присущем командно-административной системе стиле: принимали очередные постановления, как, например, постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 года «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах». Главная идея постановления – всемерно заинтересовать материально каждого колхозника в повышении продуктивности своего труда, для чего этим постановлением были утверждены примерные нормы выработки в колхозах. В соответствии с этими нормами, разработанными Советом по делам колхозов и Министерством сельского хозяйства СССР, все колхозные работы делились на 9 групп-разрядов, а оценка работ колебалась от 0,5 до 2,5 трудодня⁷⁸.

Но, на наш взгляд, при исследовании вопросов использования труда колхозников вместо трудодня целесообразнее было бы использовать такую единицу, как человекодень. Хотя и этот показатель не идеален, но он, как нам представляется, более объективно оценивает эффективность крестьянского труда, так как менее подвержен субъективной оценке. Чтобы дать представление о размерах натуроплаты колхозникам за один отработанный человекодень, обратим внимание на табл. 13. Как видим из нее, натуральные доходы от работы в колхозе в начале исследуемого периода, в 1946 году, были крайне незначительны.

⁷⁷ *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 68.

⁷⁸ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 167–168.

В довершение всех бед экономическая ситуация в сельском хозяйстве сразу после войны резко обострилась в результате сильной засухи 1946 года, поразившей ряд районов страны, в том числе частично и Урал. В результате в целом по стране урожай зерновых был в 2,5 раза меньше, чем в 1940 году. Соответственно, значительно меньшим, чем обычно, был сбор и других культур. Уральский регион пострадал от стихии меньше, чем центрально-черноземные районы и Поволжье, но, тем не менее, например, в Свердловской области в 1946 году колхозники получили натуроплату зерном – на 23%, овощами – на 20%, картофелем – на 10% меньше, чем в 1945-м. В результате в следующем, 1947, году им пришлось купить овощей – в 1,8 раза, зерна – в 1,5 раза, а картофеля – в 1,4 раза больше, чем в 1946-м (см. прил. 21). Из таблицы также видно, что в исследуемый период в регионах стабильно росла только выдача натуроплаты зерном, чего нельзя сказать об оплате овощами, бахчевыми и картофелем. Заметим, что в Свердловской области размер натуроплаты этими продуктами в 1960 году остался на уровне 1946-го.

Изучение табл. 13 приводит к интересным выводам о структуре натуроплаты в исследуемых регионах. В целом по России в послевоенные годы 90–98% колхозной натуроплаты составляли зернобобовые. По Уралу же картина была несколько иная. Например, в Оренбургской области все полтора послевоенных десятилетия значительный (а часто наибольший) удельный вес в натуроплате имели овощи и бахчевые. Наибольшую же долю картофеля в натуральных доходах имела не «картофельная» Свердловская область, а Башкирия, где эта культура являлась существенным дополнением к зернобобовым. Это, конечно, объясняется тем, что в Свердловской области колхозники достаточно много картофеля получали от ЛПХ (см. табл. 8). Таким образом, ближе всего к среднероссийскому уровню доли зернобобовых в натуроплате была Свердловская область и дальше всех – Оренбургская. И, наконец, можно констатировать, что другие продукты, в том числе такие высококалорийные, как мясо, фигурировали в натуроплате эпизодически, от случая к случаю, и в крайне незначительных количествах. Здесь вполне уместным будет вспомнить народное высказывание о том, что колхозники работали в колхозе «за палочки», то есть, по сути, за записи в соответствующих графах учета их труда.

Таблица 13

**Средний размер натуроплаты одного человека/год
в колхозах Урала**

Республика, области	Год	Выдаваемые продукты (кг)		
		зерно- бобовые	овощи и бахчевые	картофель
Башкирия	1946	0,5	0,05	0,30
	1950	1,8	0,14	0,22
	1955	1,9	2,20	0,28
	1960	3,2	0,16	0,66
Оренбургская	1946	0,6	1,5	0,02
	1950	0,6	0,7	0,20
	1955	2,0	1,3	0,27
	1960	3,0	2,3	0,05
Свердловская	1946	1,2	0,04	0,04
	1950	1,2	0,20	0,13
	1955	2,4*	0,25*	0,08*
	1960	2,9	0,04	0,04

*Данные 1956-го года

Источники: *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979. С.173; РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л. 20, 21, 37, 39, 78, 80, 81, 107, 108, 122, 124, 165, 167, 168. Д. 3714. Л. 31, 32, 66, 97, 98, 99, 100, 133, 134, 151, 199, 200, 201, 202; Оп.26. Д. 443. Л. 213, 214, 223, 224, 225, 226. Д. 933. Л. 102, 103, 104, 206, 207, 208; ГАСО. Ф. 1813. Оп.1. Д. 518. Л. 9, 10, 11, 12. Д. 657. Л. 11, 12, 23, 24. Д. 2744. Л. 16, 17. Д. 3009. Л. 62, 63 (расчеты автора).

Конечно, низкий уровень оплаты труда в колхозах был вызван не только и не столько произволом их руководителей, а, прежде всего, тем, что государство принимало продукцию от колхозов по смехотворно низким заготовительным ценам, которые были установлены в 1928 году и не превышали: 10 копеек за 1 кг пшеницы, 5 копеек – за 1 кг картофеля, 25 копеек – за 1 кг говядины, 2 рубля – за 100 штук яиц. В то же время в коммерческой продаже, например, килограмм говядины стоил 20 рублей, десяток яиц – 10 рублей⁷⁹. Правда, в марте 1946 года заготовительные цены были повышены, но только на молоко и молочные продукты – с 1,5 до 2,5 рублей за центнер (!). Между тем затраты на производство одного центнера молока в среднем составляли 24–25 рублей⁸⁰.

Чтобы выполнить обязательные поставки, уплатить сельскохозяйственный налог, страховые платежи, стоимость облигаций государственных займов, а также, наконец, просто, чтобы иметь наличные деньги, колхозники продавали часть продукции своих ЛПХ. Объемы продаж были, конечно, очень небольшими, им просто неоткуда было взяться. Например, в Свердловской области в исследуемый период колхозники продавали следующее количество продуктов (см. табл. 14).

Таблица 14

**Продажа основных продуктов питания колхозниками
Свердловской области (кг на одну наличную душу в год)**

Годы	Зерновые (сырые и перераб.)	Карто- фель	Овощи и бахче- вые	Мясо и мясо- про- дукты	Молоко и молоко- продук- ты	Яйца (шт.)
1946	5	51	6	3	4	7

Продолжение табл. на след. стр.

* Данные 1956 года.

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9,10,11,12. Оп.14. Д.657. Л.11, 12, 23, 24. Д. 2743. Л. 62. Д. 2744. Л. 16, 17. Д. 3009. Л. 62, 63 (расчеты автора).

⁷⁹ Базаров А. Дурелом, или господа колхозники. Курган, 1997. Т.2. С. 471; Островский В.Б. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 41–43.

⁸⁰ Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 41–43.

Годы	Зерновые (сырые и перераб.)	Карто- фель	Овощи и бахче- вые	Мясо и мясо- про- дукты	Молоко и молоко- продук- ты	Яйца (шт.)
1950	18	49	15	7	8	14
1955	40	155	23	7*	27	30
1960	65	135	7	4	23	23

Сравнивая данную таблицу с табл. 8 (где представлены сведения о поступлении продукции от ЛПХ), можно увидеть интересную динамику продаж продукции ЛПХ колхозников Свердловской области. Так, несложно рассчитать, что наиболее быстрыми темпами росли продажи зерновых, которые увеличились с 2% в 1946-м до 12% в 1960 году (от общей суммы натуральных поступлений от ЛПХ и колхоза). Медленнее росли продажи картофеля – с 7 до 14% соответственно. Динамика же продаж других продуктов была сложнее. Например, пик продажи овощей, мяса, яиц и молока наблюдался в середине 1950-х годов: в 1956 году этих продуктов было продано 23, 21, 19 и 9% соответственно. В дальнейшем удельный вес проданной продукции начинает неуклонно снижаться. Наряду с продажей имела место, естественно, и покупка колхозниками какой-то части продуктов питания. Удельный вес покупных продуктов в общей массе, потребляемых семьей в исследуемый период, постоянно возрастал, что видно из табл. 15 (см. след. стр.).

Как видно из представленной в таблице динамики, наиболее быстрыми темпами росли покупки зернобобовых, увеличившись к 1960 году почти в 13 раз. Почти такими же темпами росли в исследуемый период покупки овощей. Меньшими, но тоже достаточно высокими темпами увеличивалось приобретение мясопродуктов и яиц. Единственными продуктами, которыми колхозники обеспечивали себя в то время более или менее стабильно, традиционно были картофель и молочные продукты. Такая динамика покупок свидетельствует, во-первых, о том, что товарность крестьянского

Таблица 15

Покупка колхозниками Свердловской области основных продуктов питания (кг на одну наличную душу в год)

Годы	Зернобобовые (сырые и перераб.)	Картофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты	Яйца (шт.)
1946	7	8	0,8	0,9	7	1
1950	11	12	2	1,5	12	3
1955	22	11*	6*	1,5	8	4
1960	89	7	10	3	11	7

* Данные 1956 года.

Источники: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 518. Л. 9, 10, 11, 12. Оп. 14. Д. 657. Л. 11, 12, 23, 24. Д. 2744. Л. 16, 17. Д. 3009. Л. 62, 63 (расчеты автора).

подворья к концу исследуемого периода значительно снизилась, и тенденция эта с течением времени оставалась стабильной. А, во-вторых, резкое увеличение доли покупных продуктов к началу 1960-х годов говорит, конечно, и о возросших денежных доходах колхозников, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

2.3. Денежные доходы колхозников

Денежный доход семьи колхозника складывался из нескольких составляющих, главной из которых до второй половины 1950-х годов была выручка от продажи продуктов сельского хозяйства, скота и птицы (см. прил. 17 и 28). Доля денежной оплаты за труд в общественном производстве в первые послевоенные годы была крайне незначительна. Так, в Башкирии в среднедушевом денежном доходе колхозной семьи доля доходов за работу в колхозе и МТС по нашим подсчетам составила: в 1946 году – 1,4%, в 1950-м – 3,0%. По Оренбургской области эти цифры составляли, соответственно, 5,8 и 9,1%, а по Свердловской – 8,3 и 9,3%. Но это только относительные цифры. В абсолютном же выражении среднестатистический колхозник Башкирии получил от колхоза и МТС за 1946 год – 11 рублей, а за 1950-й – 22 рубля. Соответственно колхозник Оренбуржья получил 69 и 77 рублей, а Свердловской области – 118 и 96 рублей⁸¹.

О покупательной способности таких «денег» говорит следующее сравнение. В 1950 году башкирский колхозник на свой **годовой** денежный доход от колхоза мог приобрести по государственным розничным ценам, например, из продуктов только 11 кг ржаного хлеба или 7 литров молока. Из одежды на эти деньги он мог себе позволить покупку разве что трех пар носков. Что же касается предметов домашнего обихода, то этих денег ему хватило бы на один эмалированный чайник (см. прил. 7 и 8). Как видно из приведенных выше цифр, ненамного лучше было положение колхозников и в других регионах.

Конечно, крестьянин никак не смог бы прожить на такие мизерные деньги, не имея других поступлений. Помимо колхозных, его денежные доходы включали также поступления за сданные по обязательным поставкам и контрактации и проданные продукты, в том числе и от пчеловодства, скот, птицу, доходы от работы по найму, а также пенсии и пособия от государства. Под пенсиями того времени мы подразумеваем пенсии по инвалидности и по потере кормильца, так как пенсии по старости колхозникам стали вып-

⁸¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54, 56, 139, 141. Д. 714. Л.65, 66, 167, 168; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.20,21. Оп.14. Д. 657. Л.13,25.

лачиваться только с 1966 года. При этом нельзя не отметить, что аналогичные пенсии рабочие и служащие стали получать десятью годами раньше, а именно с 1956 года. Размеры же пенсий колхозников были просто мизерны и никак не обеспечивали прожиточного минимума: в первые годы после введения они составляли 12 рублей в месяц, а после неоднократных повышений, спустя два десятилетия, в 1985 году – 40 рублей⁸². Но, даже и с учетом всех вышеуказанных доходов, суммарные среднедушевые доходы колхозников Башкирии в 1946 и 1950 годах составили, по нашим расчетам, 1193 и 750, Оренбургской области – 1200 и 843, Свердловской – 1420 и 1022 рубля соответственно⁸³. В приведенных цифрах отчетливо видна тенденция к снижению среднедушевых денежных доходов крестьянства в первом послевоенном пятилетии. Предельно низкий уровень денежных доходов предопределил неизбежность наличия у крестьян подсобных хозяйств, за счет которых государство фактически заставило крестьян обеспечивать большинство их потребностей.

Конечно, такое положение было нетерпимым даже для жесткой командно-административной экономики. Поэтому в дальнейшем, особенно после 1953 года, положение стало меняться, прежде всего в Оренбургской и Свердловской областях. В конце исследуемого периода, то есть в 1960 году, среднедушевые доходы колхозников Оренбуржья от работы в колхозе составили уже 51,3%, или 1474 рубля, а общий денежный доход – 2875 рублей. По Свердловской области аналогичные цифры равнялись соответственно 41,9%, 1273 и 3036 рублям. В то же время в Башкирии увеличение доли денежных доходов от колхоза было значительно меньшим: там при общем доходе 2453 рубля доходы от колхоза составили всего лишь 677 рублей, или 27,6%⁸⁴. Эти данные полностью подтверждают наши выводы о том, что башкирские колхозники больше, чем колхозники других сравниваемых областей, уделяли внимание своему ЛПХ и, соответственно, меньше работали в колхозе. Необходимо отметить также, что в целом удельный вес доходов от колхоза был на Урале достаточно высоким. Так, в предыдущем, 1959-м,

⁸² Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 136.

⁸³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп.324. Д.1830. Л.56. Д.3714. Л.167.

⁸⁴ Рассчитано по: Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

году самое низкое значение этого показателя по РСФСР было зафиксировано в Рязанской области – 18%, а наивысшее – в колхозах Алтайского края – 56%⁸⁵.

Тем не менее, в абсолютном выражении денежные доходы за работу в общественном производстве были крайне низки. О том, насколько бесправным и униженным было положение колхозников страны в вопросе оплаты своего тяжелого труда, говорят такие факты. Например, чиновник самого низшего ранга аппарата Президиума Верховного Совета СССР (в должности консультанта) имел в то время **месячный** денежный оклад, равный 1100 рублям. За год он, следовательно, получал 13 200 рублей (не считая различных мыслимых и немислимых для простого человека льгот). Но это был даже не средний, а низший этаж иерархии советской номенклатуры. Вышие же партийные и государственные чиновники получали несравненно более высокие зарплаты и льготы. Так, министры Вооруженных сил, государственной безопасности и внутренних дел с 1947 года имели должностные оклады более 8000 рублей (более 800 рублей в «новых» деньгах), а прочие министры – от 5000 до 6200 рублей в месяц⁸⁶. Таким образом, годовые денежные доходы этих чиновников измерялись многими десятками тысяч рублей в год. Не изменилось положение дел и в более поздние годы. Например, в конце 1970-х годов месячный оклад денежного содержания министра обороны маршала Д.Ф. Устинова составлял уже 1360 рублей.

Не были обделены вниманием государства и прочие представители правящей бюрократии, а также те, кто ее охранял. Так, самый низший милицкий чин – рядовой милиционер – получал в год около 4000 рублей, а младший офицер милиции – более 5000 рублей, не считая различных льгот, таких, как право бесплатного проезда на всех видах городского транспорта, бесплатное обмундирование, хлебный паек и другие⁸⁷. Есть данные, что личные шоферы И.В. Сталина имели оклады до 5000 рублей в месяц и, кроме того, обеспечивались бесплатным обмундированием и питанием, квартирами⁸⁸. Почти 3000 рублей в год составляло денежное

⁸⁵ *Безгин М.А.* Указ. соч. С. 22.

⁸⁶ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 57.

⁸⁷ Там же. С. 43.

⁸⁸ *Дерябин П.* Стражи Кремля. М., 1997. С. 338.

довольствие военнослужащего – простого рядового войск МВД, охранявших многочисленные лагеря ГУЛАГа⁸⁹. Нельзя сказать, что это были очень большие деньги, но и они (впрочем, как и доходы всех других категорий населения страны) были значительно выше доходов колхозников. Если же говорить о зарплате рабочих городских промышленных предприятий, то она составляла в те годы 3600 – 7200 рублей в год в зависимости от отрасли, квалификации, условий работы и других показателей. Интересно, что обычный студент московского вуза мог получать стипендию в размере 400 рублей в месяц⁹⁰.

Таким образом, денежные доходы колхозников в какой-то мере были сопоставимы только с зарплатами младшего обслуживающего персонала (уборщиц, вахтеров, истопников и других), которые не пересматривались с 1928 года и находились на уровне 200 рублей в месяц. В этой связи уместно сослаться на Постановление Совмина и ЦК ВКП(б) от 9 июля 1950 года, которым рекомендовалось устанавливать должностные оклады председателям колхозов в зависимости от размеров посевных площадей, численности голов скота и образовательного ценза самого председателя. Так, согласно этому Постановлению, председатель колхоза зернового направления с площадью посевов от 1000 до 1500 га мог получать всего от 950 до 1200 рублей в месяц, в зависимости от образования. Аналогичный оклад имел председатель колхоза животноводческого направления с численностью поголовья КРС не менее 250 голов и овец не менее 3000 голов⁹¹.

Конечно, по большому счету, все так называемое советское общество было обществом бедных, так как даже его элита, составлявшая около 0,5% населения, имела доходы, не превышавшие средний уровень доходов, например, граждан США. Но даже на фоне этой всеобщей бедности материальное положение крестьян было катастрофическим, а и их денежные доходы выглядели удручающе низкими по сравнению с доходами других категорий населения. Например, в 1950 году зарплата колхозников в среднем по стране составляла: от зарплаты ИТР – менее 15%, служащих –

⁸⁹ *Солженицын А.И.* Архипелаг Гулаг. Малое собрание сочинений: В 8 т. М., 1991. Т. 7. С. 151.

⁹⁰ *Королев Ю.А.* Указ. соч. С. 14.

⁹¹ КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 236–237.

менее 30% и даже рабочих сельского хозяйства – менее 50%. Правда, этот разрыв в денежных доходах постепенно сокращался, но и в конце исследуемого периода, в 1960 году, аналогичные цифры составляли соответственно менее 25%, менее 40%, и менее 60%⁹². Так, в 1960 году среднемесячная заработная плата рабочих и служащих по стране составляла 80,6 рублей, а колхозников – только 28,3 рубля. Если же выйти за временные рамки нашего исследования, то мы увидим, что в 1965 году среднемесячная заработная плата уральского колхозника равнялась 48 рублям, что составляло от зарплаты рабочих в промышленности – 43%, а рабочих совхозов – 67%. И даже в 1985 году средняя зарплата колхозника Урала, равная уже 159 рублям, составляла, соответственно, только 79 и 91% от зарплаты указанных категорий работников⁹³.

Очень тяжелым ударом по денежным доходам колхозников явилась конфискационная денежная реформа, проведенная в декабре 1947 года. Достаточно сказать, что уровень денежных доходов 1947 года уральских колхозников был превзойден, по нашим данным, только в 1953 году (см. прил. 17 и 28). Одновременно с постепенным увеличением денежных доходов от работы в колхозе происходил и процесс денатурализации оплаты труда, то есть снижение удельного веса натуральной продукции в общем фонде оплаты труда. Этот процесс продолжался и в 1960-х годах. Например, в 1961 году доля натуральной продукции в фонде оплаты труда колхозников Свердловской области составляла 33%, а в среднем по колхозам России – 30%, а в 1965-м – соответственно 24 и 23%⁹⁴. При этом быстрее, чем в других областях Урала, росли денежные доходы колхозников Свердловской области, которая по этому показателю занимала ведущее место на Урале.

Так как изменение денежных и натуральных доходов колхозников происходило, естественно, различными темпами и в различной направленности, то возникла необходимость в выведении суммарного показателя доходов колхозной семьи. Им явился так называемый совокупный денежный доход, в котором суммировались денежные, а также натуральные доходы семьи, в пересчете на деньги по государственным розничным ценам. Хотя последнее обс-

⁹² Мерль Ст. Указ. соч. С. 107.

⁹³ Уральская энциклопедия. С. 265.

⁹⁴ Безнин М.А. Указ. соч. С. 176.

тоятельство и снижает, по нашему мнению, объективность данного показателя, но, тем не менее, достаточно адекватно отражает динамику доходов населения. Так, в 1960 году, в конце исследуемого нами периода, совокупный денежный доход колхозной семьи составлял: в Свердловской области – 17 250 рублей, в Оренбургской области – 16 340 рублей и в Башкирии – 13 600 рублей при среднем значении этого показателя для РСФСР 15 840 рублей⁹⁵. За исследуемый период разрыв в совокупных доходах между семьями колхозников и городских рабочих сократился, так как доходы колхозников росли более высокими темпами, но отставание продолжало оставаться существенным.

Следует также добавить, что доходы колхозников, как и доходы рабочих, состояли не только из одних доходов за работу. Здесь надо иметь в виду, что в денежных доходах и рабочих, и колхозных семей известную долю составляли выплаты, производимые из так называемых общественных фондов потребления (ОФП) в виде пенсий, стипендий, пособий по социальному страхованию, пособий многодетным семьям, льготных путевок в санатории и дома отдыха, дотаций на содержание детей в детских яслях и садах и другие. Такие выплаты у рабочих промышленности составляли примерно 13 процентов в общем объеме денежного дохода⁹⁶. Доходы колхозников от ОФП составляли в относительном выражении примерно ту же цифру. Кроме того, многие городские рабочие, не говоря уже о рабочих совхозов, имели доходы от огородов и садов, находящихся в их личной собственности. А поскольку доходы от основной работы у рабочих были больше, то и разница в суммарных доходах колхозников и рабочих была весомой. Так, в 1959 году только денежный доход (без учета потребленных продуктов от ЛПХ в пересчете на деньги) составил на семью рабочего промышленного предприятия по РСФСР 21 867 рублей⁹⁷, что почти на 40% превышало весь совокупный доход колхозных семей. Если же проследить динамику денежных доходов среднестатистической рабочей семьи самой промышленно развитой на Урале Свердловской области в исследуемый период, то она будет выглядеть следующим образом: 1947 год – 16 170 рублей, 1950 год – 19 430 рублей, 1955 год – 20 490 рублей и

⁹⁵ *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 78; Текущий архив Госкомстата РФ.

⁹⁶ *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 18.

⁹⁷ Там же.

1960 год – 26 850 рублей⁹⁸. Опять-таки не будем забывать, что сюда не вошла стоимость потребленных в семье продуктов ЛПХ.

Также представляет интерес сравнение совокупных доходов семей колхозников и семей работников совхозов. Например, в семьях рабочих совхозов Свердловской области этот показатель в 1960 году составил 14 960 рублей⁹⁹. Впрочем, и по РСФСР в целом аналогичная цифра составила всего 15 180 рублей¹⁰⁰, то есть тоже была несколько ниже, чем средний совокупный доход семей колхозников. Объяснить это можно, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, некоторые рабочие совхозов (особенно расположенных вблизи городов) не были привязаны к земле так, как потомственные крестьяне – колхозники, и зачастую не имели достаточных навыков в ведении многопрофильного ЛПХ. А во-вторых (и это, видимо, главное), за свой труд в совхозе они получали заработную плату, сравнимую с заработной платой городских рабочих, что не создавало стимулов для интенсивной работы в личном подворье.

Таким образом, можно сделать вывод, что в исследуемый период денежные доходы колхозников Урала от работы в общественном производстве, то есть по основному месту работы, были значительно ниже доходов практически всех других категорий населения. С учетом натуральных доходов от ЛПХ в пересчете на деньги этот разрыв несколько сглаживался, но, по-прежнему, оставался значительным, за исключением такой категории, как рабочие совхозов, уровень благосостояния которых был примерно тот же.

⁹⁸ Рассчитано по: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.20, 21. Оп.14. Д.2. Л.199. Д.568. Л.792, 794, 796. Д.657. Л.13, 25. Д.2332. Л.51. Д.2743. Л.24. Д.3002. Л.58. Д.3009. Л.65.

⁹⁹ Рассчитано по: ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.3002. Л.15.

¹⁰⁰ **Безнин М.А.** Указ. соч. С. 205.

Глава третья

Расходы и потребление крестьянской семьи

**3.1. Общий уровень потребления и питание
колхозной семьи в послевоенный период**

3.2. Потребление непродовольственных товаров

**3.3. Денежные расходы колхозников
и налоговая политика государства**

3.1. Общий уровень потребления и питание колхозной семьи в послевоенный период

Ситуация, сложившаяся с расходами и потреблением колхозников в послевоенный период, была прямым отражением ситуации с их доходами. Крестьянин не мог позволить себе тратить больше, чем позволял ему его совокупный доход, и это определяло крайне низкий уровень потребления и расходов колхозников в исследуемый период. Мы применяем термин «потребление» параллельно с термином «расходы», так как, кроме удовлетворения личных потребностей, колхозники часть своих доходов расходовали на производственные нужды своего ЛПХ, такие, например, как строительство и ремонт хозяйственных построек, покупка хозяйственного инвентаря, семян, молодняка скота и птицы и другие.

В исследуемый нами послевоенный период сохранялась тенденция, определившаяся еще в переломные для крестьянства страны 1930-е годы и предполагавшая исчезновение крепких крестьянских хозяйств, в достатке обеспечивавших себя необходимым ассортиментом продуктов питания и, кроме того, являвшихся крупными товарными производителями. Развитое, многопрофильное крестьянское хозяйство уходило в прошлое, а на смену ему приходило разоренное коллективизацией и непосильными налогами хозяйство крестьянина-колхозника, фактически являвшегося «пожизненным рабочим» коллективного хозяйства, бесправным и неимущим заложником аграрной политики тоталитарного режима. «В годы коллективизации и сопутствующего ей раскулачивания были уничтожены миллионы самых крепких крестьян-хозяев... Руководство сельским хозяйством с тех пор всегда находилось в руках людей, любивших командовать, но не умевших трудиться и неспособных разумно организовать труд сельских тружеников», – с горечью призывает уже цитированный нами крупнейший аналитик бывшего КГБ генерал-лейтенант Н.С.Леонов¹. Кроме того, не приходится говорить о развитой структуре потребления колхозной семьи в исследуемые нами годы хотя бы уже потому, что им предшест-

¹ Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1995. С. 171.

вовала самая страшная за всю историю государства война. Но все-таки не менее, если не более, катастрофическими для крестьянства страны были последствия коллективизации сельского хозяйства, проведенной правящим режимом с беспримечной даже для двадцатого столетия жестокостью и сопровождавшейся физической ликвидацией наиболее работоспособной и инициативной части сельского населения.

В настоящей главе подробно рассматриваются вопросы питания колхозников Уральского региона в послевоенные годы, обеспеченность их непродовольственными промтоварами и, кроме того, анализируются денежные расходы колхозных семей с целью сравнения уровней потребления колхозников и рабочих совхозов и промышленных предприятий городов. Такой подход представляется, на наш взгляд, абсолютно необходимым для понимания происходящих в уральской деревне в этот период социально-экономических процессов и места, которое занимало колхозное крестьянство в социальной иерархии советского общества.

На потребление крестьянской семьи в послевоенные годы оказали сильное влияние несколько факторов. Это, во-первых, последствия засухи и неурожая 1946 и 1947 годов. Правда, в отличие от двух других, это обстоятельство именно на Урале сказалось в меньшей степени (к этому вопросу мы еще вернемся, когда будем рассуждать об уровне потребления колхозниками продуктов питания). Во-вторых, это конфискационная денежная реформа 1947 года, в результате которой абсолютное большинство колхозников, как и все население страны, потеряли свои и без того незначительные наличные денежные сбережения. На этой реформе следует остановиться особо, ибо она по каким-то непонятным причинам обойдена вниманием историков и экономистов. И совершенно напрасно, так как явила собой мероприятие, превосходящее по степени цинизма все имевшие до нее место экономические изыски тоталитарного режима в области денежно-кредитных отношений.

Нет, не зря коммунистические идеологи так усиленно прививали нам в свое время любовь к изучению первоисточников. Возьмем, к примеру, Постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» от 14 декабря 1947 года². Сразу

² КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 157.

даже не скажешь, чего в нем больше: косноязычия, незамысловатой лжи или плохо скрываемого презрения к собственному народу. Такое ощущение, что авторы этого документа писали его, руководствуясь классическим сталинским принципом «и так сожрут». В нем и откровенная ложь («...наличие массы фальшивых денег»), и дешевая демагогия («...для населения создаются большие материальные выгоды»), и неуклюжие попытки найти виновников экономических бед в лице пресловутых «спекулятивных элементов» (которым нельзя позволить «скупать товары после отмены карточной системы»), и попытки обелить государство (которому «удалось на время войны сохранить без изменения довоенные государственные цены»).

Слов нет, после войны денежное обращение страны необходимо было приводить в порядок (и в данном постановлении приводятся также и объективные причины этой необходимости), но не за счет откровенного обирания своих граждан. (Справедливости ради надо сказать, что обесценивание сбережений российских граждан в 1990-х годах также черным пятном лежит на совести руководства страны. Приходится констатировать, что традиция решать социально-экономические проблемы исключительно за счет своих граждан была и остается незыблемой в российском государстве.)

При проведении реформы обмен старых денежных знаков осуществлялся на новые в соотношении 10:1 за некоторыми исключениями (например, вклады в сберкассах в суммах до 3000 рублей обменивались в соотношении 1:1). Параллельно была проведена конверсия (объединение) всех ранее выпущенных государственных займов (за исключением займа 1947 года) в единый заем 1948 года по регрессивному соотношению 3:1. Иными словами, облигации, находившиеся на руках у граждан, также были обесценены. Верхом же лицедейства являлся один из последних абзацев постановления, в котором говорилось: «Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы...(!)» и «...надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более, что **это будет последняя жертва** (выделено нами. — В.М.)». Как говорится, имеющий уши да услышит!

Эффект от такой «реформы», которая фактически представляла собой принудительное изъятие большей части наличной денежной массы у населения, ощутили все граждане СССР, в том числе и привилегированная их часть. Так, легендарная советская развед-

чица, полковник З.И.Воскресенская, вспоминала, как в результате реформы накопленные ею «70 тысяч превратились в 7 тысяч»³. Между тем только в 1946 и 1947 годах, в условиях послевоенной разрухи, среди населения были размещены два государственных денежных займа на общую сумму около 45 миллиардов рублей. Участие сельских жителей в этом мероприятии было ограниченным по причине предельно низких денежных доходов, но, тем не менее, только на майский заем 1947 года колхозники, рабочие совхозов и единоличники страны собрали 2186,8 миллиона рублей⁴. В расчете на одну душу жителей села это составляло вроде бы небольшую сумму, всего около 20 рублей. Но, например, для колхозника Башкирии в те годы она превышала его годовой денежный доход от работы в колхозе, а колхозникам Оренбуржья и Среднего Урала за нее надо было работать в колхозе не один месяц. В итоге платежеспособный спрос населения был ограничен в течение следующих нескольких лет.

В-третьих, на уровень потребления крестьянства оказали влияние проводимые в 1947–1954 годах снижения цен на продукты питания и промышленные товары (всего было произведено семь таких снижений). Единые розничные цены были введены в стране вместо пайковых цен после отмены карточной системы. Согласно уже упомянутому Постановлению Совмина и ЦК ВКП(б), а также отдельному Постановлению Совмина № 3866 «Об утверждении прейскурантов государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары» от 14 декабря 1947 года все товарные (коммерческие) цены снижались по сравнению с 1940 годом в среднем на 321%, в том числе на продовольственные товары – на 371%, на непродовольственные – на 253%⁵.

Снижение товарных цен сопровождалось усиленной пропагандистской кампанией, в ходе которой всячески подчеркивалось, что снижаются также и пайковые цены на хлеб и муку (на 12%) и крупу (на 10%; правда, непонятно, на какую). Это больно затронуло интересы крестьянства, так как следствием такого снижения было падение цен на продукцию личного подсобного хозяйства колхоз-

³ *Шарапов Э.* Тайна Зои Воскресенской. М., 1998. С. 375.

⁴ *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 46–47.

⁵ *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979. С. 179.

ников, поскольку более всего снизились цены на основную продукцию ЛПХ – мясо, молоко, масло, овощи. Например, на мясо и масло цены были снижены втрое⁶. Государство, забирая у колхозов продукцию за бесценок, тем самым создавало колхозникам непреодолимую конкуренцию, заставляя их реализовывать произведенные в ЛПХ продукты по низким ценам. Все это негативно отразилось на денежных доходах колхозников. А поскольку большую долю своих денежных доходов крестьяне получали от продажи продукции ЛПХ, им пришлось и больше продавать продуктов. Неудивительно поэтому, что, когда в конце 1950-х годов денежные доходы от колхоза стали быстро расти, то объемы продаж стабилизировались и стали медленно снижаться (см. прил. 18, 24, 29 и 33).

Таким образом, широко разрекламированные отмена карточной системы и введение единых государственных розничных цен взамен существовавших коммерческих и пайковых не привели к существенному улучшению материального положения населения, и особенно, крестьянства. Тем более что одновременно со снижением цен в декабре 1947 года были введены ограничения на разовые покупки. Так, в Постановлении Совмина СССР № 3867 от 14 декабря 1947 года устанавливались следующие предельные нормы продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки:

- хлеба – 2 кг;
- макарон и круп – 1 кг;
- мясопродуктов – 1 кг;
- масла растительного – 400 г;
- яиц – 5 штук;
- сахара – 500 г;
- соли – 1 кг;
- спичек – 2 коробка;
- мыла хозяйственного – 1 кусок⁷.

Вообще, говоря об отмене карточной системы, вполне правильно, на наш взгляд, поставить вопрос следующим образом: а так ли уж необходимо было проводить эту отмену (и делать ее причиной проведения денежной реформы), как это нам до сих пор представляли? В конце концов, никто не мешал руководству страны просто увеличивать нормы выдачи продуктов по карточкам (если возможности для этого действительно имелись). Несомненно,

⁶ *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые... С. 180.

⁷ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 35.

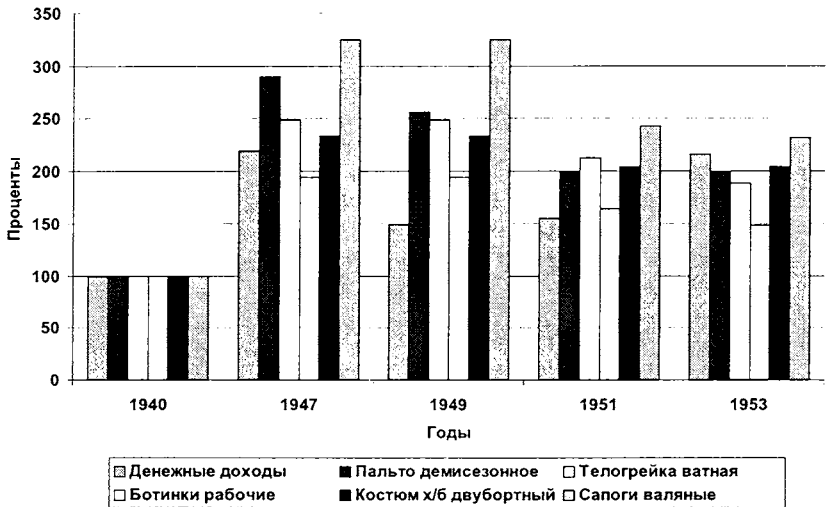
Сталин желал удивить мир очередным достижением нашей страны: отменой карточного распределения продуктов питания уже через два с половиной года после войны. Это, действительно, было бы впечатляющим достижением, если бы только уровень жизни населения не был таким низким. К примеру, та же Великобритания отменила карточную систему только в июле 1954 (!) года⁸.

Необходимо также отметить, что регулярно проводимые снижения цен носили прежде всего пропагандистский характер, представляя собой неуклюжую попытку правящих кругов выдать желаемое (то есть повышение уровня благосостояния советского народа) за действительное. Так, по нашим подсчетам, даже в 1952 году, накануне смерти И.В.Сталина, почти все розничные цены на продукты питания и промышленные товары были выше, чем в 1940 году. Например, сахар был дороже в два с лишним раза, хлеб ржаной и яйца – в полтора раза, молоко – на 35%, мясо – на 23%, масло сливочное – на 18%. Демисезонное пальто, брюки, телогрейка ватная, носки в 1953 году стоили примерно вдвое дороже, чем перед войной, ботинки рабочие – более чем в полтора раза. Непросто селянину было и обставить дом мебелью: ведь обычные стул и стол стоили теперь также почти вдвое дороже, еще больше подорожала посуда. Такими же, как до войны, остались лишь розничные цены на картофель и квашеную капусту. И, наконец, дешевле, чем в 1940 году, крестьянин мог купить разве что обычную никелированную кровать и ручные часы отечественного производства (см. прил. 6 и 8).

Конечно, денежные доходы колхозников за эти годы также выросли, но насколько их рост был адекватен изменению цен? Чтобы определить это, для наглядности построим диаграмму 3, используя для этого данные, приведенные в прил. 6, 8 и 18. Поскольку невозможно изобразить на диаграмме динамику цен на большое количество товаров, то выберем наиболее употребляемые из них в те годы. По графику хорошо видно, что реальный рост материального благосостояния колхозников начался только в 1953 году, когда динамика доходов колхозников стала наконец-то опережать динамику цен (да и то не по всем видам товаров). Таким образом, на восстановление уровня их реальных доходов (как и практически всего населения страны) ушло восемь долгих послевоенных лет. Прес-

⁸ Полная хронология XX века. М., 1999. С. 321.

Сравнительная динамика денежных доходов колхозников Свердловской области и цен на некоторые товары широкого потребления

ловутое же снижение розничных цен говорило еще не о повышении уровня благосостояния, а только о приближении к довоенному его уровню (на диаграмме хорошо видно, какой сильнейший удар нанесла реформа 1947 года по денежным доходам колхозников). Надо отдать должное сталинскому правительству: оно отлично знало уже сложившуюся к тому времени рабскую психологию населения и точно просчитало долголетний пропагандистский эффект от этой акции. И по сей день можно услышать от сталинских апологетов аргумент в защиту этого величайшего преступника всех времен и народов: «А все-таки при нем ежегодно снижались цены!»...

Совокупность всех вышеупомянутых причин и определила стратегию выживания колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы. Крайне низкий уровень доходов вообще, а денежных — в особенности, обусловил главнейшую задачу практически любой крестьянской семьи в первые послевоенные годы. Задача эта заключалась в том, чтобы выжить в этих труднейших условиях,

избежать голодной смерти, обеспечив себе и своей семье хотя бы минимально приемлемый уровень питания. Поэтому неудивительно, что преобладающую часть своего совокупного дохода колхозники расходовали на эти цели. Так, в среднем по РСФСР даже в 1953 году расходы колхозной семьи на питание все еще составляли 58% всего распределенного дохода, а в 1958 году – 55%. И только следующими по значимости были расходы на приобретение непродовольственных промышленных товаров: соответственно 22 и 25%. Что касается Урала, то, по нашим расчетам, здесь даже в 1960 году колхозники Башкирии расходовали на питание 56% распределенного дохода, а в Оренбуржье – 48%⁹.

О том, что продовольственная проблема оставалась по-прежнему острой и в послевоенной деревне, говорит множество фактов. На «катастрофическое положение на продовольственном рынке» и «распространение очагов голода» в 1946 году в уральской деревне, особенно в Башкирии, одним из первых после долгих лет замалчивания этой запретной для нашей официальной истории темы указал в своей монографии М.Н.Денисевич¹⁰. Сохранилось немало свидетельств очевидцев и участников событий тех лет. Это, например, многочисленные письма-обращения руководителей хозяйств и рядовых колхозников, в том числе из Уральского региона, в Совет по делам колхозов при Правительстве СССР. Данный бюрократический орган существовал с 1946-го по 1953 год, когда вместо него было образовано Министерство сельского хозяйства СССР. В функции Совета, в частности, входило «установление строгого контроля за соблюдением устава сельхозартели, ограждение колхозов от попыток нарушения устава, а также разрешение вопросов колхозного строительства»¹¹.

Обращения колхозников, хранящиеся в фонде 9476 РГАЭ, изобилуют жалобами на непосильные налоги, необеспеченность самыми необходимыми продуктами питания и товарами повседневного спроса, самоуправство и безнаказанность руководителей колхозов и местных государственных и партийных органов, просто на нищую

⁹ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1991. С. 210.

¹⁰ *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991. С. 92.

¹¹ *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1946–1953). Париж, 1992. С. 282.

и убогую крестьянскую жизнь. Таких жалоб поступало в Совет много: только за 1947–1950 годы их количество составило более 90 тысяч¹². В одном из таких писем, датированном декабрем 1948 года, его автор, уральская колхозница Никифорова из деревни Чернушки Молотовской области, сообщала в Совет, что «многие колхозы Чернушкинского района Молотовской области в тяжелом положении. Выполнив поставки, уплатив МТС, **остались почти без хлеба многие селения** (выделено нами. – В.М.). Питание картофельное, иногда с молоком... Хлеб ... почти без белка, необходимого для организма». Далее эта простая колхозница пыталась объяснить властям предрержащим, что «детям молоко необходимо, чтобы они росли нормально... Совершенно необходимо установить минимум количества хлеба ... хотя бы триста грамм муки на человека ... Государству нет никакого интереса свое население доводить до истощения и лохмотьев»¹³. Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах страны в эти и последующие годы.

Питание колхозников Урала в годы Великой Отечественной войны было явно недостаточным, прежде всего, ввиду его предельно упрощенной структуры, включавшей, в основном, такие продукты, как картофель, молоко и хлеб. Естественно, что такое положение не могло быстро измениться в послевоенные годы. Представление о структуре и динамике питания колхозников в послевоенные годы дает табл. 16. Из приведенных в ней данных хорошо видно, как менялась структура питания сельского населения. За полтора послевоенных десятилетия резко снизилось среднедушевое потребление картофеля: почти в 3 раза в Свердловской области и примерно в 2,5 раза – в Оренбургской области и Башкирии. И, наоборот, в противовес этому увеличилось потребление хлебопродуктов: примерно вдвое – в Башкирии, в 1,5 раза – в Свердловской и Оренбургской областях. Интересно, что во всех трех исследуемых регионах одинаковой была динамика снижения потребления овощей и бахчевых. Безусловным был также рост потребления яиц: он составил почти 10 раз в Башкирии, почти 6 раз – в Оренбургской и почти 5 раз – в Свердловской области. Одновременно с этим выросло потребление мясопродуктов: в 2 раза – в Свердловской области, в 2,5 раза – в Оренбургской и в 4 раза – в Башкирии.

¹² Там же. С. 94.

¹³ Там же. С. 55–56.

Таблица 16

**Потребление основных продуктов питания колхозниками
Урала в послевоенные годы**

Часть 1

Республика, области	Годы	Потреблено на одну наличную душу (кг):		
		хлеба и хлебопродуктов	картофеля	овощей и бахчевых
Башкирия	1946	89	580	44
	1950	81	511	67
	1955	185	289	32
	1960	187	225	40
Оренбургская	1946	128	325	141
	1950	134*	243	69
	1955	233	122	98
	1960	196	134	116
Свердловская	1946	141	438	67
	1950	188	324	49
	1955	198	176	58
	1960	197	156	50

Окончание табл на след. стр.

* Данные 1956 года. ** Данные 1949 года. *** Включая кондитерские изделия

Источники: *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991. С.176; ГАСО. Ф.1813. Оп.1 Д.518. Л.9-12. Оп.14. Д.657. Л.11, 12, 23, 24. Д.2743. Л.20. Д.3009. Л.62-64; РГАЭ. Ф.1562. Оп.324 Д.1830. л.20, 21, 37, 39, 107, 108, 122, 124. Д.3714. Л.16, 32, 65, 66, 133, 134, 150, 151; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Часть 2

Республика, области	Годы	Потреблено на одну наличную душу (кг):				
		мяса и мясопродуктов	молокопродуктов	яиц (шт.)	рыбы всякой	сахара
Башкирия	1946	9	182	16	0,4	0,03
	1950	14**	202**	18**	0,6**	0,6**
	1955	25	128	89	2,3	4,5
	1960	35	158	156	3,0	13,4
Оренбургская	1946	15	194	37	0,1	0,06
	1950	13	200	31**	0,7**	0,7**
	1955	33	166	133	4,4	10,3***
	1960	37	235	229	4,7	18,3***
Свердловская	1946	14	221	34	0,8	0,2
	1950	16	188	45	2,0	2,9
	1955	25	191	120	3,5*	9,6
	1960	27	233	159	4,9	18,5

Такое резкое увеличение потребления мяса в республике объясняется, конечно, предельно низким уровнем его потребления в 1940-х годах. По этому показателю Башкирия долгое время значительно отставала от других местностей Урала. Неровным в исследуемый период было потребление молока, но интересно, что в Башкирии его потребление снизилось, а в других регионах – повысилось.

В послевоенные годы увеличилось и потребление других продуктов – сахара, кондитерских изделий, масла, рыбпродуктов, фруктов, ягод. В рационе колхозников появляются такие практически не известные им ранее продукты, как продовольственные товары: колбаса, различные консервы и другие. Правда, указанные продукты только «появляются», так как их потребление находилось на очень низком уровне. Даже в 1960 году потребление колбасы и разных консервов составило у колхозников Среднего Урала чуть более 1 кг в год в расчете на одну наличную душу. В других регионах дело обстояло еще хуже: по Южному Уралу годовое потребление этих продуктов составляло менее 0,5 кг, а по Башкирии – соответственно всего 0,2 и 0,13 кг в год (см. прил. 17). Естественно, что при таком положении вещей не приходится даже говорить о каком-либо серьезном уровне потребления таких, например, продуктов, как виноград и цитрусовые (последние, кстати, непременно присутствовали в формах бюджетных обследований, но колонка эта всегда автоматически прочеркивалась).

В минувшие, «застойные» для нашей страны, годы, говоря о потреблении продуктов питания, исследователи крестьянского быта обычно замалчивали такой деликатный вопрос, как потребление алкогольных напитков. Проблема пьянства в стране хотя и признавалась (невнятно и глухо), но фактически не исследовалась. Мало того, находилось множество доброхотов – квасных патриотов, с готовностью оправдывающих поголовное пьянство «национальными традициями». Слегка перефразируя слова некогда известного советского писателя, можно сказать, что водка заняла свое место в великолепном ряду народных традиций, оправдываемых смутно, но гордо¹⁴. Позднее, уже в «перестроечные» годы, нашлись желающие доказать недоказуемое – а именно, что российский (чаще употреблялся термин «русский») народ никогда не был склонен к пьянству и всегда отличался большим благонравием. Этих последних можем отослать к уже давно забытой (она была издана в нашей стране в 1935 году) необыкновенно увлекательной книге голландского путешественника XVII века Яна Стрейса.

Парусных дел мастер и, судя по всему, большой любитель путешествий, он оставил потомкам исключительно интересные записки о своих странствиях, в том числе и по России времен царя

¹⁴ *Соболев Л.С.* Капитальный ремонт. 1962. С. 86.

Алексея Михайловича. Автора трудно заподозрить в пристрастном отношении к нашей державе, да и выдумать такие подробности достаточно нелегко. Впрочем, судите сами. Вот что он пишет о россиянах того далекого времени: «Они называют водку вином и считают ее самым почетным напитком; ее пьют без разбора мужчины и женщины, духовные и светские, горожане и крестьяне, до и после еды, целый день, как у нас вино; в нее добавляют перцу и считают это лекарством. Простой народ так падок на водку, что даже в сильные морозы пропивает, если нет денег, верхнюю одежду, и шапку, и более того – сапоги, чулки и рубаху и выходит из кабака или трактира в чем мать родила... Такая безнравственность и распущенность в прежние времена не считалась постыдной, а только потешной забавой»¹⁵. Ну, как, читатель, тебе не кажется, что мы с тобой всё это уже где-то недавно видели? Но, чтобы уж совсем смутить уверовавших в изначальную святость наших предков, приведу еще одно беспощадное высказывание этого путешественника о «москвитанах»: «Никогда они не бывают так дики, невоздержанны, как на масленице, которую проводят в жратве, пьянстве и разгуле, отчего возникают беспорядки и бесчинства, вплоть до убийств. Так как это происходит зимой, то можно видеть русских, напившихся до потери сознания и замерзших на дороге; их перевозят... в божий дом (видимо, что-то наподобие современного морга. – *В.М.*). Невиданное зрелище являют замерзшие люди, лежащие на санях, без рук, ног или головы, истерзанные волками или медведями»¹⁶.

На этом исторический экскурс в историю пьянства на Руси мы и закончим. Непредубежденному читателю должно быть понятно, что наш великий народ не был развращен алкоголем какими-то пришельцами. Он спивался постепенно, в течение веков и, видимо, не без удовольствия.

Что же касается нашего региона, то динамика потребления алкоголя в исследуемый период представляется весьма и весьма интересной. Прежде всего, весьма примечателен тот факт, что довоенный уровень потребления водки был выше, чем в послевоенные годы. Например, в Свердловской области в 1940 году на одну наличную крестьянскую душу приходилось около 3 л водки в год, и этот показатель был «превзойден» только в 1957-м (!) году (см.

¹⁵ *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. 1935. С. 163–164.

¹⁶ Там же. С. 175

прил. 17). Здесь надо заметить, что по стандартам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) общий уровень здоровья в стране находится под угрозой, если потребление алкоголя на душу населения превышает 8 литров в год. Расходы на приобретение вино-водочных изделий к началу «перестройки» составляли около 600 рублей в год на семью из трех человек (примерно 17% семейного бюджета против 1–6% в развитых странах). Если в 1913 году среднестатистический россиянин потреблял 2,3 л алкоголя (чистого спирта) в год, то в начале 1980-х годов эта цифра составила уже 8,6 л, а в 1999 году – 16,5 литров алкоголя в год. Отсюда (в том числе) средняя продолжительность жизни в России в том же году составила для мужчин – 59,8 года, а для женщин – 72,2 года¹⁷. Таким образом, среднестатистический россиянин-мужчина просто не доживает до пенсии. Отсюда и катастрофическая естественная убыль населения: если, например в Австрии и Германии она составляет 0,1–0,6 на 1000 человек, то в России этот показатель в десятки раз больше – примерно 6,4 на 1000 человек. При таких темпах снижения численности населения нашей страны к середине XXI века составит, по разным оценкам, от 94 до 120 с небольшим миллионов человек. Только с 1992-го по 1999 год население России сократилось почти на 6 миллионов человек¹⁸.

После войны потребление водки (а пили жители села в основном ее и, естественно, самогона) возрастало до 1947 года, в котором, как уже говорилось выше, покупка этого «продукта» становится для колхозников редким событием. Но из этого вовсе не следует, что крестьяне стали меньше употреблять алкогольных напитков. Напротив, есть веские основания утверждать обратное. И главным доводом в пользу такого утверждения выступает резкое увеличение потребления сахара именно в 1948 году, т.е. в момент минимального потребления покупной, «магазинной» водки. По сравнению с 1947 годом, данное увеличение по колхознику Свердловской области было почти 10-кратным – с 0,24 до 2,3 кг на одну наличную душу в год¹⁹.

Конечно, на фоне голодных военных лет увеличение потребления такого необходимого продукта, как сахар, представляется

¹⁷ *Леонов Н.С.* Указ. соч. С. 253, 254, 256; Областная газета. 2000. 29 авг.; Аргументы и факты. 2002. № 18–19.

¹⁸ Аргументы и факты. 2001. № 1.

¹⁹ Рассчитано по: ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.47. Л.9. Д.290. Л.35.

естественным. Но таким высоким темпам этого увеличения, думается, нет другого разумного объяснения, кроме как резко возросшие масштабы самогоноварения, для чего требовалось большое количество сахара. Наши выводы подтверждаются данными, которые приводит в своей монографии В.Ф.Зима. Так, он пишет, что лишь за два первых месяца 1947 года в стране за самогоноварение было привлечено только к уголовной ответственности 15 867 человек и изъято 12 864 самогонных аппарата²⁰.

Следует отметить, что увеличение потребления сахара продолжалось высокими темпами и в последующие годы. К 1960 году по сравнению с «экстремальным» 1948-м оно увеличилось еще в 8 раз, достигнув 18,5 кг на одну наличную душу в год. Достаточно резким было повышение потребления сахара в 1948 году и в других регионах: в Оренбургской области – в 5,7 раза по сравнению с предыдущим годом, а в Башкирии – даже в 14,7 раза²¹. Для проверки сделанных выводов можно также обратиться к аналогичному показателю по Молотовской (ныне – Пермской) области, и мы увидим, что в 1946–1950 годах его динамика полностью согласуется с динамикой по изучаемым регионам²². Интересно, что, как нам удалось проследить, в РГАЭ в сводных формах по регионам учет потребления сахара и сахарного песка был прекращен в начале 1950-х годов. В регионах же в ряде случаев учитывали только суммарное потребление сахара и кондитерских изделий. Поэтому нам представляется весьма сомнительным и малодостоверным утверждение Р.С.Назарова, В.М.Синюткина и Ю.Л.Шнирлина о том, что «за период с 1950 по 1957 год среднедушевое потребление сахара сельским населением удвоилось (?)»²³.

В питании колхозников прослеживались и национальные особенности. Например, в Башкирии потребление чая всегда многократно (часто в десятки раз) превышало аналогичный показатель по другим регионам. Это, на наш взгляд, объясняется национальными, историческими и религиозными особенностями культуры питания населения этой республики.

²⁰ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 113.

²¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.2228. Л.48, 49. Д.2663. Л.48, 49.

²² Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.35. Д.2228. Л.47. Д.2663. Л.47. Д.3177. Л.46. Д.3714. Л.149.

²³ *Назаров Р.С., Синюткин В.М., Шнирлин Ю.Л.* Потребление в СССР и методика его исчисления. М., 1959. С. 14.

Какие же параллели можно провести, анализируя питание колхозников Урала с качественной и количественной точек зрения? Во-первых, представляется необходимым провести сравнение с рациональными, научно обоснованными нормами питания. Такие нормы в бывшем СССР были разработаны Институтом питания Академии наук и выражались в следующих цифрах (в кг на одного взрослого человека в год):

- мясопродукты – 82,0;
- молокопродукты – 405,0;
- яйца (штук) – 292;
- рыба – 18,2;
- сахар – 40,0;
- картофель – 97,0;
- овощи и бахчевые – 146,0;
- фрукты и ягоды – 113,0;
- хлебобулочные продукты – 110,0.

Данные нормы были разработаны с учетом следующих требований, предъявляемых к рациональному питанию. Оно должно быть, во-первых, достаточным для восстановления всех энергетических затрат организма (если даже человек вообще ничего не делает, то и тогда за сутки женщина расходует до 1400, а мужчина – до 1600 килокалорий²⁴); во-вторых, должно обеспечивать организм всеми необходимыми для его нормальной жизнедеятельности веществами (белками, жирами, углеводами, витаминами, минеральными солями) в строго определенных соотношениях; и, наконец, в-третьих, оно должно быть регулярным. Рацион питания взрослого человека должен обеспечивать ему ежемесячно потребление 2400 г белков, 2700 г жиров и 13 500 г углеводов. Полная месячная потребность в калорийности пищи составляет в среднем 75 000 килокалорий²⁵. Таким образом, ежедневный рацион взрослого человека должен содержать примерно 2500 килокалорий.

Надо сказать, что жизнь внесла свои (и довольно жесткие) коррективы в наши представления о достаточном и разумном питании. Указанные выше нормы рационального потребления были разработаны позднее исследуемого периода – в 1970-х годах, а

²⁴ Известия. 2000. 22 нояб.

²⁵ Основные показатели социального развития и повышения уровня жизни населения СССР: Статистический сборник. М., 1976. С. 111.

четверть века спустя популярный российский еженедельник бесстрастно публикует нормы потребления основных продуктов питания для граждан, живущих на грани прожиточного минимума. Эти нормы, на наш взгляд, можно назвать минимально удовлетворительными. Небезынтересно также сравнить положение с питанием населения всего бывшего СССР (в том числе колхозников) в целом, а также РСФСР с аналогичными показателями по так называемым социалистическим странам и развитым странам Запада. Все интересующее нас данные можно свести в таблицу (см. табл. 17).

Из таблицы видно, что структура потребления основных продуктов питания сильно отличалась и по странам. В СССР и социалистических странах население потребляло значительно больше хлебопродуктов и картофеля и меньше мясо- и молокопродуктов, яиц, рыбопродуктов, чем в развитых капиталистических странах. Лишь в потреблении отдельных видов продуктов социалистические страны могли составить конкуренцию капиталистическим государствам: например, Болгария – по овощам и бахчевым, ГДР – по молокопродуктам. В целом же недостаток калорийности питания компенсировался повышенным потреблением хлеба и картофеля.

Если же мы сравним нормы рационального питания с данными о потреблении продуктов колхозниками, приведенными в табл. 16, и изобразим их динамику графически (см. диагр. 4, 5 и 6), то нетрудно заметить, что почти по всему ассортименту продуктов питания потребление их колхозниками было явно недостаточным. Так, в исследуемый период они потребляли ниже нормы: мясопродуктов – в 2,5–9,0 раз, молокопродуктов – в 1,8–2,2 раза, яиц – в 1,3–2,1 раза, рыбы, сахара, ягод и фруктов – в десятки раз. Нехватка в рационе питания всех этих и других продуктов в какой-то мере возмещалась повышенным потреблением хлебопродуктов и картофеля: их колхозники Урала потребляли больше нормы соответственно в 1,3–2,1 и в 1,4–5,3 раза. Особенно большим суммарное потребление хлебопродуктов и картофеля было в Башкирии, а овощей и бахчевых больше всего потребляли колхозники Оренбуржья. Нельзя не отметить, что львиную долю крестьянского рациона составляли фактически всего три продукта: хлеб, картофель и молоко. Как говорится, комментарии тут излишни...

Таблица 17

**Сравнительные данные потребления основных
продуктов питания населением различных стран
(кг на одну наличную душу в год)**

Часть 1

Страна, год	Хлебо- продук- ты	Карто- фель	Овощи и бахче- вые	Мясо- продук- ты
СССР - в среднем, 1960	164	143	70	40
в т.ч. колхозники, 1960	174	184	82	31
РСФСР, 1959	148	139	75	50
США, 1958	76	45	124*	95
Великобритания, 1958	89	96	59	73
Франция, 1958	113	112	123	71
Болгария, 1960	190	36	122	33
Венгрия, 1960	136	98	84	48
ГДР, 1960	102	174	61	55
Польша, 1960	145	223	н/св	50
Чехословакия, 1960	126	100	63	57
Рациональные физио- логические нормы по- требления	115	110	130	82
Минимальные физиологические нормы потребления	146	124	91	31

* Данные 1957 года. ** Данные 1956 года. *** Данные 1955 года.

Часть 2

Страна, год	Молокопродукты	Яйца (шт.)	Рыбпродукты	Сахар
СССР - в среднем, 1960	240	118	9,9	28
в т.ч. колхозники, 1960	275	175	6	17
РСФСР, 1959	306	153	11,0	21
США, 1958	317	339	11,0	44
Великобритания, 1958	358**	238	13,0	49
Франция, 1958	298***	181	12,0	29
Болгария, 1960	126	84	2,0	н/св
Венгрия, 1960	114	160	1,5	н/св
ГДР, 1960	н/св	197	н/св	н/св
Польша, 1960	363	143	4,5	н/св
Чехословакия, 1960	173	179	4,7	н/св
Рациональные физиологические нормы потребления	405	292	18,2	40
Минимальные физиологические нормы потребления	211	183	13,5	20

Источники: *Безнин М.А.* Материальное положение рабочих и колхозников 1950–1965 гг. Вологда, 1989. С. 421; *Мотревич В.П.* Материальное благосостояние колхозников Урала в 50-е – первой половине 60-х гг. Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества. Свердловск, 1990. С. 36; Основные показатели социального развития и повышения уровня жизни населения СССР. Статистический сборник. М., 1976. С. 111; Аргументы и факты. 2000. № 21; Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 145.

Диаграмма 4

Потребление основных продуктов питания колхозниками Башкирии (в сравнении с рациональными нормами потребления)

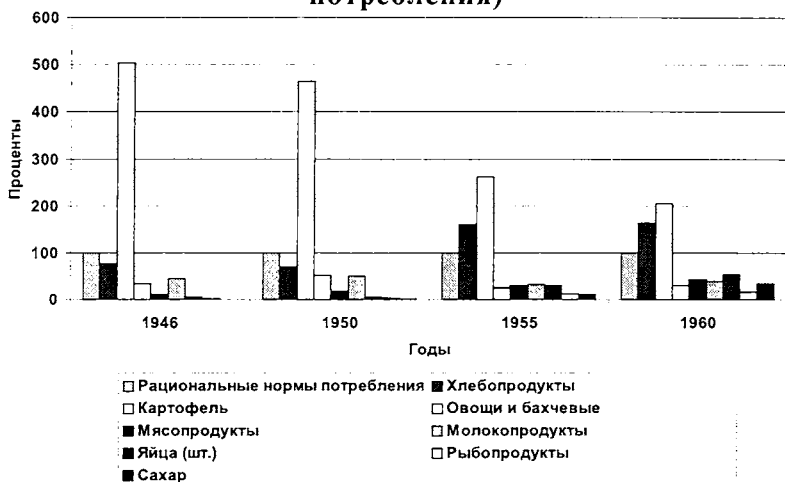

Диаграмма 5

Потребление основных продуктов питания колхозниками Оренбургской области (в сравнении с рациональными нормами потребления)

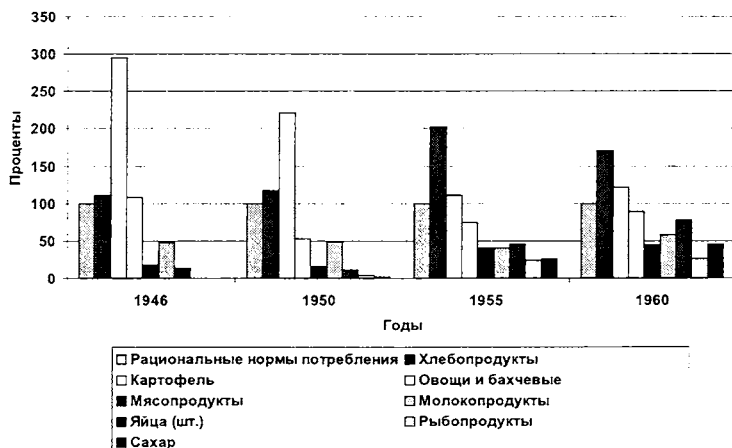
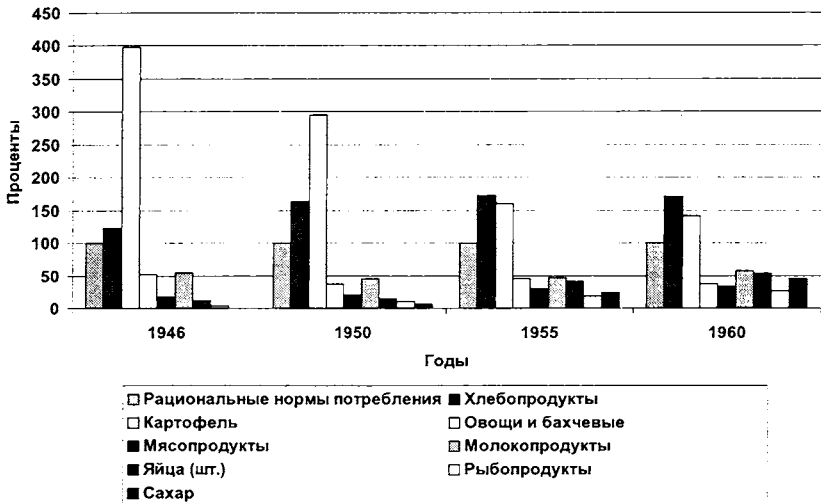

Диаграмма 6

Потребление основных продуктов питания колхозниками Свердловской области (в сравнении с рациональными нормами потребления)

Теперь несколько слов об упомянутом в табл. 17 физиологическом минимуме потребления продуктов питания, или как бы мы их назвали, минимально удовлетворительных нормах. Они появились уже в новой России в 1990-х годах, когда и у нас по примеру развитых стран стали рассчитывать так называемый минимальный прожиточный минимум. И появился этот минимум, конечно, не от хорошей жизни. Как нетрудно заметить, основной упор в этом более чем убогом наборе сделан на хлеб и картофель. При сравнении требований этого минимума и данных о фактическом потреблении продуктов питания колхозников в исследуемый период (табл. 16 и 20) хорошо видно, что потребление всеми колхозниками Урала, например, рыбопродуктов и сахара и в 1960 году было, как говорят юристы, «ниже низшего предел». Только колхозники Оренбуржья потребляли мясомолочных продуктов, яиц и овощей с бахчевыми больше данного минимума. И, наконец, этот минимум безусловно превышался во всех регионах лишь по таким общедоступным позициям, как хлеб и картофель.

Итак, напрашивается единственный вывод: потребление продуктов питания колхозниками Урала в исследуемый период было в целом значительно ниже научно обоснованных норм питания. Но это и неудивительно: расхожим местом в работах, посвященных послевоенному периоду нашей истории, стало постоянное упоминание о трудностях послевоенного восстановления экономики и связанных с этим материальных лишениях населения.

Что же касается качества питания населения всего бывшего СССР, то наиболее общее представление о нем мы можем получить из различного рода уже упомянутых нами справочных изданий. Но, как нам представляется, большего доверия заслуживают ныне рассекреченные докладные записки руководства бывшего ЦСУ СССР правительству страны о среднедушевом потреблении различных категорий населения. Одна из таких записок была подана тогдашним начальником ЦСУ В.Старовским на имя заместителя Председателя Совмина СССР А.И.Микояна²⁶. Составлению этой докладной записки предшествовала большая работа по обобщению данных бюджетных обследований 11 883 бюджетов в 19 краях, областях и автономных республиках РСФСР и 4 областях Украинской ССР. Используя содержащиеся в записке данные, можно составить следующую таблицу (см. табл. 18).

Из нее видно, что крестьянские семьи в СССР в среднем питались не хуже остальных среднестатистических семей. Но при этом наблюдалась существенная разница в потреблении сахара и мясopодуктов, которые гораздо реже были на крестьянских столах. В противовес этому крестьяне потребляли значительно больше хлебопродуктов и картофеля, а также чуть больше, чем остальное население, овощей и бахчевых, молокопродуктов и яиц. Так как приводимые средние данные носят все-таки слишком общий характер, а в каждом конкретном регионе имелись свои особенности и потребление продуктов порой значительно отличалось от усредненных цифр, то есть смысл сравнить уровни потребления продуктов питания крестьян СССР и колхозников Урала (см. табл. 16 и 18).

При этом следует согласиться с тем, что в начале 1950-х годов крестьянство Урала питалось хуже сельского населения большинства других регионов, особенно отставая в потреблении хлебопродуктов. Небезынтересно отметить, что рабочие промышленных

²⁶ Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). М., 1996. С. 39.

предприятий столицы СССР – города Москвы – потребляли значительно больше, чем крестьяне, мясопродуктов (в 3 раза) и сахара с кондитерскими изделиями (в 4,6 раза). По потреблению же большинства других продуктов питания столичные рабочие даже уступали среднестатистическим показателям их потребления крестьянством страны.

Интересно также сравнить питание крестьянских семей Урала с потреблением семей рабочих городских промышленных предприятий того же региона. Такое сравнение можно провести, используя табл. 16 и 19. Оно показывает, что, хотя их динамика во многом схожа, количество потребляемых продуктов в различные моменты исследуемого периода существенно отличалось. Особенно разительным это отличие было в первые послевоенные годы. Так, например, рабочие промышленных предприятий Свердловска потребляли в это время хлебопродуктов примерно в 1,5 раза больше, чем даже колхозники Свердловской области, где этот показатель был наивысшим из трех исследуемых регионов. Также значительно большим было в рабочих семьях потребление рыбы и сахара. С другой стороны, в этот период колхозники потребляли значительно больше таких продуктов сельского хозяйства, как картофель, овощи и бахчевые, мясопродукты, молокопродукты и яйца. Все это позволяет сделать вывод о том, что в первые послевоенные годы колхозники Урала в целом питались лучше, чем городские рабочие. Но увеличение потребления продуктов питания в те годы происходило у рабочих более высокими темпами, чем у колхозников. Поэтому в 1960 году семьи рабочих в городах потребляли примерно столько же, сколько семьи колхозников, хлебопродуктов и картофеля, овощей и бахчевых, отставая в потреблении яиц и молокопродуктов, но зато потребляя значительно больше мясопродуктов, рыбы, сахара, консервированных продуктов.

Таблица 18

**Сравнительные данные потребления основных
продуктов питания крестьянством СССР и всем
населением страны в целом в 1952 году**

Наимено- вание продуктов	Потреблено на одного члена семьи в год, кг:			
	в семьях крестьян	в семьях рабочих г. Москвы	в семьях рабочих и служа- щих**	в среднестати- стической семье
Хлеб, хлебопро- дукты и зернобо- бовые	250	217	н/св	190
Картофель	278	114	н/св	190
Овощи и бахчевые	68	57	н/св	61
Мясопро- дукты	17	51	23	24
Молоко- продукты	181	70	124	159
Яйца (шт.)	75	99	н/св	69
Сахар	6,8*	31,1*	11	16,2
Рыба и рыбопро- дукты	н/св	11,3	8	7,3

* Включая кондитерские изделия. ** Данные 1955 года.

Источник: Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). М., 1996. С. 39–41; Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 145.

Таблица 19

**Среднедушевое потребление основных продуктов
питания рабочими Свердловска
(кг на одну наличную душу в год)**

Годы	Хлебо- про- дукты	Кар- то- фель	Ово- щи и бах- че- вые	Моло- ко- про- дукты	Мясо- про- дукты	Яйца (шт.)	Рыба вся- кая	Сахар
1947	221,1	225,8	44,7	37,7	10,1	5	12,2	4,3
1950	271,8	180,2	20,5	82,9	18,2	25	8,3	13,3
1955	212,8	147,3	54,7	99,7	35,2	91	11,3	23,3
1960	206,1	151,5	66,1	132,8	55,7	127	11,1	27,8

Источники: ГАСО. Ф. 1813. Оп.14. Д.2. Л.199. Д.568. Л.792, 794, 796. Д.2332. Л.51. Д.3002. Л.58 (расчеты автора).

Интересно отметить, что потребление хлебобудничных продуктов в 1950-х годах имело противоположную динамику в семьях колхозников и рабочих: у первых оно увеличивалось, а у вторых – снижалось. Таким образом, в течение 1946–1960 годов происходило выравнивание качественного и количественного уровней питания колхозников и городских рабочих. Необходимо также отметить, что среди городских рабочих пьянство было гораздо более распространено, чем среди колхозников, особенно в 1950-х годах. Только с 1955-го по 1960 год потребление водки и ликероводочных изделий возросло в расчете на одного члена семьи свердловского рабочего с 16,0 до 19,5 л в год. С учетом же потребления вина, потребление винно-водочных изделий возросло в указанный период до 28,6 л в год²⁷.

Представляет интерес и сравнительный анализ потребления продуктов питания колхозниками и рабочими совхозов Урала. Рассмотрим это на примере совхозов Башкирии и Свердловской области в 1960 году (см. табл. 20).

²⁷ Рассчитано по: ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.2332. Л.51. Д.3002. Л.58.

Таблица 20

**Потребление основных продуктов питания рабочими
совхозов Башкирии и Свердловской области в 1960 году
(кг на одну наличную душу в год)**

Республика, область	Хлебо- продукты	Карто- фель	Овощи и бахчевые	Молоко- продукты	Мясо- продукты	Яйца, шт.	Рыба разная	Сахар
Башкирия	131,8	107,2	35,3	214,6	31,7	165	1,4	9,9
Свердловская	265,6	164,3	56,3	203,1	15,6	92	5,1	22,- 5

Источники: ГАРФ. Ф.374. Оп.31. Д.8060. Л.30; ГАСО. Ф. 1813. Оп.14. Д.3002. Л.15 (расчеты автора).

Сравнивая данные этой таблицы с данными табл. 16, можно сделать вывод, что рабочие совхозов Урала по сравнению с колхозниками в различных регионах питались неодинаково. Так, рабочие совхозов Свердловской области в 1960 году потребляли больше, чем колхозники, хлебопродуктов, картофеля, овощей и бахчевых, рыбы и сахара, но уступали им в потреблении мясо- и молокопродуктов и яиц. В Башкирии же наблюдалась почти противоположная картина, а именно: рабочие совхозов уступали колхозникам (и весьма значительно) в потреблении хлебопродуктов, картофеля и рыбы, немного в потреблении мясопродуктов, овощей, бахчевых и сахара. Больше, чем колхозники, они потребляли только яиц и молокопродуктов – в 1,4 раза.

Из табл. 20 также хорошо видно, как сильно различалось потребление продуктов питания рабочих совхозов Башкирии и Свердловской области: более или менее в одинаковых количествах они потребляли только молокопродукты. В целом надо отметить, что рабочие совхозов Свердловской области питались лучше рабочих совхозов Башкирии. И, наконец, потребление водки и ликеро-

водочных изделий в семьях рабочих совхозов Свердловской области составило в 1960 году 4,3 л на одну наличную душу в год, что было лишь немногим выше аналогичного показателя по колхозникам и значительно уступало потреблению алкоголя городскими рабочими²⁸.

Представляет также интерес сравнение уровней потребления продуктов питания колхозников Урала с аналогичными данными по другим категориям населения в рамках РСФСР (см. табл. 21). Анализируя эту таблицу и сравнивая ее с табл. 16, нетрудно заметить все те же отличительные признаки структуры питания колхозников: повышенное потребление хлебопродуктов и картофеля, а также значительно меньшее, чем у городских рабочих, инженерно-технических работников и служащих, потребление мясо- и молокопродуктов, рыбопродуктов и сахара. Сравнивая количество и качество потребляемых продуктов различными категориями населения России в конце 1950-х годов, можно также сделать вывод, что колхозное крестьянство Урала в последние годы исследуемого периода питалось качественно хуже, чем рабочие городских предприятий России в целом, а также ИТР и служащие.

С нашим выводом были бы согласны Р.С.Назаров, В.М.Синютин и Ю.Л.Шнирлин, которые еще в 1959 году отметили, что «размеры душевого потребления городского населения по ряду важных продуктов питания выше, чем у сельского населения». Правда, тут же, в духе своего времени, объяснили это тем, что «товарные фонды, направляемые в деревню, все еще (!) недостаточны». В целом же, по их мнению, «количественный и качественный состав питания сельского населения требует **значительного** (выделено нами. – В.М.) улучшения»²⁹.

²⁸ Рассчитано по: ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.3002. Л.15.

²⁹ *Назаров Р.С., Синютин В.М., Шнирлин Ю.Л.* Указ. соч. С. 14, 15.

**Сравнительные данные потребления основных
продуктов питания различных категорий населения
РСФСР в 1959 году
(кг на одну наличную душу в год)**

Наименование продуктов	Колхоз- ники	Рабочие совхозов	Рабочие промыш- ленности	ИТР и служащие
Хлебопродукты	188,9	139,3	134,5	122,8
Картофель	188,3	137,1	121,7	114,0
Овощи и бахчевые	78,2	71,3	73,0	75,0
Мясопродукты	33,3	32,0	51,8	55,9
Молокопродукты	287,1	300,3	296,7	346,3
Яйца, шт.	174	169	133	159
Рыбопродукты	5,6	6,0	13,2	14,0
Сахар	13,8	14,5	23,8	24,1

Источник: Безнин М.А. Материальное положение рабочих и колхозников. 1950–1965 гг. (методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества, часть II). Вологда, 1989. С. 36–37.

Что же касается сравнений со среднероссийским уровнем потребления рабочих совхозов и колхозников, то здесь однозначный вывод сделать сложнее. Но, как нам представляется, уверенно можно говорить либо о лишь примерном равенстве уровня потребления продуктов питания колхозниками Урала и среднего показателя по РСФСР, либо даже о несколько худшем качестве питания уральских колхозников по сравнению с ним. Надо сказать, что и в дальнейшем потребление колхозниками продуктов питания отставало от потреб-

ления рабочих и служащих. Например, согласно исследованиям Т.И.Заславской, и в 1967 году этот показатель у колхозников составлял от уровня рабочих и служащих: по молокопродуктам – 93%, сахару – 84%, мясопродуктам – 75%, рыбе – 56%³⁰.

Как мы уже подчеркивали, большую часть потребляемых продуктов колхозники получали из своего ЛПХ. Динамика удельного веса продуктов ЛПХ, потребленных в семьях колхозников, представлена в следующей таблице.

Таблица 22

**Удельный вес продуктов ЛПХ,
использованных колхозниками на питание (в %)**

Республика, области	Годы	Картофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты	Яйца (шт.)	Фрукты, ягоды и виноград, свежие
Башкирия	1946	98	53	69	86	52	80
	1950	53	42	64**	87**	46**	60
	1955	41	59	74	54	61	53
	1960	25	39	86	56	65	67

Окончание табл. на след. стр.

* Данные 1956 года.

** Данные 1949 года.

Источники: ГАСО. Ф. 1813. Оп.1 Д.518. Л.9-12. Оп.14. Д.657. Л.11, 12, 23, 24. Д.2743. Л.20. Д.3009. Л.62-64; РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.20, 21, 37, 39, 107, 108, 122, 124. Д.3714. Л.16, 32, 65, 66, 133, 134, 150, 151; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников (расчеты автора).

³⁰ Заславская Т.И. Проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, 1975. С. 58.

Республика, области	Годы	Картофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясные продукты	Молоко и молочные продукты	Яйца (шт.)	Фрукты, ягоды и виноград, свежие
Оренбургская	1946	75	100	89	71	67	63
	1950	36	53	62	62	53**	44**
	1955	46	71	69	61	72	88
	1960	33	53	79	59	75	64
Свердловская	1946	60	87	74	71	63	88
	1950	30	38	70	64	56	47
	1955	14	79*	74	65	77	100*
	1960	16	83	84	64	85	100

Из таблицы видно, что за исследуемые полтора послевоенных десятилетия наиболее товарным продуктом ЛПХ стал картофель: если в 1946 году большая его часть потреблялась в крестьянской семье, то в 1960-м его потребление не превышало одной трети от произведенного количества. Что касается других продуктов сельского хозяйства, производимых в ЛПХ, то, хотя динамика их потребления имела свою специфику в каждом из регионов, несомненным представляется тот факт, что преобладающую часть производимых продуктов колхозники употребляли в пищу (за исключением разве что картофеля).

По таблице нетрудно заметить, что 1950-й и соседние с ним годы были наиболее тяжелыми в смысле налогообложения, а потому внутрихозяйственное потребление производимых продуктов было минимальным. И такая картина была повсеместной в РСФСР,

где ЛПХ удовлетворяло большую часть потребностей крестьянских семей в продукции животноводства, картофеля, овощах и бахчевых и других продуктах сельского хозяйства. В среднем по России продукция ЛПХ составляла в исследуемом периоде в годовом обороте крестьянской семьи: картофеля – 70–100%, овощей – 87–90%, мясомолочных продуктов – почти 100%.

Другая картина складывалась по зерновым: их поступление по трудодням составляло 85–99% годового оборота. Кроме этого, колхозное производство было единственным источником поступления муки в семьи колхозников. Таким образом, можно сделать вывод, что во время всего исследуемого периода ЛПХ колхозников Урала в первую очередь удовлетворяло потребности их семей в продуктах питания, т.е. не носило явно выраженного товарного характера. Но, даже несмотря на это, большая часть денежного дохода семьи уходила, тем не менее, на покупку именно этих продуктов.

При сравнении уровней потребления продуктов питания указанными категориями населения необходимо помнить, что многие городские рабочие, а рабочие совхозов – практически все, имели огороды или садовые участки. Если огородничество получило широкое распространение в голодные военные годы, то коллективное садоводство как новая форма ведения личных хозяйств рабочих и служащих возникло, в основном, в послевоенные годы. ЛПХ рабочих и служащих сыграли, без всякого преувеличения, решающую роль в том, что 1943 и 1944 годы не стали на Урале годами массового голода. В связи с этим стоит напомнить, что, по подсчетам А.В.Бакунина и М.Н.Денисевича, в Свердловской области в 1943 году **каждая** (выделено нами. – *В.М.*) из обследованных 220 семей рабочих получила из своего ЛПХ в среднем 714 кг картофеля, 269 литров молока, 40 кг капусты и других продуктов³¹. Правда, не совсем понятно, откуда взялось у рабочих столько коров.

Таким образом, как это видно из многочисленных приведенных сравнений, колхозное крестьянство Урала по уровню потребления продуктов питания в конце исследуемого периода уступало большинству других категорий населения. Нам представляется, что именно этот показатель в совокупности с увеличением потребления вино-водочных изделий самым прямым образом способствовал тому, что уже в наше время, в 1994 году средняя продолжительность

³¹ *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие торговли на Урале в послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1980. С. 23.

жизни уральских мужчин составила всего 56,5 лет³². Правда, была одна довольно многочисленная категория населения страны, которая питалась хуже крестьянства: это население ГУЛАГа, то есть попросту заключенные в тюрьмах и лагерях.

Условия содержания подследственных и осужденных в 1930–50-х годах описаны во многих художественных произведениях, прежде всего, в работах А.И. Солженицына. В одной из них³³ известный российский писатель рассказал о норме питания заключенных (видимо, в известной степени усредненной), которую можно представить такой таблицей (см. табл. 23). Но тут же А.И. Солженицын пишет, что «это – цифры, а в миске их не может быть, не бывает». Далее автор упоминает, что, например, «штрафники», находящиеся в карцере, получали всего 400 г хлеба и один раз в день горячую пищу. Конечно, располагая современным объемом информации об условиях содержания в сталинских лагерях, вполне можно согласиться с тем, что упомянутый выше рацион питания заключенных не более чем декларация и что он практически никогда и нигде не выполнялся. Но здесь знаменательно уже то, что этот минимальный рацион **декларировался** правящим режимом и признавался как достаточный для жизнедеятельности человека. Лицемерие сталинского режима проявилось и тут (впрочем то же самое происходило и во всех других без исключения сферах жизни).

Таблица 23

**Нормы потребления продуктов питания заключенными
в СССР в 1950-х годах**

Наименование продуктов	Норма потребления	
	В сутки (г)	В год (кг)
Хлеб	700	255,5
Сахар	13	4,7

Окончание табл. на след. стр.

³² Уральская энциклопедия. Екатеринбург, 1999. С. 177.

³³ *Солженицын А.И.* Архипелаг Гулаг. Малое собрание сочинений: В 8 т. М., 1991. Т. 7. С. 342.

Наименование продуктов	Норма потребления	
	В сутки (г)	В год (кг)
Жиры	19	6,9
Мясо	50	18,2
Рыба	85	31,0

Нелишне напомнить в связи этим о ежедневном рационе питания заключенных Великобритании в XIX веке, содержавшихся в специальных плавучих тюрьмах (кораблях, отслуживших свой срок и перестроенных для таких целей). Он включал, в частности, примерно 750 г хлеба, 170 г мяса, 450 г картофеля, а также кашу (конечно, овсяную), суп (через день) и даже такой экзотический напиток, как пиво в количестве около полулитра³⁴.

Если же сравнить данные таблиц 16 и 23, то нетрудно заметить, что в первые несколько лет после окончания Великой Отечественной войны фактическое потребление продуктов питания колхозниками Урала было на уровне норм, установленных для заключенных. Так, колхозники Башкирии стали потреблять мяса больше, чем определено указанными нормами, только в 1953-м, а сахара – только в 1954 году. А, например, потребление ими рыбопродуктов и к началу 1960-х годов оставалось ниже, чем по нормам питания у заключенных. Наконец, небезынтересно сравнить питание колхозников Урала с питанием, например, населения разгромленной нами фашистской Германии в критические для нее периоды. По данным немецких источников, в самый разгар Второй мировой войны, в июне 1943 года, население Германии в расчете на душу населения в год потребляло: хлеба – 108,0 кг, круп – 7,2 кг, мяса – 12,0 кг, сахара и мармелада – 19,2 кг³⁵.

В первые же месяцы после окончания войны рацион питания жителя поверженного Берлина в годовом исчислении состоял из 146,0 кг хлеба и такого же количества сушеного картофеля, 14,6 кг

³⁴ *Лейн Б.* Пытки и наказания. Смоленск, 1997. С. 280–281.

³⁵ Итоги Второй мировой войны. Воениздат. М., 1957. С. 452.

мяса и такого же количества сахара, 11,0 кг жиров и даже 1,8 кг сыра. При этом, как сообщает другой источник, «берлинцы не умирали с голоду, но голодны были постоянно»³⁶. Анализируя приведенные цифры и сравнивая их с данными о питании колхозников в те же периоды времени, можно сделать вывод, что, по крайней мере, сельское население державы – победительницы – Советского Союза – питалось в то время хуже. Что уж говорить о наших ближайших союзниках: например, в США уже в 1940 году среднедушевой уровень потребления мяса достиг 50 кг³⁷.

Завершая сравнение уровней питания уральских колхозников с различными другими категориями населения, необходимо, на наш взгляд, отметить, что проблема обеспечения населения продовольствием была актуальной для бывшего Советского Союза все семь десятилетий его существования. И это неудивительно: неэффективность командно-административного метода управления экономикой проявляется, как известно, прежде всего в отсутствии полноценного товарного рынка, в уродливом, гипертрофированном развитии государственного сектора экономики, и прежде всего его военно-промышленного комплекса. Такая «экономика» по праву именуется «экономикой дефицита», так как дефицит практически всех без исключения товаров, наличие в той или иной форме карточно-распределительной системы – ее неотъемлемые атрибуты.

Продовольственная проблема, несмотря на определенные заметные сдвиги, не была и не могла быть полностью решена в исследуемый нами период в рамках существования господствующей тогда в СССР командно-административной системы. Попытки решить органические проблемы социалистической экономики, в том числе продовольственную проблему, предпринимались и позднее. Такие цели преследовала экономическая реформа 1965 года, так и оставшаяся незавершенной. Попыткой хоть как-то воздействовать на все ухудшающееся общее состояние экономики явилось Постановление ЦК КПСС и Совмина от 12 августа 1979 года «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма», которое уже ничего не могло изменить. И, наконец, последней попыткой решить проблему питания населения была так называемая Продовольственная программа, провозглашенная в 1982 году и ставившая целью значительное улучшение питания населения страны и доведение

³⁶ Посев. 1998. № 5–6. С. 50.

³⁷ Барр Р. Политическая экономия. Т. 1. 1994. С. 608.

его до уровня питания населения развитых капиталистических стран. Эта программа, как и все предыдущие, не была реализована, а произошедшие впоследствии дезинтеграционные процессы, повлекшие развал бывшего СССР, еще более обострили проблему обеспечения населения России продуктами питания.

Предпринятые после 1991 года правительством независимой России энергичные меры по улучшению продовольственного положения в стране дали свои результаты. Прежде всего, удалось ликвидировать дефицит на рынке продовольствия (главным образом, за счет его импорта), наполнив его большим количеством товаров, но по достаточно высоким ценам, резко ограничивающим платежеспособный спрос населения. Таким образом, продовольственная проблема, доставшаяся Российской Федерации в наследство от Советского Союза, остается нерешенной до сегодняшнего дня, как, впрочем, и ряд других проблем переходного периода экономического, социального и политического характера. В работе уже упоминалось о нормах рационального питания и его калорийности. Так, если взять данные, характеризующие питание населения Свердловской области в 1991, 1996 и 1999 годах, то потребление продуктов питания как среднестатистическим городским ее жителем, так и сельским, выглядит следующим образом (см. табл. 24).

Из таблицы видно, что уровень потребления продуктов питания населением области в 1991–1999 годах снизился, несмотря на наполненный продовольственный рынок. Так, среднестатистический житель области потребил в 1996 году 61 799 килокалорий вместо 75 000 по физиологическим нормам. Не стоит, на наш взгляд, излишне драматизировать создавшуюся ситуацию, так как уровень питания населения в целом остается достаточным, тем более что возросло потребление других, малопотребляемых в прошлом продуктов (шоколада, цитрусовых, соков и т.д.). Но, если говорить о питании сельского населения, то по-прежнему его структура остается неполноценной, хотя позитивные сдвиги имеются. Так, в 1996 году сельские жители потребляли больше, чем горожане, хлебопродуктов – в 1,5 раза, картофеля – в 2 раза, а вот мясопродуктов потребили на 16% меньше городских жителей³⁸. Нормальное, сбалансированное питание в том году имели только 20% населения Свердловской области³⁹. В 1999 году положение несколько

³⁸ Уральский рабочий. 1997. 13 ноября.

³⁹ Там же.

улучшилось (см. табл. 24), особенно это видно по тому, что сравнялся уровень потребления мясопродуктов в городе и деревне. В целом же, надо сделать вывод, что питание сельского населения Урала, да и всей России, и на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

Таблица 24

Потребление основных продуктов питания населением Свердловской области (кг на одну наличную душу в год)

Наименование продуктов	1991 год	1996 год	1999 год:		
			в среднем по области	городское население	сельское население
Хлебопродукты	107	105	116	110	156
Картофель	н/св	113	93	87	135
Овощи и бахчевые	88	66	80	81	73
Мясопродукты	63	49	40	40	40
Молокопродукты	324	218	165	164	172
Яйца (шт.)	313	258	132	140	71
Фрукты и ягоды	39	27	18	19	11
Сахар	34	28	н/св.	н/св.	н/св.
Рыба всякая	н/св.	н/св.	9,7	10,2	6,4

Источники: «Уральский рабочий» от 13.11.97 г.; <http://strategy.burg.ru>

Вопрос обеспечения крестьянства продуктами питания очень остро стоял в первые послевоенные годы, особенно после засушливого и неурожайного 1946 года. В этом первом послевоенном году недобор зерновых составил треть всего зернового запаса бывшего СССР – этот запас сократился с 16 987 до 12 681 тыс. тонн⁴⁰. На Урале сбор зерновых в 1946 году составил 1743,1 тыс. тонн или 81% к уровню 1940 года. Вследствие неурожая на год была отложена отмена карточной системы в стране. События 1946–1947 годов в стране в связи с засухой и массовым голодом очень хорошо описаны в монографии В.Ф.Зимы⁴¹. На основе богатого фактического материала автор исследовал причины и последствия голода, который испытало тогда население многих регионов СССР, создав масштабную и впечатляющую картину всенародного бедствия. С его оценкой количества жертв голода с 1946-го по 1948 годы (более 1 млн. человек) согласны и зарубежные исследователи⁴².

В то же время автор, на наш взгляд, не совсем прав, утверждая, что первое робкое упоминание о голоде послевоенных лет было сделано в 4-м томе коллективного труда по истории крестьянства только в 1988 году. Прямое упоминание о голоде в те годы можно найти, например, в монографии М.И.Волкова, изданной в 1972 году, где он пишет о том, что в первом послевоенном году «**недоедание, случаи дистрофии** (выделено нами. – В.М.) пришлось пережить деревне...», а «тяжелые последствия войны и засухи переживала вся страна, весь народ»⁴³.

Кроме того, нам представляется, вряд ли правомерно связывать крайне тяжелую продовольственную ситуацию в стране в те годы только с засухой и неурожаем или даже, как это делает В.Ф.Зима, с целенаправленной политикой властей. Конечно, сталинский режим трудно заподозрить в гуманном отношении к собственному народу, но и желать скорейшего вымирания этого народа, думается, у него не было причин: ведь именно эти подданные обеспечивали существование и самих властей предрежащих. Думается, факторов было несколько, и в каждом отдельном регионе они имели разные последствия. Вопрос о том, действительно ли продовольственная

⁴⁰ Попов В.П. Указ. соч. С. 163.

⁴¹ Зима В.Ф. Указ. соч.

⁴² Посев. 1998. № 5–6. С. 45.

⁴³ Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972. С. 270–271.

ситуация на Урале после войны резко ухудшилась, по нашему мнению, достаточно дискуссионный. Более осторожна в высказываниях Уральская Историческая Энциклопедия, из которой можно узнать, что очередная волна голода на Урале прошла в 1943–1944 и 1946 годах, а «очаги голода наблюдались главным образом в северных районах Урала – Свердловской, Пермской областях, Удмуртии, Башкирии» (?)⁴⁴.

Отвечая на поставленный вопрос, правильнее, видимо, было бы сказать, что тоталитарному советскому государству и по окончании войны не удалось положить конец нищенскому и полуголодному существованию своего народа, в том числе и крестьянства, что ни в 1945-м, ни в 1946 году люди не стали питаться в соответствии с физиологическими нормами, по-прежнему недоедая и нуждаясь в самом необходимом. Да, приходится констатировать, что «радость победы не принесла сытости. Это чувство просто неведомо подавляющему большинству ныне живущего населения России. Оно никогда не знало изобилия мясных продуктов, молока, сыра, фруктов и овощей. Если жители столиц еще могут вспомнить что-то из этих продуктов на прилавках, то абсолютное большинство населения страны потребляло их по случаю, как радостное и редкое исключение»⁴⁵. Примечательно, что эти горькие строки написал не убежденный диссидент, не ярый противник советского режима, а уже упоминавшийся нами один из руководителей советской внешней разведки в 1970–80-х годах, доктор исторических наук Н.С.Леонов.

Наши рассуждения подтверждаются следующими данными. Действительно, валовое производство продукции земледелия по колхозам СССР в целом составило в 1946 году по сравнению с 1945-м (в ценах 1926/27 года) 94%, а по колхозам Урала – 97%. Но в то же время производство этих продуктов в ЛПХ колхозников в 1946 году составило по СССР всего 91%, а на Урале – 129% по сравнению с 1945 годом. По исследуемым же регионам этот показатель выглядел так: Башкирская АССР – 141%, Оренбургская область – 125% и Свердловская область – 129%.

⁴⁴ Уральская энциклопедия. С. 147.

⁴⁵ Леонов Н.С. Указ. соч. С. 241.

Далее, если взять производство продукции животноводства в 1946 году по сравнению с 1945-м, то этот показатель будет выглядеть следующим образом:

- по колхозам СССР – 106%;
- Урала – 91%;
- Башкирии – 92%;
- Оренбургской области – 83%;
- Свердловской области – 92%.

Но, в то же время, в ЛПХ колхозников в 1946 году было произведено данных продуктов:

- по СССР – 106%;
- Уралу – 104%;
- Башкирии – 112%;
- Оренбургской области – 98%;
- Свердловской области – 102% по сравнению с 1945 годом.

Как видно из представленных выше цифр⁴⁶, никакого катастрофического снижения объемов продукции земледелия и животноводства на Урале в первом послевоенном году не произошло. Более того, некоторый недобор сельскохозяйственной продукции в колхозах (отразившийся прежде всего на оплате трудодней) вполне компенсировался ее поступлением из ЛПХ. Об этом же говорят и данные о потреблении основных продуктов питания в эти годы. Из них следует, что, например, в Башкирии в 1946 году по сравнению с 1945-м потребление колхозниками зернобобовых составило 133%, картофеля – 119%, овощей – 119%, мясопродуктов – 148%, молокопродуктов – 100%, яиц – 146%⁴⁷.

Таким образом, данные бюджетных обследований также говорят даже об улучшении питания колхозников Урала в первом послевоенном году, и весьма существенном. Но здесь надо учитывать следующий очень важный момент: это значительное, на первый взгляд, увеличение потребления происходило на фоне его предельно низких абсолютных цифр, находящихся ниже всяких допустимых границ физиологических норм потребления продуктов питания. Достаточно сказать, что среднедушевое потребление в

⁴⁶ Рассчитано по: *Мотревич В.П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Свердловск, 1991. С. 13, 14, 16, 17.

⁴⁷ *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991. С. 176–177.

Башкирии, например, мясопродуктов в 1944 году составило всего 5,3 кг, а яиц – 13 штук⁴⁸. Для сравнения заметим, что в России в бедняцкой семье в 1900–1913 годах годовое среднедушевое потребление мяса, по самым заведомо заниженным данным, составляло 10 кг, яиц – 38 штук⁴⁹.

Поэтому сравнить этот низжайший уровень потребления можно только с массовым голодом 1933 года, когда, например, среднедушевое потребление уральскими колхозниками мяса составило за год всего 4,0 кг⁵⁰. Можно добавить, что статистика продовольственного потребления в СССР приравнивала к мясопродуктам не только сало и субпродукты 1-й категории – печень, почки, язык, вымя, мозги, но даже субпродукты 2-й категории – легкие, рубец, головы, губы, уши. Даже много лет спустя, в 1957 году, удельный вес субпродуктов 2-й категории в общих рыночных фондах составлял по СССР от 16 до 30%, и их рекомендовалось при расчете фондов потребления пересчитывать в мясо с коэффициентом 3:1⁵¹.

М.Н.Денисевич в своей монографии приводит страшные факты голодной жизни населения Урала в годы войны. Например, по его данным, в Останкинском сельском совете Свердловской области только в 1942 году в колхозных детских яслях умерли от голода и болезней 30 детей, в Коптеловском – 44 ребенка, в Монастырском – 22, в Бобровском – 18 детей⁵². Из этого и из многих других примеров видно, что голод военного лихолетья и смертность от него были непомерно велики в годы Великой Отечественной войны и в таком далеком тылу, каким был Урал.

Между тем голодные военные годы в настоящее время уже не так привлекают внимание историков и экономистов. Думается, причина этого в том, что факты голода во время войны всегда воспринимались как нечто если не естественное, то, во всяком случае, неизбежное, как следствие предельно напряженного состояния общества, ведущего справедливую войну с агрессором. Массовый же голод в послевоенное время (особенно на фоне «быстрого и успешного восстановления» экономики страны, о чем постоянно вешали средства массовой информации), уже не мог быть оправдан

⁴⁸ Там же. С. 177.

⁴⁹ Бюллетень ЦСУ СССР. 1920. № 19. С.5.

⁵⁰ Уральская энциклопедия. С. 147.

⁵¹ Назаров Р.С., Синютин В.М., Шнирлин Ю.Л. Указ. соч. С. 33–35.

⁵² Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 83.

временными трудностями военного периода. Соответственно, такие факты в большей степени привлекают внимание исследователей.

Тема голода в послевоенной уральской деревне, как мы уже отмечали, была запретной в бывшем СССР вплоть до второй половины 1980-х годов. До этого времени авторы, занимающиеся исследованиями условий жизни сельского населения, отмечали лишь тенденцию к увеличению потребления продуктов питания в колхозных семьях без анализа количества и качества потребленных ими продуктов и без сравнения этих данных с аналогичными по семьям рабочих совхозов и промышленных предприятий. Так, Р.П. Толмачева в своей монографии подчеркивала только «улучшение питания уральских колхозников» в первые послевоенные годы⁵³. При этом значительное место в своих работах исследователи уделяли роли ЛПХ в питании колхозников, но не давали внятного ответа на вопрос: почему же так велика была доля продуктов ЛПХ в общем объеме потребления крестьянских семей. А между тем ответ на этот вопрос был, на наш взгляд, очевиден: хроническая нехватка любых товаров, в том числе продуктов питания, является неотъемлемым атрибутом командно-административной системы, и именно поэтому крестьянство не могло выжить без подсобных хозяйств.

Также только в дозволенных им в то время рамках авторы публикаций исследовали и другие вопросы крестьянской жизни. Так, никак не исследовалась взаимосвязь между тяжелыми материальными условиями жизни и уровнем правонарушений, в том числе таких, как хищения общественной собственности. А такие преступления получили широкое распространение в те годы. Например, хищение зерна сразу же после войны приняло в стране такой размах, что только в течение 1946 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по усилению охраны хлеба: от 27 июля – «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» и от 25 октября – «Об обеспечении сохранности государственного хлеба». Воровство было, конечно, и в военные годы, но сдерживалось применением более жестких законов военного времени. Теперь же государство вновь вернулось к ним, тем более что не был отменен сразу после войны печально известный закон от 7 августа 1932 года, которым

⁵³ Толмачева Р.П. Указ. соч. С. 178.

колхозная собственность объявлялась «священной и неприкосновенной» и приравнивалась к государственной. Этот изуверский закон предусматривал уголовную ответственность даже за сбор колосков на колхозных полях, и тысячи людей в соответствии с ним были приговорены к длительным срокам заключения и даже к высшей мере наказания. В народной памяти этот закон сохранился как «указ о колосках», а его применение Пленум Верховного суда СССР признал «нецелесообразным» только в 1947 году. В добавление к двум упомянутым постановлениям было принято еще и постановление Совмина СССР №1703 от 31 июля 1946 года «О запрещении торговли хлебом и подсолнухом до выполнения планов заготовок хлеба и подсолнуха», согласно которому разбазариванием хлеба считалась даже авансовая выдача зерна в счет трудодней или на общественное питание до полного расчета колхоза с государством по обязательным поставкам.

Таким образом, у колхозников зачастую не было даже возможности продать заработанное ими зерно. А если и открывалась такая возможность, то продажа вполне могла попасть под действие законодательства и изданного в соответствии с ним приказа министра пищевой промышленности «Об усилении борьбы со спекуляцией» от 24 сентября того же 1946 года. Между тем наличие карточной системы в стране и запрещение хлебной торговли, ухудшая условия жизни основной массы тружеников, создавали благоприятную почву для различного рода деятелей теневой экономики и откровенных преступников.

Однако, несмотря на меры, предпринимаемые властями, остановить вал послевоенной преступности не удавалось. Достаточно сказать, что в целом по стране общее количество хищений всякого рода имущества только за 1947 год увеличилось по сравнению с 1946-м на 43,7%⁵⁴. При этом резко возросло и количество посягательств на общественную собственность, хотя оно каралось государством значительно строже аналогичных хищений личной собственности граждан. Обеспокоенное стремительно осложняющейся криминогенной обстановкой, руководство страны опять принимает свои чисто административные меры: издается Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного

⁵⁴ *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 127.

имущества». Один из пунктов указа был специально посвящен охране (в который раз!) колхозной собственности и предусматривал наказание до двадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества. В дальнейшем данный указ был «дополнен» секретным распоряжением Совмина СССР, предусматривающим в ряде случаев ужесточение наказаний. С целью улучшения сохранности зерна и другого продовольствия численность военизированной охраны Министерства продовольственных резервов была увеличена в два с половиной раза⁵⁵.

Но, несмотря на усиление уголовной ответственности, хищения колхозного имущества продолжались, так как их провоцировала сама жизнь. Особенно много такого рода преступлений на Урале совершалось в Башкирии. Так, уже в начале 1950-х годов начальник Главного управления милиции МГБ СССР в своей докладной записке министру государственной безопасности СССР сообщает, что по количеству привлеченных к уголовной ответственности за хищения и разбазаривание хлеба в январе 1952 года эта республика была на пятом месте среди всех областей и республик СССР: там только за указанный месяц такая мера была применена к 45 человекам. В частности, в записке приводится факт хищения 2,5 тонн зерна на Белебеевском элеваторе группой расхитителей – колхозников во главе с заведующим корпусом элеватора⁵⁶. Здесь показательно уже то, что люди воровали не какие-то ценные вещи, а просто зерно. Конечно, воровству нет оправдания, но надо учитывать, что в большинстве случаев на нарушение закона людей толкала горькая нужда в самом необходимом, и прежде всего – в продуктах питания. В этом плане положение Башкирии в послевоенные годы было едва ли не самым худшим на Урале.

Постепенное улучшение продовольственной ситуации на Урале и в стране в целом происходило в 1948-м и в последующие годы. Что же касается ответа на вопрос о том, действительно ли в 1946–1947 годах в уральской деревне царил голод, то на него можно ответить следующим образом: крестьянство Урала и после войны питалось плохо, хотя и не хуже, чем в военное время. Просто голод военного времени продолжился голодом времени мирного.

⁵⁵ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 100, 125.

⁵⁶ *Попов В.П.* Указ. соч. С. 171.

3.2. Потребление непродовольственных товаров

Потребление непродовольственных товаров колхозниками, как это подчеркивалось рядом исследователей села, всегда имело свои характерные черты и особенности. Возник даже такой специфический термин — «деревенские товары», под которыми понимался узкий круг товаров первой необходимости, которые могли себе позволить селяне⁵⁷. Перечень этих товаров был невелик и включал в себя хлопчатобумажные ткани, примитивную одежду и обувь (большей частью кустарной выделки), хозяйственное мыло, спички, соль, керосин, некоторые другие. Такой предельно узкий перечень потребляемых колхозниками непродовольственных товаров объяснялся прежде всего низким платежеспособным спросом колхозников, который, в свою очередь, был вызван низким уровнем денежных доходов сельского населения. Первоосновой такого положения была та целенаправленная политика государства по отношению к крестьянству, которую оно проводило все годы господства КПСС.

Годы военного коммунизма, индустриализации и насильственной коллективизации, доведшие деревню до крайней степени бедности и разрухи, свели потребление крестьянской семьи к убогому минимуму, обеспечивавшему колхозникам только удовлетворение самых скромных бытовых потребностей. О крайней степени бедности и материальной неустроенности говорят такие цифры: в 1946 году на 100 наличных душ колхозников Башкирии было приобретено всего 0,6 штук меховой и овчинной одежды, 2,7 пары нательного белья, 32 головных убора. Мебели же и других товаров домашнего обихода было приобретено всего на 1495 рублей⁵⁸.

Примерно таким же было положение и в других регионах Урала.

В целом по РСФСР положение с потреблением непродовольственных товаров сельским и городским населением было удручающим. По данным О.М.Вербицкой, в 1946–1947 годах покупку одной какой-либо единицы готовой одежды в год могли себе

⁵⁷ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов – начало 60-х годов. М., 1992. С. 157.

⁵⁸ РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.56, 141.

позволить 8–13 человек из 100 колхозников республики, купить готовое платье или брюки могли 24–29 человек, кожаную обувь – 11–22 человека, белья – 4–5 человек⁵⁹. Понятно, что в таких условиях не могло быть и речи о наличии в семьях колхозников в то время автомобилей, мотоциклов и (за редким исключением) даже велосипедов. Мы не случайно употребляем термин «непродовольственные товары» вместо часто встречающегося термина «промышленные товары», так как значительная часть из приобретенных предметов белья, одежды, обуви и других товаров было непромышленного, кустарного производства.

Причиной такого низкого уровня расходов, помимо нехватки денег, был также хронический дефицит непродовольственных промышленных товаров. Он, в свою очередь, был усугублен тем, что проводимая после войны конверсия большинства предприятий, перестраивавшихся на выпуск невоенной продукции, затянулась. Но и конверсия военных предприятий предусматривала преимущественное восстановление и развитие в первую очередь тех из них, которые относились к группе «А», то есть производили средства производства, а не предметы широкого потребления. К тому же все отрасли промышленности испытывали острую нехватку сырья.

Этот дефицит абсолютного большинства жизненно необходимых товаров сохранился и в более позднее время, хотя, как свидетельствуют даже иностранные источники, после 1960 года начался «резкий рост оснащенности домашнего хозяйства потребительскими товарами»⁶⁰. Так, по данным М.А.Безнина, и в 1965 году в российской глубинке не полностью удовлетворялся спрос на многие товары: строительные материалы (дерево, шифер, гвозди и т.д.), предметы крестьянского хозяйства (лопаты, ведра и т.д.), бытовые товары (электролампы, будильники, бритвы), транспортные средства, телерадиоаппаратуру, швейные изделия, ткани, обувь и даже канцелярские товары⁶¹. Что же касается исследуемого периода, то в 1960 году на 100 семей населения СССР насчитывалось всего: 286 часов, 46 радиоприемников, 39 велосипедов и мопедов,

⁵⁹ *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 158.

⁶⁰ *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность//Отечественная история. 1998. № 1. С. 109.

⁶¹ *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 217.

35 швейных машин, 18 фотоаппаратов, 8 телевизоров, по 4 холодильника, стиральной машины и мотоцикла (мотороллера)⁶².

Эти цифры можно сравнить с рациональными нормами обеспеченности предметами длительного пользования. В сравнении с ними обеспеченность велосипедами и мопедами составляла 56%, фотоаппаратами – 39%, швейными машинами – 36%, мотоциклами (мотороллерами) – 27%, радиоприемниками – 18%, телевизорами – 6%, стиральными машинами – 6%, холодильниками – 4%⁶³. С полной уверенностью можно предположить, что данных товаров в расчете на 100 семей колхозников приходилось гораздо меньше. Например, дефицит швейных машин был таким, что данные изделия знаменитой фирмы «Зингер» еще дореволюционных лет выпуска передавались в деревне из поколения в поколение. Представление об уровне потребления основных непродовольственных товаров колхозниками исследуемых регионов Урала дает табл. 25 (см. след. стр.).

Из нее видно, что, хотя потребление промтоваров в послевоенное время неуклонно возрастало, но даже в 1960 году их приобретение колхозниками было еще далеко от рациональных норм. Поэтому каждая покупка была событием для крестьянской семьи. Одежду колхозники носили долго, штопая, перешивая, перелицовывая ее и передавая от старших детей младшим. Недостаток тканей промышленной выработки восполнялся в какой-то мере домотканым полотном. Что касается обуви, то ее многие семьи шили сами или же плели лапти. Производство самодельной валяной и другой обуви в Уральском регионе получило особенное распространение в Башкирии, где, например, в 1946 году 97% всей приобретенной обуви составляла обувь валяная и «прочая», то есть самодельная.

Значительным в послевоенные годы был удельный вес товаров кустарного производства и в других регионах Урала. Так, в Оренбургской области в том же 1946 году приобретенная кустарная обувь составила 45% всей приобретенной. Удельный же вес приобретенных тканей кустарного производства составил в Свердловской и Оренбургской областях, а также Башкирии в 1947 году соот-

⁶² *Рувинская Л.М., Бородкин Ф.М.* Исследование структурных сдвигов в потреблении на основе анализа семейных бюджетов. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1988. С. 128.

⁶³ *Мерль Ст.* Указ. соч. С. 109.

**Потребление основных непродовольственных товаров
колхозниками Урала в послевоенные годы
(на одну наличную душу в год)**

Республика, области	Годы	Ткани, м	Обувь, пар	Чулки и носочки, пар	Спи- чки, кор.	Ке- ро- син, л	Мыло, кг	
							хозяй- ствен.	туалет- ное
Башкирия	1946	1,0	2,1	0,1	7,0	1,0	0,3	-
	1950	5,8	1,9	0,3	19,9	2,0	1,0	0,03
	1955	11,4	1,6	1,3	н/св	4,6	2,0	
	1960	10,7	1,6	1,5	н/св	6,8	3,1	
Оренбургская	1946	1,2	0,3	0,05	3,4	0,7	0,4	-
	1950	6,2	0,8	0,4	15,3	1,9	1,3	0,03
	1955	12,5	1,3	1,5	н/св	н/св		
	1960	13,6	1,9	2,3	н/св	н/св		
Свердловская	1946	2,1	0,7	0,2	6,6	0,6	0,5	0,01
	1950	7,5	1,1	0,7	19,9	1,1	1,3	0,05
	1955	15,3	1,9	2,2	3,4*	3,1	2,6*	0,2*
	1960	11,8	2,2	2,6	3,7**	2,0	3,1	0,9
Рациональные нормы		58,0	3,3	-	-	-	-	-

* Данные 1956 года. ** Данные 1959 года.

Источники: Синютин В.М. На пути к рациональному потреблению непродовольственных товаров. М., 1964. С. 45; Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979. С. 180–183; ГАСО. Ф. Р1813. Оп.1. Д.518. Л.11,12,20,21. Оп.14. Д.657. Л.13,25. Д.2743. Л.76. Д.3009. Д.65; РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54,56,139,141. Д.3714. Л. 16,65,66,168; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников (расчеты автора).

ветственно 55, 70 и 80%. В воспоминаниях сельских жителей о тех тяжелых послевоенных годах нередко можно прочесть, что «окончание войны не принесло заметного облегчения. Из одежды носить нечего. Мама...купила два холщовых мешка. Из них сшили четыре юбки. Выкрасили и носили»⁶⁴.

Правда, удельный вес некоторых видов кустарных товаров резко снизился после отмены карточной системы в декабре 1947 года. Например, сразу после этого события – в 1948 году – количество приобретаемых тканей кустарного производства в Свердловской, Оренбургской областях и Башкирии сократилось до 1%, 8% и 29% соответственно. Интересно, что при этом приобретение кустарной обуви даже в 1950 году составило в Оренбургской области 38%, а в Башкирии – 84%, то есть снизилось за четыре года незначительно⁶⁵. Это, конечно, объясняется, прежде всего, высокими розничными ценами на обувь.

При рассмотрении табл. 24 и прил. 28 обращает на себя внимание динамика приобретения тканей и обуви колхозниками Башкирии. Интересно, что больше всего там приобреталось тканей в 1954 году. Представляет известную загадку также потребление обуви, так как оно в исследуемый период постоянно снижалось. Объяснить динамику этих двух показателей можно, на наш взгляд, следующим образом. Приобретение тканей повсеместно на Урале стало снижаться после 1954 года (см. прил. 22, 28 и 34) по той причине, что за 1950-е годы в стране произошел резкий (почти в 3 раза) рост приобретения готовой одежды. Странную же динамику приобретения обуви можно, как нам представляется, объяснить только тем, что самодельная обувь изготавливалась буквально в каждой семье из-за невозможности ее приобретения ввиду низких денежных доходов. Наше предположение подтверждается и другими источниками⁶⁶.

Если же посмотреть динамику приобретения непродовольственных товаров колхозниками в целом по РСФСР, то мы увидим, что в 1946–1947 годах на одну наличную крестьянскую душу приобреталось 1,0–1,5 м тканей, в 1950 году – примерно 6,0 м и в

⁶⁴ Наука и жизнь. 2000. № 7. С. 79.

⁶⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54, 56. Д.2228. Л.65, 66. Д.2663. Л.65, 66. Д.3714. Л.65, 66.

⁶⁶ *Вербницкая О.М.* Указ. соч. С. 159, 161.

1960 году – 9,5 м. Приобретение обуви составляло в 1947 году 1,1 пары, а в конце 1950-х годов – примерно 1,7 пары⁶⁷. Судя по этим цифрам, уровень потребления непродовольственных товаров колхозниками исследуемых регионов следует оценить как немного более высокий, чем среднероссийский. Но если сравнивать уровень потребления данных товаров с так называемыми рациональными нормами потребления, то можно лишь констатировать, что он был совершенно недостаточным.

Впервые в нашей стране работой по установлению таких норм занялся Госплан СССР во второй половине 1950-х годов. В результате был создан примерный норматив гардероба одежды для различных групп населения страны. Так, годовая потребность в тканях, по расчетам советских ученых, составляла около 58 м (при стандартной ширине отреза 1,4 м). Причем 64% этого количества должны были быть хлопчатобумажными, 18% – шелковыми, 18% – шерстяными и льняными⁶⁸. Все это количество материи необходимо было для пошива не только одежды, но и белья, постельных принадлежностей, штор, занавесок и т.д. Рациональная годовая потребность в обуви составляла 3,3 пары (причем в это количество включались все виды новой обуви от домашних тапочек до сапог), в чулочно-носочных изделиях – 9,0 пар, в верхнем трикотаже – 1,65 единицы⁶⁹.

Только в конце пятидесятых годов наконец-то наметился перелом в потреблении колхозниками тканей за счет возрастания приобретения готовой одежды. Нелишне напомнить, что в это же время в США население до 80% тканей приобретало в виде готовых изделий. В нашей стране соотношение было обратным⁷⁰. И это вполне понятно, так как производство товаров широкого потребления в стране существенно отставало от аналогичного производства в США. Так, даже в 1960 году в СССР производилось от уровня США: хлопчатобумажных тканей – 48%, а кожаной обуви – 58%. В 1953 году эти цифры были еще значительно хуже и составляли соответственно 37 и 38%⁷¹. Представляет интерес сравнение приоб-

⁶⁷ Там же. С. 158–159.

⁶⁸ *Синютин В.М.* На пути к рациональному потреблению непродовольственных товаров. М., 1964. С. 72.

⁶⁹ Там же. С. 116.

⁷⁰ *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 160.

⁷¹ *Синютин В.М.* Указ. соч. С. 115.

ретения непродовольственных товаров колхозниками и рабочими городских промышленных предприятий и совхозов. Динамика приобретения этих товаров городскими рабочими представлена в табл. 26.

Таблица 26

**Приобретение непродовольственных товаров рабочими
промышленных предприятий Свердловска
(на одну наличную душу в год)**

Годы	Ткани, м	Обувь, пар	Чулки и носки, пар	Трико- таж- ные изде- лия, руб.	Керо- син, л	Мыло (кг):	
						хозяй- ствен- ное	туалет- ное
1947	6,3	0,7	н/св	н/св	0,6	2,2	0,1
1950	15,9	2,8	н/св	н/св	0,2	2,5	0,4
1955	15,0	3,0	5,3	84,9	4,3	4,3	0,3
1960	10,3	3,1	5,6	132,0	4,6	4,6	0,5

Источники: ГАСО. Ф.Р1813. Оп.14. Д.2. Л.1. Д.568. Л.792, 793, 795. Д.2332. Л.49. Д.3002. Л.57–58 (расчеты автора).

По данным, представленным в ней, видно, что приобретение рабочими тканей также было максимальным в 1955 году, а затем этот показатель стал снижаться, так как в продаже появилось достаточное количество готовой одежды. Что касается обуви, то ее рабочие городов приобретали значительно чаще колхозников, и в 1960 году у рабочих Свердловска обеспеченность ее была близка к рациональному нормативу. Больше потребляли рабочие городов и других непродовольственных товаров, причем в массе своей это были товары промышленного производства. Обращает на себя внимание резкое увеличение потребления керосина семьями рабочих. Это, как нам представляется, объясняется тем, что в

городах значительное количество людей, особенно переехавшие в новые дома (а в стране в это время разворачивалось крупномасштабное жилищное строительство), стали использовать керосин как топливо для бытовых нужд, например для приготовления пищи. Немного позже, уже в 1960-х годах, керосинки, примусы и керогазы уступили место газовым плитам.

Проводя сравнение с потреблением рабочих совхозов, надо отметить, что оно было довольно близко к потреблению городских рабочих. В 1960 году рабочие совхозов Свердловской области приобрели: тканей – 12,6 м, обуви – 3,2 пары, чулок и носков – 4,3 пары, керосина – 0,1 л, мыла хозяйственного – 4,6 кг, мыла туалетного – 0,1 кг на одну наличную душу⁷². Как нетрудно заметить, колхозники покупали меньшее количество промтоваров, чем рабочие совхозов, особенно таких, как обувь, чулки и носки. Исключение составлял, пожалуй, только керосин. Это объясняется тем, что совхозы, в отличие от колхозов, в большей степени были электрифицированы, а поэтому отпадала необходимость закупки керосина в больших количествах.

Электрифицироваться колхозы Урала стали практически только в послевоенное время, так как накануне войны лишь 3,1% колхозов Урала были электрифицированы. По исследуемым же регионам этот показатель выглядел таким образом: Свердловская область – 9,9%; Башкирия – 1,3% и Оренбургская область – 0,8% (см. прил. 2) Как видим, накануне Великой Отечественной войны уральские колхозники жили практически без электричества. Нетрудно представить, как это отражалось на бытовых условиях жизни сельского населения. Кроме того, это резко отрицательно сказывалось и на уровне его потребления, так как снижало экономический потенциал ЛПХ колхозников.

После войны положение стало довольно быстро меняться. Наиболее активно электрификация села осуществлялась, естественно, в самой промышленно развитой области – Свердловской. Надо отметить, что она была единственным регионом Урала, где электрификация села началась еще в годы войны, и уже в 1946 году количество электрифицированных колхозов составило 53% от их общего числа, в 1950 году – 87%, а в 1960-м – 89% (см. прил. 2). По этому показателю Свердловская область была впереди большинства областей, краев и республик РСФСР, где в 1953 году электричест-

⁷² ГАСО. Ф.1813.Оп.14.Д.3002. Л.15.

вом пользовались 20%, а в 1961-м – 61% колхозов⁷³. В 1950-х годах быстро электрифицировались и колхозы других областей Урала. В то же время нельзя не сказать, что полностью колхозы, например, Свердловской области, были электрифицированы только в 1965 году, правда, раньше, чем это произошло в целом по СССР.

Но, помимо этого, из-за слабой материальной базы, изношенности оборудования и низкой квалификации обслуживающего персонала часто случались перебои с подачей электроэнергии. Например, в 1953 году колхозы той же Свердловской области в среднем пользовались электричеством всего только 257 дней в году, то есть 70% времени⁷⁴. Так официальная советская статистика старательно приукрашивала действительность. Но, даже по ее данным, накануне полета Ю.А.Гагарина в космос каждый девятый колхоз Свердловской области не был электрифицирован. В других же местностях Урала положение было еще хуже: в Оренбургской области в 1959 году процент электрифицированных колхозов составлял 74%, а в Башкирии в 1960 году – всего лишь 62%. Надо отметить, что совхозы (как и МТС) электрифицировались быстрее, чем колхозы, так как имели лучшую материальную базу. В 1960 году электричество использовали 97% совхозов Свердловской области, 84% – Оренбургской области и 78% – Башкирии⁷⁵.

Таким образом, в течение всего исследуемого периода многие (а до середины 1950-х годов – большинство) из колхозников Урала не могли использовать электричество в повседневной жизни. В этом отношении в значительно лучшем положении находились рабочие совхозов, а особенно – городских предприятий, для которых электричество было привычной, облегчающей жизнь принадлежностью быта. Косвенным подтверждением того, что электрическая лампочка окончательно заменила керосиновую лампу в крестьянской избе только в конце 1950-х годов, служит динамика потребления керосина. Так, в Свердловской области этот показатель постоянно рос все послевоенные годы и стал снижаться с 1958 года (см. прил. 21), а в Башкирии – только с 1961 года⁷⁶.

⁷³ Арутюнян Ю.В. Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества. М., 1961. С. 21.

⁷⁴ ГАСО. Ф.1813. Оп.8. Д.140. Л.1.

⁷⁵ Мотревич В.П. Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1990. С. 35.

⁷⁶ Текущий архив Госкомстата РФ.

Не только статистические, но, в первую очередь, партийные и хозяйственные органы всех уровней всячески стремились зависеть показатели темпов электрификации села. Нередко после того, как колхоз объявлялся электрифицированным, в нем еще длительное время не работал ни один электродвигатель и не горела ни одна электролампочка. Поэтому статистика электрификации уральского села достаточно противоречива. Например, в Свердловской области целое десятилетие – с 1948-го по 1958 год – процент электрифицированных колхозов оставался практически неизменным. Это явилось, по нашему мнению, следствием двух взаимосвязанных причин. Во-первых, как действующие рассматривались все хотя бы время от времени работающие, пусть и с предельно ненадежным и изношенным оборудованием, электростанции. А во-вторых, в результате такого «учета» данные об электрификации колхозов в 1950 году получались сильно искаженными по сравнению с фактическими в сторону увеличения и поэтому их пришлось «выравнивать» целое последующее десятилетие (см. прил. 2).

Таким образом, далеко не всегда электрификация колхоза по документам означала, что в окнах домов колхозников загорался электрический свет, так как «электрифицированным» считалось хозяйство, где хоть как-то использовалось электричество. В связи с этим на январском (1961 года) Пленуме ЦК КПСС в критическом тоне было отмечено: «...принято считать колхоз электрифицированным, если там горит несколько электрических лампочек»⁷⁷. Присутствовала такая показуха и в Свердловской области, где, например, в 1953 году электрифицированными считались 596 колхозов из 713 (то есть 83,6%), которые насчитывали 101 206 хозяйств. Но из них использовали электричество лишь 69 600 хозяйств, то есть всего 68,8%. В целом же по всем колхозам области электричеством освещались лишь 60,2% хозяйств колхозников⁷⁸. Как видим, разница между последней цифрой и процентом электрифицированных колхозов составляет 23,4%. Несоответствие между данными, касающимися электрификации колхозных дворов, в различных источниках также отметила в своей работе Л.Н.Мазур⁷⁹.

⁷⁷ Сельская жизнь. 1961. 21 января.

⁷⁸ ГАСО. Ф.1813. Оп.8. Д.140. Л.1.

⁷⁹ Мазур Л.Н. Крестьянский двор на Среднем Урале в первой половине 60-х годов // Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994. С. 107.

Таким образом, ко всем материальным трудностям и лишениям послевоенных лет, которые испытывало крестьянство, добавлялись еще и трудности неустроенного быта, отсутствие элементарных с точки зрения цивилизованного общества удобств, облегчающих жизнь.

3.3. Денежные расходы колхозников и налоговая политика государства

Рассмотрение структуры и динамики денежных расходов является важным разделом изучения материального положения любой категории населения. В силу специфики положения колхозного крестьянства в бывшем Советском Союзе денежные расходы селян, изначально ограниченные небольшими доходами, не играли такой большой роли, как у городских жителей. В рассматриваемый нами период структура и динамика денежных расходов колхозников исследуемых регионов выглядели следующим образом (см. табл. 27, см. след. стр.).

Из таблицы хорошо видно, какой сильнейший удар нанесла по денежным доходам колхозников реформа 1947 года. Даже в 1950 году по всем видам денежных расходов еще наблюдалось значительное отставание от уровня 1946 года, который был превзойден только в 1953-м. Этот наш вывод согласуется с мнением известного историка Д.А.Волкогонова, отметившего, что «по некоторым сравнительным показателям... можно утверждать, что к началу пятидесятых годов уровень жизни, реальная заработная плата достигли лишь уровня 1940 года»⁸⁰.

Прежде всего надо отметить, что в течение всего исследуемого периода денежные расходы в абсолютном выражении были наибольшими у колхозников Свердловской области. Так, в 1946 году они расходовали денег на 15 с лишним процентов больше, чем колхозники Оренбуржья и Башкирии, денежные расходы которых в это время были примерно одинаковыми. Но интересно, что в дальнейшем расходы колхозников Свердловской области и Оренбуржья постепенно сравнивались (к 1960 году разница в расходах сельских жителей этих двух областей составляла всего около 7%), а вот

⁸⁰ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Барнаул, 1990. С. 326.

Таблица 27

**Структура и динамика денежных расходов колхозников
Урала (рублей на одну наличную душу в год)***

Республика, области	Год	Куплено:			Уплачено налогов, сборов, за облигации госзаимов	Прочие расходы, в т.ч. покупка непродов. товаров	Всего расходов
		скота, птицы, пчел	продуктов питания (кроме промышленных)	продовольственных промышленных товаров			
Башкирия	1946	143,9	392,2	438,5	96,5	107,4	1178,5
	1950	49,0	160,1	288,1	135,2	111,4	743,8
	1955	111,7	185,3	652,3	53,3	327,3	1329,9
	1960	106,4	215,4	1098,4	47,9	500,0	1968,1
Оренбургская	1946	95,8	350,5	460,1	94,4	174,7	1175,5
	1950	45,8	128,2	347,1	н/св	н/св	814,3
	1955	95,1	196,1	909,9	н/св	н/св	1712,0
	1960	123,5	261,3	1776,7	78,2	657,4	2826,7
Свердловская	1946	77,8	204,2	635,9	154,7	336,3	1408,9
	1950	52,7	98,2	439,6	186,9	240,4	1017,6
	1955	95,7	144,6	1216,6	182,1	355,8	1990,8
	1960	90,4	371,9	1629,5	91,7	854,5	3038,0

* В ценах до 1961 года.

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.20,21. Оп.14. Д.657. Л.13,25. Д.2743. Л.24. Д.3009. Л.65; РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54,56,139,141; Д.3714. Л.63,66,167,168; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников (расчеты автора).

расходы башкирских крестьян постоянно отставали. В результате к концу исследуемого периода это отставание составило более 50%. При этом единственным видом покупок, где башкирские колхозники на протяжении всего послевоенного периода не уступали селянам других регионов, были расходы на покупку скота, птицы и пчел. В целом же удельный вес последнего вида расходов, как это видно из табл. 26, в исследуемый период значительно снизился во всех регионах и в 1960 году находился в пределах 3–5% от суммы всех денежных расходов. Такая динамика данного показателя достаточно убедительно демонстрирует плоды государственной политики по отношению к крестьянскому подворью, в результате которой колхозники утрачивали интерес к разведению в ЛПХ какой бы то ни было живности.

Что же касается продуктов питания, то здесь интересно отметить, что на покупку продуктов сельского хозяйства, леса, охоты и рыболовства башкирские колхозники и в 1946, и в 1950 годах тратили денег больше, чем в других исследуемых регионах. Но после 1950 года темпы роста данных расходов в Свердловской и Оренбургской областях были значительно выше, и в результате в 1960 году колхозники Башкирии расходовали уже на упомянутые продукты денег меньше, чем колхозники этих областей. Вообще, рассматривая структуру денежных расходов колхозников, нельзя не заметить, что расходы на покупку продуктов питания среди них занимали наибольший удельный вес. Надо сказать, что в исследуемый период доля этих затрат была очень высока и в целом по Уралу не испытывала тенденции к снижению.

Так, с 1946-го по 1960 год она снизилась только в Башкирии с 70 до 67%, но в Оренбуржье и в Свердловской области было отмечено даже ее повышение, соответственно, с 69 до 72% и с 60 до 66%⁸¹. Такой высокий уровень расходов на питание следует, безусловно, считать очень высоким, тем более, что значительную часть своих потребностей в продовольствии колхозники удовлетворяли при помощи ЛПХ. Надо заметить, что по отношению к совокупному доходу данные затраты в 1960 году составили по Башкирии 57%, а по Оренбуржью – 49% при среднем значении этого показателя по стране, равном 56%. Выходя за временные пределы нашего исследования, следует заметить, что и в 1963-м году этот средний пока-

⁸¹ Текущий архив Госкомстата РФ.

⁸² *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 211.

затель был равен 55%⁸². Поэтому трудно согласиться с мнением Ст.Мерля, который утверждает, что расходы колхозников на дополнительную покупку продовольствия «были исключительно высокими... вплоть до 1960-х (?) годов»⁸³. К сожалению, как это ни категорично звучит, исключительно высокими они были всегда.

Налоговая политика советского государства на всех этапах его существования была направлена прежде всего на всемерное ущемление собственника, независимого хозяина, живущего своим трудом. При этом налоговая и репрессивная политика властей всегда шли рука об руку. Примеров тому история нашей страны дает немало: это и удушенная налогами НЭП, и разоренное продразверсткой и террором, а затем насильственной коллективизацией крестьянство, это и сломанные судьбы многих людей, пытавшихся вопреки системе построить производство на началах рыночной экономики. И если государство мирилось с наличием, например, такого «пережитка», как ЛПХ, то только потому, что при этом оно могло спокойно эксплуатировать огромную массу сельского населения, практически не оплачивая труд колхозников в общественном производстве.

Фактически крестьянство уплачивало налоги и в денежной, и в натуральной форме. Помимо обязательных поставок, крестьяне с 1939 года должны были уплачивать сельскохозяйственный налог, введенный с целью «ограничить увлечение подсобным хозяйством в ущерб общественному»⁸⁴. Данным налогом облагались в денежной форме доходы крестьянских хозяйств от всех видов деятельности (огородничества, садоводства, полеводства, сенокосения, разведения скота и птицы, пчеловодства и т.д.), а размеры его рассчитывались финансовыми органами и, как правило, были значительно выше реальных доходов. И хотя сельхозналог для колхозников получался ниже, чем для единоличников (которые платили еще и с доходов от продажи продукции ЛПХ), все это приводило к тому, что крестьяне снижали поголовье скота, зачастую вырубали плодоносящие деревья и кустарники. Во многом по этой причине приусадебные участки колхозников засаживались в основном картофелем.

Но этим платежи в пользу государства не ограничивались. Помимо обязательных поставок и сельхозналога каждый колхозный

⁸³ Мерль Ст. Указ. соч. С. 112.

⁸⁴ Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970. С. 271.

двор ежегодно выплачивал обязательные страховые платежи и стоимость облигаций государственных займов, а некоторые – и самообложение. Самообложению подлежали колхозники, которые не имели ЛПХ, но постоянно проживали в сельской местности. Ко всем перечисленным платежам в годы войны добавился военный налог, отмененный в 1946 году. Уже упомянутая нами М.В. Богатырева, говоря о налогах на колхозников, вспоминала, как ее односельчанин – бывший фронтовик – сумел, вопреки всем трудностям, вырастить из теленка корову, но «ее за долги по налогам прямо с поля увели»⁸⁵.

Остановимся сначала на динамике денежных расходов по уплате налогов, сборов и за облигации государственных займов. Вообще, конец 1940-х – начало 1950-х годов были для колхозников тяжелыми в смысле налогов и облигационных поборов. Например, в Свердловской области в 1949 году эти виды расходов составили, по нашим данным, 20,5% от общей суммы денежных расходов (см. прил. 18). Еще большими эти расходы были только во время Великой Отечественной войны (почти четверть всех денежных доходов). В дальнейшем кривая налоговых платежей неуклонно снижается, причем особенно резко налоги снизились в 1953 году, в соответствии с решениями уже упоминавшегося сентябрьского (того же года) пленума ЦК КПСС. Но только в следующем, 1954-м, году уровень налоговых платежей стал ниже, чем в 1946-м.

Если произвести расчет уплачиваемых налогов на одну колхозную семью и сравнить его с данными по всей РСФСР, то картина получится следующая (см. табл. 28). Как видно из таблицы, денежные налоги, уплачиваемые колхозниками в абсолютном выражении, за десятилетие с 1950-го по 1960 годы резко снизились как на Урале, так и в среднем по России. Но снижение это было неравнозначным. Так, если в среднем по РСФСР денежные налоги колхозников снизились в 1,8 раза, то в Свердловской области – примерно в 1,7 раз, в Оренбургской – в 1,6, а вот в Башкирии – в 2,4 раза, несмотря на то, что и в 1950 году денежное налогообложение башкирских колхозников и без того было самым низким в исследуемых регионах.

⁸⁵ Наука и жизнь. 2000. № 7. С. 79.

Таблица 28

Уплата налогов колхозниками Урала

Республика, области	Год	Уплачено налогов на одну семью , руб.
Башкирия	1950	437,4
	1960	180,0
Оренбургская	1950	447,3
	1960	274,5
Свердловская	1950	529,2
	1960	318,2
В среднем по РСФСР	1950*	628,0
	1960	350,1

*Данные 1952 года.

Источники: *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов – начало 60-х годов. М., 1992. С. 152; РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.3714. Л.65, 66, 167, 168; ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.3009. Л.65; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Следует также отметить, что уровень налогообложения в среднем по РСФСР был выше, чем на Урале. Сравнение уровней налогообложения городских рабочих и колхозников показывает, что жители села до середины 1950-х годов уплачивали большую, чем рабочие, часть своих денежных расходов, в виде налогов. Конечно, в абсолютном выражении рабочие платили налогов больше, так как имели несравненно более высокие денежные доходы (см. табл. 29).

При рассмотрении этой таблицы нельзя не обратить внимание на характерную динамику приведенных в ней показателей. Так, удельный вес налогов в общей сумме денежных расходов рабочих

в течение исследуемого периода практически не менялся, в то время как у колхозников он за десять лет после 1950 года снизился почти в пять раз.

Таблица 29

**Уплата налогов в денежной форме колхозниками
и рабочими Свердловской области**

Годы	Уплачено налогов в денежной форме (на одну наличную душу в год)			
	Рабочие		Колхозники	
	в рублях	в % от суммы расходов	в рублях	в % от суммы расходов
1946	517,1*	7,1	108,8	7,7
1950	431,2	8,5	153,8	15,1
1955	460,0	7,4	117,9	5,9
1960	530,3	7,0	92,0	3,3

*Данные 1947 года

Источники: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 518. Л. 20, 21. Оп. 14. Д. 2. Л. 199. Д. 568. Л. 792, 794, 796. Д. 657. Л. 13, 25. Д. 2332. Л. 51. Д. 2743. Л. 24. Д. 3002. Л. 58. Д. 3009. Л. 65 (расчеты автора).

Не вызывают сомнения, на наш взгляд, причины первоначального резкого увеличения данного показателя: ими явились уже упомянутые нами денежная реформа 1947 года и послевоенные снижения государственных розничных цен на продукты питания, приведшие к значительному снижению денежных доходов колхозников. В то же время, как видно из таблицы, структура денежных расходов рабочих осталась почти неизменной, так как основную часть их денежных доходов составляла стабильная заработная плата, а не поступления от продажи продукции ЛПХ, как это было у колхозников. Наконец, нельзя не отметить облегчения налогового бремени сельского населения к началу 1960-х годов. В это время

колхозники платили налогов значительно меньше не только городских рабочих, но и меньше рабочих совхозов. Так, например, в Свердловской области у совхозных рабочих на уплату налогов уходило в 1960 году 4,7% всех денежных расходов. Видимо, такое льготное налогообложение рассматривалось властями как компенсация за отсутствие у крестьян пенсий по старости, отсутствие зачастую самых элементарных бытовых удобств и общий, более низкий, нежели у городского населения, уровень жизни.

Говоря о налоговой политике государства по отношению к крестьянству, невозможно обойти тему обязательных поставок, которые взимались с крестьянских хозяйств. Система обязательных поставок возникла еще в 1933 году, когда постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января того же года «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами» была отменена контрактационная система заготовок зерна и установлены имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче зерна государству по установленным государственным ценам. Первоначально предполагалось такие поставки требовать только по зерну и только с полевой земли, но уже с 1934 года их обязательность была распространена и на приусадебные участки, а также на картофель, подсолнечник, мясо, молоко, яйца, шерсть и другие виды продукции ЛПХ. Эта система поставок, фактически выполнявшая функции натурального налога, просуществовала около четверти века и была отменена только постановлением Совмина СССР в 1957 году. Колхозники обязаны были сдавать зерновые и картофель с площади сева, установленной государственными планами для личных хозяйств; яйца и животноводческую продукцию (мясо, молоко, шерсть, кожевенное сырье, овчину, козлины) по установленным государством зональным нормам. При этом мясо и молоко сдавалось независимо от наличия в ЛПХ скота, а шерсть, овчину и козлины — с каждой головы козы и овцы. Разрешалось заменять поставки одних продуктов другими или уплачивать их стоимость по государственным розничным ценам. От поставок освобождались: районное руководство, сельская интеллигенция, нетрудоспособные в преклонном возрасте, государственные пенсионеры, инвалиды и семьи воинов Красной армии, имеющие малолетних детей.

В исследуемый нами период, сразу же после окончания войны, были повышены налоги и обязательные поставки: с 1946 по 1953 год они выросли в 1,5–2 раза. Обязательные поставки мяса увеличились на 11%, шерсти – на 38–64%. Если за 1941–1945 годы одна колхозная семья Оренбургской области сдавала в среднем за год 17,2 л молока, то за 1946–1950 годы – 42,5 л. По Свердловской области эти цифры равнялись соответственно 97,9 и 139,8, а по Башкирии – 36,9 и 87,7 л. Такие обязательные поставки были актом вопиющего произвола по отношению к крестьянам еще и потому, что их заставляли сдавать продукты по ценам, в десятки раз ниже государственных розничных. Например, башкирский колхозник сдавал 1 кг говядины по 34 коп. при розничной цене 13 руб. 20 коп., 1 кг масла по 1,3 руб. и 1 л молока по 45 коп. при розничных ценах соответственно 18 и 25 руб.⁸⁶ Но, даже выполнив обязательные поставки, он не мог сдавать остальную продукцию по приемлемым ценам, так как закупочные цены были различными для общественного и личного секторов: продукцию колхозов закупочные организации принимали дороже в 2–3 раза. Все эти меры и вызвали в первые послевоенные годы снижение численности скота в ЛПХ.

Рост же численности КРС в хозяйствах колхозников после 1953 года вполне объясняется тем, что были снижены налоги, сняты некоторые ограничения и уменьшены обязательные поставки сельскохозяйственной продукции. Так, был принят Закон о сельскохозяйственном налоге, который устанавливал его не с доходности, а с 0,01 га (с «сотки») и был дифференцирован по районам страны в пределах от 3 до 22 руб. Хозяйствам же, не имеющим коров, налог снижался на 50%, увеличивались льготы семьям военнослужащих, инвалидам войны, престарелым. Всего налоги с ЛПХ уменьшились в 3–5 раз⁸⁷. Но, к несчастью для сельского хозяйства страны и экономики в целом, в конце 1950-х годов наметившиеся позитивные изменения в сельской жизни были сведены на нет ужесточившейся политикой государства по отношению к ЛПХ колхозников.

⁸⁶ Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 93.

⁸⁷ Там же. Указ. соч. С. 103–104.

Глава четвертая

Командно- административная экономика и российское село: социально- демографический аспект

**4.1. Затратная экономика
и разрушение российского села**

4.2. Неутешительные итоги

4.1. Затратная экономика и разрушение российского села

Видимо, вряд ли кто будет отрицать прямую связь между условиями жизни человека и, как говорят демографы, его средней ожидаемой продолжительностью жизни. И наверняка читателю известно, что по этому показателю Россия в настоящее время значительно отстает от развитых стран. Напомним всем известные цифры: среднестатистический россиянин живет 59,8 года, а россиянка – 72,2 года¹. Напомним также, что для Японии соответствующие цифры составляют 77,0 и 84,0 года. Поэтому, хотя усредненный бесполой россиянин живет приблизительно 66 лет, это уже не производит впечатления, так как по продолжительности жизни женщин наша страна находится на сотом месте, а по аналогичному показателю у мужчин – на сто тридцать четвертом²(!).

Каким был этот показатель в бывшем СССР, теперь уже трудно сказать: слишком велико наше недоверие к официальной советской статистике и ко всему, с ней связанному. Не секрет также, что вопросы, касающиеся народонаселения, советская статистика не жаловала своим вниманием. Как правило, в официальных документах фигурировали цифры, характеризующие лишь стремительный рост численности городского населения, и прежде всего, пролетариата. Согласно господствовавшей идеологии крестьянству не оставляли места в грядущем бесклассовом обществе. Это хорошо видно, например, по партийным документам КПСС. Так, в речи И.В.Сталина на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году отмечался как факт «рост населения Советского Союза со 160,5 миллиона человек в конце 1930 года до 168 миллионов в конце 1933 года... Рост численности рабочих и служащих с 14 миллионов 530 тысяч в 1930 году до 21 миллиона 883 тысяч в 1933 году, причем количество лиц физического труда поднялось за этот период от 9 миллионов 489 тысяч до 13 миллионов 797 тысяч человек, количество рабочих крупной промышленности, в том числе рабочих транспорта, поднялось от 5 миллионов 79 тысяч до 6 миллионов 882 тысяч

¹ Аргументы и факты. 2001. № 1; Областная газета, 2000. 29 августа.

² Российская газета. 2001. 5 января.

человек, количество сельскохозяйственных рабочих – от 1 миллиона 436 тысяч до 2 миллионов 519 тысяч человек, а количество рабочих и служащих в торговле – от 814 тысяч до 1 миллиона 407 тысяч человек». Оставим на черной совести товарища И.В.Сталина все эти цифры (многие из них, особенно численность населения страны, вызывают откровенное недоверие), но обратим внимание, что в приведенной цитате не нашлось места крестьянам, даже колхозникам (как и интеллигенции, кстати). Далее в выступлении первого лица партии перечисляются грандиозные (как всегда!) достижения в вопросах повышения заработной платы и роста фондов социального страхования рабочих и служащих, улучшения условий их труда и т.д. О крестьянстве же говорится только как о получателе государственной помощи в виде денежных, семенных и продовольственных ссуд, а также налоговых льгот (!). И, кроме того, отмечается «признак роста культурности в деревне – рост активности женщин-колхозниц в области общественно-организаторской работы»³.

В том, что сталинский режим тщательно избегал объективных исследований и публикаций в области народонаселения, мы убедились на собственном опыте. Когда автор, работая над настоящей монографией, обратился к первому изданию Большой Советской Энциклопедии, надеясь найти там интересующие его сведения по сельскому населению страны, он с удивлением обнаружил, что в ней на букву «Н» вообще нет статей под названиями «Население» и «Народонаселение». И только в завершающем это издание томе, появившемся на свет в 1947 году и посвященном целиком Советскому Союзу, он нашел соответствующую статью⁴. При этом в статье ни слова не говорилось о переписи населения 1937 года, а приводились данные только по переписи 1939-го. Как известно, результаты первой из упомянутых переписей не устроили сталинское руководство тем, что по ним слишком явно были видны огромные людские потери, которые понесла страна в 1930-х годах. Поэтому ее результаты были аннулированы, а организаторы подвергнуты репрессиям⁵.

³ *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1952. Т.13. С. 336–339.

⁴ БСЭ. Том «СССР». М., 1947. С. 50.

⁵ Вестник статистики. 1990. № 6. С. 66.

Но нас интересует другой аспект вышеупомянутой связи между качеством жизни и ее продолжительностью, а именно: как отразились материальные условия жизни на численности сельского населения вообще и колхозного в частности? Общеизвестно, что отток населения из села не прекращался все годы коммунистического режима и главной причиной этого были прежде всего значительно худшие по сравнению с городскими условия жизни. Нельзя, однако, не признать, что были и другие причины, и что вообще не большевики-ленинцы инициировали процесс урбанизации. Другое дело, что они довели его до абсурда, заставив огромные массы сельского населения буквально в панике бежать в города, обеспечивая уродливо разрастающуюся промышленность (прежде всего – ее военно-промышленный комплекс) дешевой рабочей силой. Если верить тому же первому изданию БСЭ (а это, на наш взгляд, тот редкий случай, когда ему все-таки можно верить), то городское население СССР с 1926-го по 1939 год (менее чем за полтора десятка лет) выросло с 26,3 до 55,9 млн. человек, то есть на 29,6 млн. человек, или на 112,5%. Для сравнения: в США с 1900-го по 1930 год оно выросло с 30,4 до 69,0 млн. человек (на 127%), в Великобритании с 1871-го по 1931 год – с 14,0 до 32,0 млн. человек (на 128%) и во Франции с 1866-го по 1931 год – с 11,6 до 21,4 млн. человек (на 84%)⁶. Что и говорить, темпы роста городского населения в СССР были просто впечатляющими! Но что за ними стояло?

В.П. Попов в своей, уже упомянутой нами, монографии поставил очень интересный вопрос: когда же стало сокращаться сельское население России? Правда, от аргументированного ответа на этот вопрос сам автор уклонился, ограничившись лишь ссылкой на официальный документ, согласно которому численность сельского населения СССР за 1950 год уменьшилась на 450 тыс. человек, а по Российской Федерации в относительных цифрах – на 1%⁷. Видимо, надо понимать это как недвусмысленный намек автора на то, что процесс обезлюдения деревни начался именно в рассматриваемый нами послевоенный период. Но если это намек, то надо признать, что он основан только на одном упомянутом факте, а это нельзя назвать научным подходом к данной проблеме.

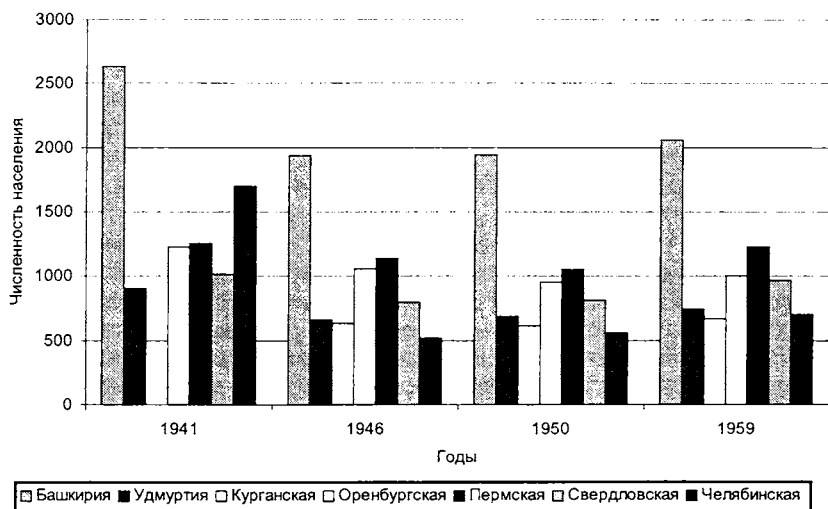
⁶ БСЭ. Том «СССР». М., 1947. С. 63.

⁷ Попов В.П. Крестьянство и государство. Париж. 1992. С. 111.

Если же обратиться к цифрам, характеризующим динамику численности сельского населения Урала (прил. 2), то нетрудно заметить, что она была непростой. Можно, по крайней мере, утверждать, что результирующая этой численности в изучаемый нами период (1946–1960 гг.) имела тенденцию к увеличению во всех областях и республиках Урала (за исключением Оренбуржья, где к 1959 году численность сельского населения снизилась по сравнению с 1946-м на 5,0%)). В то же время во всех остальных территориях она, как это нетрудно подсчитать, увеличилась: в Курганской области – на 5,4%, в Пермской – на 7,9%, в Удмуртии – на 12,4%, в Свердловской – на 21,4%, а в Челябинской – даже на 35,8% и превысила довоенный уровень (см. диагр. 7). (Пусть читателя не смущает резкое снижение численности сельского населения в Челябинской области за годы войны: в 1941 году Курганская область еще не выделилась из нее).

Диаграмма 7

Динамика численности сельского населения Урала в 1940 – 1950-х годах

Таким образом, на графике хорошо видно, что в промежутке между 1950 и 1960 годами на всех без исключения территориях Урала происходило только лишь **увеличение** численности сельского населения. Снижаться она стала позже, уже в 1960-х годах (за исключением Челябинской области). При этом нельзя не заметить, что именно в этой области динамика численности сельского населения вообще трудно поддается какому бы то ни было объяснению: в 1996 году она составила там примерно ту же цифру, что и в 1939-м! Чтобы разгадать этот феномен, необходимо провести тщательный анализ статистики движения населения. Пока же рискнем предположить, что в основе столь необычной динамики лежат три фактора:

- во-первых, благоприятные природно-климатические условия;
- во-вторых, сложившийся достаточно устойчивый уровень сельского хозяйства;
- в-третьих, миграция населения из соседних территорий, прежде всего – из Башкирии.

Если бы выйти за пределы Уральского региона и оценить ситуацию по тогдашней РСФСР в целом, то мы увидим, что численность ее сельского населения постепенно снижалась в течение всех послевоенных лет (см. прил. 1). Причем особенно интенсивно, можно сказать – лавинообразно, этот процесс происходил в «застойные» 1970-е годы.

Нам представляется несомненным, что в основе такой динамики численности сельского населения в послевоенные годы лежали прежде всего два фактора. Во-первых, это выдача крестьянам паспортов граждан СССР, положившая начало массовой миграции людей из села в город. Хотя, если разобраться в сути вопроса, эта миграция явилась следствием еще более мощного, второго, фактора, а именно разительной разницы в условиях жизни города и деревни. До 1956 года отсутствие паспортов у жителей села являлось той плотиной, которая сдерживала поток желающих жить «как городские». После же отмены этого крепостнического запрещения уход крестьянства в города стал лишь вопросом времени. Иначе просто и быть не могло: ведь, несмотря на многочисленные заявления коммунистических правителей о «сближении уровня жизни сельского и городского населения в ближайшем будущем», ничего подобного не происходило. Поэтому состояние российской деревни и в наши дни, в начале нового века, является свидетельством преступной политики советского государства по отношению к крестьянству.

Да, город победил село, но цена этой победы страшна и далеко не выплачена. Еще Ф.Энгельс, рассуждая о «победах» человека над природой утверждал, что за каждую такую победу она (природа) нам мстит. Так и побежденное коммунистами село мстит и будет мстить обществу-«победителю» тем, что уже, наверное, никогда Российское государство не будет располагать в избытке физически здоровыми людьми. Даже при очень разумной политике понадобятся долгие годы для повышения производительности сельского хозяйства. И, наконец, неизвестно когда произойдет (и произойдет ли вообще) возрождение нравственных устоев российского народа.

Но попробуем все-таки ответить на вопрос, поставленный В.П.Поповым. При этом ход наших рассуждений можно представить следующим образом. Если взять данные о численности сельского населения Российской империи в последние 20 лет ее существования (см. прил. 1), то мы увидим, что она возросла с 57,6 млн. человек в 1897 году до 74,2 млн. в 1914-м. В то же время по переписи 1926 года эта цифра составляла 76,3 млн. человек, то есть все-таки больше, чем до Первой мировой войны, несмотря на огромную убыль населения в этой и последующей гражданской войнах. Но уже по переписи 1937 года она снизилась до 69,6 млн. человек⁸. И, хотя до Великой Отечественной войны численность сельского населения увеличилась еще примерно на 2,6 млн. человек⁹ (что вызывает определенные сомнения из-за отношения к переписи населения 1939 года: они, судя по всему, были завышены), она так и не сравнялась с той, что была в России в конце 1920-х годов. Получается, что за одиннадцать лет (с 1926-го по 1937-й) численность населения российской деревни уменьшилась на 6,7 млн. человек.

И это только чистая убыль данной категории населения, тогда как в действительности численность погибших от голода, лишений и репрессий в ходе коллективизации, покинувших деревню и ушедших в город должна была быть значительно большей, чтобы перекрыть превышение рождаемости над естественной смертностью и дать такой огромный прирост численности городского населения. Между тем, если исходить из того, что естественный прирост населения в довоенные годы составлял 1,32%¹⁰, то численность

⁸ Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 37.

⁹ Там же.

¹⁰ *Соколов Б.В.* Цена Победы. М., 1991. С. 14.

сельского населения России должна была составить в 1937 году 87,3 млн. человек, то есть должна была быть больше, чем в 1926 году, на 11,0 млн. человек. А так как в действительности, как мы отметили выше, в 1937 году она составила 69,6 млн. человек, то разница между, как говорят экономисты, «планом» и «фактом» составит 17,7 млн. человек. Это и будут потери сельского населения России помимо естественной смертности. Еще раз оговоримся, что речь идет только о потерях за счет повышенной смертности – прежде всего от голода и ушедших в город. Сюда – и это очень важный момент – не входят крестьяне, высланные в другие районы страны, так как они, конечно, фигурировали в переписи по-прежнему как сельские жители.

Далее можно, на наш взгляд, рассчитать численность погибших от голода, лишений, болезней (в рамках превышения естественной смертности) и уничтоженных в ходе репрессий. Для этого надо взять прирост численности городского населения за данный период и отнять ту его часть, которая образовалась за счет естественного прироста. Это достаточно спорный момент, так как удельный вес городского населения России в промежутке с 1926-го по 1937 год изменился с 17,8 до 33,0% (см. прил. 1). Соответственно этому менялся и ежегодный прирост. Если мы возьмем среднее арифметическое этих значений – 25,4%, то получим, что в России естественный прирост городского населения за одиннадцать лет составил примерно 4,5 млн. человек. А так как по России увеличение городского населения за тот же период составило 17,9 млн. человек (см. прил. 1), то, следовательно, приток сельских жителей в город за указанный период составил разницу этих цифр, то есть 13,4 млн. человек. И, наконец, отняв последнюю цифру суммы потерь, превысивших уровень естественной смертности (17,7 млн. человек), мы получим искомую **численность погибших в России крестьян за эти страшные одиннадцать лет от голода, лишений и в ходе репрессий – 4,3 млн. человек.**

Продемонстрированную нами выше методику, естественно, можно применить и для всего СССР в целом. При этом будем исходить из того, что численность его городского и сельского населения по переписям 1926 и 1937 годов составляла, соответственно, 26,3 и 120,7 млн.¹¹ и 53,1 и 108,9 млн. человек. Последние две цифры

¹¹ БСЭ. Том «СССР». М., 1947. С. 62.

можно рассчитать, зная удельный вес городского населения, который составлял 32,8%¹² в 1939 году и, как мы полагаем, – примерно ту же цифру и в 1937 году. Так как в 1926 году он был равен 17,9%¹³, то, как и при расчетах по сельскому населению России, будем использовать среднее арифметическое этих значений – 25,4%. Естественный прирост населения в довоенные годы оставим тем же – 1,32% в год.

Рассуждая аналогичным образом, получим, что при обычном уровне смертности сельское население СССР в 1937 году должно было увеличиться на 17,4 млн. человек и составить 138,1 млн. человек, а фактически составило 108,9 млн. человек. Разница между этими цифрами – 29,2 млн. человек – составляет потери сельского населения помимо естественной смертности. Прирост же городского населения за указанный период составил, как это видно из вышеприведенных цифр, 26,8 млн. человек, при том что естественный его прирост должен был составить 6,8 млн. человек. Следовательно, приток сельских жителей в города СССР составил за тот же период 20,0 млн. человек. Отняв эту цифру от численности потерь, превышающих естественную смертность, получим **численность погибших в Советском Союзе крестьян от голода, лишений и в ходе репрессий – 9,2 млн. человек.**

Теперь можно подвести итоги, сведя все имеющиеся и полученные данные в табл. 30. Приведенные в ней невероятные цифры потерь российской и советской деревни в те, уже далекие от нас, годы лишний раз доказывают неопровержимый факт: то, чего не смогли сделать мировая и гражданская войны вместе взятые, сделали сталинские коллективизация и индустриализация. По нашим расчетам получается, что за указанный период времени численность сельского населения СССР уменьшилась на одну десятую часть, то есть в эти годы она сокращалась невиданными темпами: почти на миллион человек в год! Аналогичный показатель по России также впечатляет: около 600 тысяч человек. И это при том, что рождаемость в те годы была значительно выше ее нынешнего уровня.

¹² Там же.

¹³ Там же.

**Исходные и полученные данные к расчету численности
потерь сельского населения СССР и России
в 1926–1937 гг. (млн. чел.)**

	Численность населения в 1926 году:		Численность населения в 1937 году:		Возможная численность населения в 1937 году	Общие потери, превысившие естественную смертность	При-ток сельского населения в города	Численность погибших помимо естественной смертности
	Городское	Сельское	Городское	Сельское				
СССР	26,3	120,7	53,1	108,9	138,1	29,2	20,0	9,2
Россия	16,4	76,3	34,3	69,6	87,3	17,7	13,4	4,3

Источники: БСЭ. Том «СССР». М., 1947. С.62; Российский статистический ежегодник. М., 1996. С.37; *Соколов Б.В.* Цена Победы. М., 1991. С. 14 (расчеты автора).

Вот он, кошмар коллективизации и индустриализации в бесстрастном цифровом изложении. По мощи своего воздействия и сокрушительным последствиям для генофонда страны эти два «мероприятия» вкупе с политическими репрессиями вполне можно сравнить с последствиями разразившейся позже Великой Отечественной войны.

При внимательном рассмотрении данной таблицы, естественно, возникают вопросы. Например, чем объясняется тот факт, что сельское население России, составлявшее примерно 2/3 крестьянства СССР, дало менее половины его потерь? На наш взгляд, этот факт косвенно только подтверждает правильность приведенных выше расчетов, так как значительная часть из этих девяти миллионов погибших – это жертвы ужасного голода 1932–1933 годов,

который в наибольшей степени поразил Украину. При этом число погибших там, по некоторым данным, составило не менее 4,5 млн. человек (такую цифру называет, например, Б.В.Соколов, ссылаясь при этом на результаты работы специальной международной комиссии по расследованию голода тех лет на Украине. Кроме того, он же приводит цифру погибших от голода в Казахстане – 1,7 млн. человек¹⁴). Поэтому и потери российского крестьянства оказались меньшими, чем это можно было ожидать. Впрочем, понятия «меньше» и «больше» приобретают особое звучание, когда речь идет о гибели миллионов людей...

Другой и, наверное, самый главный вопрос – это вопрос о достоверности данных, использованных нами при расчетах, и допущенных при этом погрешностях. Понятно, что, когда идет речь о таких масштабных событиях в истории нашей страны, то произвести расчеты с высокой степенью точности не представляется возможным. Поэтому естественно, что приведенные выше расчеты содержат определенные погрешности, особенно там, где мы использовали усредненные данные за ряд лет. Но, как нам представляется, в целом эти расчеты достаточно объективно отражают ситуацию с народонаселением страны (прежде всего – крестьянским) в указанный период. Следует также отметить, что наши расчеты в общем совпадают с данными Б.В.Соколова, который оценивает суммарные потери крестьянства СССР в ходе коллективизации примерно в 8 млн. человек плюс – минус два миллиона¹⁵.

Таким образом, на вопрос, поставленный В.П.Поповым, мы ответили бы так: **русская деревня (как и советская деревня вообще) стала вымирать именно в 1930-х годах**, когда она была принесена в жертву ради продления существования тоталитарного режима. О том, что катастрофическая, невосполнимая убыль сельского населения произошла именно тогда, а не позднее (как предположил В.П.Попов), говорят все приведенные нами выше цифры. Данный пример служит, на наш взгляд, убедительной иллюстрацией того, как опасно делать скоропалительные выводы на основе пусть и достоверных, впечатляющих, но отрывочных данных.

¹⁴ *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне: Сборник статей. СПб., 1998. С. 307.

¹⁵ Там же.

На основании изложенных выше расчетов и рассуждений можно, на наш взгляд, уверенно сделать вывод, что **в конце 1920-х и в 1930-х годах в нашей деревне произошла непоравимая демографическая катастрофа**. Причем необходимо подчеркнуть, что катастрофа эта была, как говорят, техногенного свойства, то есть явилась следствием сознательной деятельности людей. В данном случае имела место сознательная политика советского государства, направленная на ликвидацию крестьянина – хозяина своей земли и орудий труда, крестьянина – производителя, а следовательно, крестьянина – независимого гражданина своей страны. Методы реализации этой политики были абсолютно уголовными и среди них на первом месте стоял террор. Загнанное в угол бесправием, изможденное голодом, обкрадываемое налогами российское крестьянство бросилось в города... Государство же своей политикой фактически вынуждало крестьян становиться городскими жителями. В свете этого многое объясняет высказывание И.В.Сталина, сделанное им в июле 1934 года на совещании по вопросу о коллективизации: «У нас страна колхозная. Если колхознику дать вполне достаточную обеспеченность, то он никуда на завод не пойдет...»¹⁶ Подводя итоги такой аграрной «политики» советского государства, известный политический деятель А.Н.Яковлев писал: «Деревня порушена. Если раньше было аграрное перенаселение, то сейчас – урбанистское»¹⁷.

Конечно, было бы неверным утверждать, что репрессии, лишения и голод коснулись только сельского населения. Все эти «преlestи» тоталитарного коммунистического режима испытали на себе и горожане. Кстати, необходимо упомянуть, что имел место и обратный поток – из города в сельскую местность. Это, прежде всего, осужденные к высылке, то есть люди, которым было запрещено проживание в Москве и крупных промышленных центрах. Счет им шел на сотни тысяч, и это еще более усугубляет общую картину, увеличивая количество «коренных» жителей села, покинувших его в эти годы. Но все-таки жители городов находились в более выгодном положении: в городах было все-таки какое-то организованное снабжение продовольствием и промтоварами, условия

¹⁶ Кулешов С.В. и др. Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 276.

¹⁷ Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль. 1994. С. 283.

жизни, труда и отдыха были более комфортными по сравнению с деревней. Так, если колхозники практически не получали денег за работу в колхозе, то средняя заработная плата промышленного рабочего в 1933 году составляла 125 рублей¹⁸. А самое главное – режим не эксплуатировал рабочих и служащих так бессовестно и цинично, как крестьян, которые после введения в 1932 году паспортной системы стали фактически государственными крепостными. В сравнении с ними жители городов были «полукрепостными», так как невозможно быть свободным в стране, попирающей все человеческие права и свободы, принятые в цивилизованном обществе. Но все-таки труд городских жителей был нормирован и они имели паспорта.

При этом нельзя сказать, что Сталин и его приспешники не представляли себе истинных масштабов творимых ими злодеяний. Для того чтобы доказать это, можно сослаться на воспоминания У.Черчилля, которому в 1942 году «вождь народов» в доверительной беседе сообщил, что при проведении коллективизации были подвергнуты репрессиям 10 миллионов крестьян: «Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или **еще дальше на север** (выделено нами. – В.М.), но основная часть их была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками». Даже У.Черчилль, известный своим цинизмом (после войны он предательски выдал на расправу сталинским палачам многих из тех граждан нашей страны, которые пытались укрыться на Западе), был потрясен этими словами. «Я... помню, какое сильное впечатление на меня...произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются» – так завершает он описание этой сцены¹⁹. Здесь уместно напомнить, что все, лично знавшие Сталина, отмечали его способность запоминать и при необходимости приводить наизусть множество самых разных фактов и цифр из области истории, экономики и политики. Поэтому, как нам думается, цифра в десять миллионов человек была названа им не случайно: палач всех времен и народов знал хотя бы приблизительно число своих жертв. И эта цифра, как мы показали выше, подтверждается расчетами.

¹⁸ Кулешов С.В. и др. Указ. соч. Т. 2. С. 278.

¹⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов н/Д., 1997. С. 314.

Можно сослаться также и на А.Н.Яковлева, который оценивает общее количество репрессированных в 1930-х годах (и горожан, и крестьян) цифрой «более 10 миллионов человек»²⁰. Да, это были именно миллионы людей. Миллионы, переселенные порой в совершенно необжитые районы и погибшие там от жестоких лишений. И миллионы других, бежавших в города в надежде спастись от репрессий и голодной смерти. Когда начинаешь рассуждать об этом, то на память приходят строки французского писателя Андре Жида: «А высланные тысячами... Эти жертвы – я их вижу, слышу, чувствую вокруг себя. Это их подавленные крики разбудили меня сегодня ночью, их молчание диктует мне эти строки»²¹. Таким образом, чудовищный людоедский эксперимент над собственным народом, каковым стала коллективизация крестьянства, явился прологом к вымиранию российской деревни. Доколлективизационные, 1920-е, годы так навсегда и остались годами наивысшей численности крестьянства в нашей стране.

В то же время общая численность населения России за эти же годы увеличилась на 11,2 млн. (с 92,7 до 103,9), а Советского Союза – на 15,0 млн. человек (со 147,0 до 162,0). Но данный прирост общей численности населения страны не мог удовлетворить сталинское руководство, так как ему надо было показать своему народу и всему миру прирост населения хотя бы не меньший, чем был в царской России. Тем более, что, как мы упомянули выше, Сталин на XVII съезде ВКП(б) публично объявил о численности населения страны на конец 1933 года: якобы она уже тогда составляла 168 млн. человек (конечно, это была очередная бессовестная ложь). Известный писатель А.Н.Рыбаков в своем романе устами одного из действующих лиц – видного статистика страны – утверждает, что перепись населения 1937 года должна была «дать цифру населения порядка 170 миллионов человек»²². При этом, по версии писателя, сам этот статистик исходил из того, что во второй половине 1920-х годов рост населения составлял три миллиона человек в год. Следовательно, через десять лет – в 1937 году – население

²⁰ Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 166.

²¹ Жид А. Возвращение из СССР. В сборнике: Два взгляда из-за рубежа: Переводы. М., 1990. С. 137.

²² Рыбаков А.Н. Страх (Тридцать пятый и другие годы): Роман: В 2 кн. 1991. Кн. 1. С. 132.

СССР должно было составить 177 млн. человек. Сталин же, по его мнению, намеренно «назначил» цифру 170 млн., желая тем самым скрыть резкое снижение численности населения страны.

Что тут сказать? Версия красивая, интересная и, безусловно, заслуживающая внимания. Но, на наш взгляд, она объясняет не все. И самое главное – почему Сталину понадобились **именно 170 млн?** То, что правительство страны (и прежде всего сам Сталин) хотело скрыть гигантские потери народонаселения, не подлежит сомнению. В то же время при более близком рассмотрении нетрудно убедиться, что и цифра 170 млн. не является в этом смысле удачной: ведь Сталин уже заявил о численности населения в 168 млн. человек на конец 1933 года! Столь малый прирост населения к 1937 году (всего 2 млн. человек за 3 года) все равно пришлось бы как-то объяснять. Не лучше ли было бы обнародовать истинное положение вещей, то есть реальную численность населения? Ведь не побоялся же Сталин (правда, задним числом) на том же XVII съезде ВКП(б) признать, что сельское хозяйство страны с 1929-го по 1933 год потеряло 152 млн. голов скота, то есть более половины всей численности (!), что животноводство находится в катастрофическом состоянии. Естественно, главной причиной этого были названы «насыщенность животноводческих отраслей сельского хозяйства крупнокулацкими (?) элементами» и «усиленная кулацкая агитация за убой скота, имевшая благоприятную почву (?)»²³. О масштабах разрушения животноводства можно судить по такому сравнению: только за зиму 1929–1930 годов поголовье скота сократилось сильнее, чем за все годы Гражданской войны²⁴. Впрочем, сталинское руководство за время существования своего людоедского режима не слишком-то утруждалось аргументацией своих действий, а уж в недоброй памяти 1937 году оно могло себе позволить практически любую, в том числе самую подлую, демагогию.

Поэтому нам представляется возможным предложить свою версию. Она состоит в том, что во второй половине 1920-х годов не могло быть, конечно, такого высокого прироста численности населения страны (2%, или 3 млн. человек в год). Дело в том, что такого роста не было даже в самые благополучные годы существования Российской империи (кстати, сам А.Н.Рыбаков не дает ссылки на

²³ *Сталин И.В.* Указ. соч. Т.13. С. 321.

²⁴ *Кулешов С.В.* и др. Указ. соч. Т.2. С. 259.

источник своей информации). Так, прирост численности населения России в 1890-х годах перед проведением последней переписи населения в стране составлял в среднем примерно 1,48% в год (такой результат мы получили в результате расчетов по данным популярного издания того времени – энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона).

Так вот, если бы население СССР после переписи 1926 года возрастало примерно такими же темпами, то в 1937 году оно бы и составило как раз именно требуемые 170 млн. человек!²⁵ С большой долей вероятности можно предположить, что аналогичный расчет делали и сталинские демографы. Как нам представляется, цифра 170 млн. явилась поэтому той последней чертой, за которую сталинское руководство не желало отступать. Понятно при этом, что значительное снижение темпов роста населения труднее объяснить «кулацкой агитацией», чем тот же забой скота. Тогда становится понятно, откуда взялась именно эта цифра и почему статистики, руководившие проведением переписи 1937 года, были репрессированы. И поэтому неудивительно, что следующая перепись – 1939 года – наконец-то принесла ожидаемые результаты (правда, все-таки с опозданием на два года).

И в заключение этого параграфа приведем еще одну красноречивую цифру: по расчетам российского Генерального штаба, сделанным в конце XIX века, в России к концу XX века должно было бы жить 450 миллионов человек²⁶. Напомним, что сейчас размер территории России составляет 76% от аналогичного показателя Российской империи, а население насчитывает около 145 миллионов граждан, из которых сельских жителей менее 40 миллионов...

²⁵ Россия. Энциклопедический словарь. 1991. С. 92.

²⁶ *Леопов Н.С.* Лихолетье. М., 1995. С. 392.

4.2. Неутешительные итоги

Сейчас, в самые первые годы нового века, мы задумываемся о том, каким в памяти человечества останется век прошедший. И это не праздный вопрос – ведь речь идет не просто о смене столетий, речь идет о смене эпох. Но, как нам представляется, главное, что оставил в наследство человечеству век уходящий – это развенчание мифа о коммунизме. Зародившись еще в Средневековье, в сочинениях Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, миф этот (с легкой руки Карла Маркса прозванный призраком), прочно поселился сначала в умах людей, а в начале XX века стал реальным политическим явлением. К великому несчастью российского народа, испытательным полигоном для него стала наша страна.

В годы «перестройки» и «трансформации» стало модным упоминать только недостатки той командной системы, но, как известно, нет ничего абсолютно черного или белого. Объективности ради надо сказать хотя бы об одном достоинстве той затратной системы. Это, прежде всего, способность к предельной концентрации всех имеющихся в распоряжении ресурсов для решения поставленных задач. Б.В.Соколов говорит об этом как о способности «сохранять общественную стабильность и воспроизводить государственные структуры в самых экстремальных ситуациях»²⁷. Но при этом важнейшим обстоятельством выступает то, что такая стабильность для тоталитарного государства становится возможной вследствие предельно пренебрежительного отношения государства к таким общечеловеческим ценностям, как свобода, демократия, невмешательство в частную жизнь граждан и, конечно, уровень их жизни.

Вообще, для любого тоталитарного государства (и СССР на этом фоне никак не был исключением) жизнь каждого отдельного «простого» человека значит не более, чем любой другой расходный материал. Материалов же этих требуется все больше и больше: ведь создать эффективную социально-экономическую систему режим, основанный на перманентном насилии, не может, но при

²⁷ *Соколов Б.В.* Цена Победы. М., 1991. С. 175–176.

этом ему абсолютно необходимо обеспечить три вещи: всеобщую занятость населения, мощный военный потенциал и видимость глубоких (и прогрессивных) социально-экономических преобразований. В результате целью существования такого режима с экономической точки зрения становится перемалывание как можно большего количества материальных ресурсов, как это было в классическом виде осуществлено в Советском Союзе. Очень точно по этому поводу высказался известный в свое время политик, бывший член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев: «...если не слепить себя фанатизмом и не впасть в обиды на историю, нельзя не увидеть то обстоятельство... что попытки привести действительность в соответствие даже с первоначальными идеями социализма не привели к повышению уровня и качества жизни людей, эффективности общественного производства, к общественной гармонии, но **демонстрировали бесполезную трату сил, энергии, природных и материальных ресурсов** (выделено нами. – В.М.)»²⁸.

Узурпировав права верховного распорядителя человеческих судеб, советское государство вынуждало своих подданных идти на крайние лишения и таким образом добивалось порой впечатляющих достижений (правда, в сферах деятельности, весьма далеких от народного благосостояния). Впечатляющих, если еще и абстрагироваться от цены подобных достижений. Цена же эта **всегда** была неприемлемо высокой. Наш народ (и прежде всего крестьянство как преобладающая по численности часть населения) заплатил самую невероятную, чудовищную по цивилизованным меркам цену за все авантюры своего государства: миллионы советских людей погибли в годы индустриализации промышленности и, особенно, коллективизации сельского хозяйства страны (как теперь совершенно ясно, преступной и абсолютно бессмысленной). Причинами их гибели были невыносимые условия труда и жизни, голод и лишения. Лишения же населения были вызваны, с одной стороны, неэффективностью общественного производства, а с другой – огромными военными расходами, оправдываемыми внешней угрозой.

Мы не берем здесь в расчет просто уничтоженных в многочисленных тюрьмах и концентрационных лагерях, хотя счет им также идет на миллионы. Так, по данным справки, составленной

²⁸ Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 142–143.

на имя Н.С.Хрущева 1 февраля 1954 года, за период с 1921 года в стране за «контрреволюционные преступления» было расстреляно 642 980 человек. Общее же количество осужденных с учетом приговоренных к лишению свободы составило 2,9 млн. человек²⁹. Конечно, это явно заниженные данные. Истинную цифру этих потерь мы уже вряд ли когда-нибудь узнаем. О масштабах же репрессий тех лет можно судить по свидетельствам очевидцев. Например, известный писатель и исследователь сталинизма Лев Разгон в одном из своих интервью привел такую леденящую душу цифру: в 1937 году в отдельные дни в Москве расстреливали до двух тысяч человек. Страна же в это время распевала слова из популярной песни И.Дунаевского: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» Действительно, вторую такую страну надо было еще поискать... (Для сравнения: в фашистской Германии за 12 лет господства нацистов было казнено около 34 тысяч немцев-антифашистов³⁰). Но это только цифры жертв репрессий по политическим мотивам, только одна сторона политики государственного террора. А был еще и «неполитический» террор, когда человек попадал в тюрьму (а иногда и под расстрел!) за унесенные с колхозного поля колоски или за опоздание на работу свыше двадцати минут.

Насильственно созданный преступной большевистской партией тоталитарный режим с первых дней своего существования продемонстрировал, помимо невероятной жестокости, еще и свою затратную сущность. Всегда и везде он если и добивался чего-то, то делал это с огромными потерями, всегда нерационально, всегда пренебрегая жизнями и свободами своих подданных. Сегодня, на фоне медленного становления рыночной экономики в нашей стране, слишком часто приходится слышать славословия в адрес того тоталитарного режима, который-де вывел Россию на просторы технического прогресса, превратил ее из «лапотной» в современную индустриальную державу, которая даже космос стала осваивать первой. К сожалению, это приходится слышать не только от апологетов сталинизма. Подобные панегирики приходится иногда слышать и от тех, кто, казалось бы, не должен был подвергнуться тлетворному влиянию «самого передового учения» уже в силу свое-

²⁹ Справочник необходимых познаний. Пермь, 1995. С. 289.

³⁰ Известия. 1998. 1 апреля.

го возраста. Именно о таких людях известный писатель Сергей Довлатов написал: «может быть, они и ненавидят тиранию, но при этом чувствуют уважение к ее масштабам»³¹.

Что тут можно сказать? Прежде всего то, что неперенным критерием цивилизованности общества обязательно является, по нашему мнению, высокий уровень жизни его граждан. А потому **любые** достижения какого-либо государства должны рассматриваться именно через призму данного приоритета. Что касается нашей страны, то можно привести такой факт: в 1957 году, когда в Советском Союзе был произведен первый в мире запуск искусственного спутника Земли, значительная часть сельского населения Урала (а в некоторых его районах – более половины) еще даже не пользовалась электричеством³²(!). Напрашивается естественный вопрос: а не слишком ли дорогой ценой оплачены все наши так называемые достижения? Так ли уж надо было советскому государству тратить невероятные деньги на освоение того же космического пространства, строительство Байкало-Амурской магистрали (о которой сейчас в печати практически нет никакой информации – действует ли она вообще?) и другие гигантские проекты? И делать это за счет своих граждан, которые нуждались в это же время в самом необходимом? Хорошо написал об этом тот же А.Н.Яковлев, говоря о достижениях «первой страны победившего социализма»: «Это верно, если отмахнуться от того, какими средствами все это достигалось, если пренебречь моралью. Да, сделано многое, но за счет миллионов умерших от голода, уничтожения крестьянства, за счет рабских лагерей, за счет гибели рек, лесов и земли. Могилы людей и могилы природы – такова флора и фауна сталинизма-большевизма»³³.

...И все же правомерно задать вопрос: какие выводы необходимо сделать нам, россиянам, подводя неутешительные итоги прошедшего века? Вопрос о выводах, конечно, не простой, и не будем строить излишних иллюзий насчет его быстрого разрешения (особенно учитывая нынешнее состояние российского общества). Наша страна в последние годы позаимствовала немало экономи-

³¹ Довлатов С. Собрание сочинений. СПб. Т. 2. С. 317.

³² Мамяченков В.Н. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 1999. С. 219.

³³ Яковлев А.Н. Указ. соч. С. 447.

ческих новаций из опыта развитых стран. Поэтому тем более не будет зазорным позаимствовать у развитых стран и их опыт переосмысления своей истории. Абсолютно необходимо сделать так, как сделали это (и сделали давно) наши противники в прошедшей войне – Германия и Япония.

Например, уже долгие годы в российском обществе обсуждается вопрос о том, надо ли сносить памятники нашего тоталитарного прошлого. Сплошь и рядом высказывается мнение, что делать это нецелесообразно, что, мол, негоже цивилизованным людям опускаться до такого вандализма. Конечно, каждый народ решает такие вопросы сам, исходя из национальных традиций, своего исторического самосознания, наконец, исходя из своего культурного менталитета. Но давайте посмотрим на Германию, на отношение немцев к своему недавнему прошлому – гитлеровскому фашизму. На территории Германии нет **ни одного** памятника Гитлеру, Гимлеру, Герингу, Геббельсу и другим деятелям Третьего рейха или монументов, воздвигнутых в честь нацистов. Ни одного! Излишне напоминать, что по-прежнему практически в любом городе (и городке) России можно увидеть, причем на самом почетном месте, в центре населенного пункта, памятник Ленину – человеку, по сути являющемуся тягчайшим уголовным преступником XX века, как и равноподобные ему Сталин и Гитлер.

Конечно, время и возможность для быстрого избавления от наследия коммунистического фашизма в нашей стране упущены. Великий исторический шанс, предоставившийся России в 1991 году не был реализован. А ведь именно тогда, используя тот взрыв национального самосознания в стране, можно и нужно было развенчать и уничтожить коммунистическую партию, как организацию, виновную в тягчайших злодеяниях, прежде всего, против собственного народа. Именно тогда надо было признать преступными карательные органы ВЧК – ОГПУ – НКВД и их правопреемников. Именно тогда нужно было провести второй Нюрнбергский процесс и вынести беспощадный и справедливый приговор нашему кровавому прошлому. К сожалению, абсолютное большинство наших доморощенных фашистов ушли от возмездия, а задачу декоммунизации страны будут решать новые поколения. Надо полагать, это будет сделано, а в качестве итога работы мы бы предложили написать на величественном памятнике, который будет воздвигнут всем жертвам тоталитаризма в России, давно известные слова: «Спите спо-

койно. Это не повторится!». Таким, по нашему мнению, и должен быть главный вывод из трагедии России в XX веке.

Ну, а в заключение позволим себе маленькое и грустное лирическое отступление. Не будет великим открытием сказать, что все мы вышли из деревни, так же, как вся жизнь на Земле вышла из воды. Так вот и автор этой книги – городской житель всего лишь во втором поколении. (А вы, уважаемый читатель, в каком?) Дед мой, Туголуков Иван Илларионович, 1900 года рождения, бежал (другого слова я не подберу) из деревни Галактионовки Туринского района Свердловской области в областной центр в 1931 году. Бежал вместе с семьей – женой (моей бабушкой) и шестью детьми (всего детей у него с бабушкой было одиннадцать, да вот выжили всего четверо) – от голода и неминуемой смерти. Оставил в деревне, где прожил всю жизнь, дом и хозяйство – все, что нажил за четырнадцать лет семейной жизни. Надо сказать, что ему еще повезло: он успел сделать это до введения паспортной системы в стране, которая, как известно, на четверть века – вплоть до памятного 1956 года – сделала колхозников крепостными советского государства. С некоторых пор я, работая преподавателем, задаю студентам каверзный вопрос: когда в нашей стране **окончательно было отменено крепостное право?** Никто до сего дня, к моему сожалению, не ответил правильно: **в 1956 году**, все отвечают – в 1861-м... Если вообще отвечают – ведь в хорошем знании истории своей страны нашу молодежь заподозрить трудно. Впрочем, так ли хорошо знает ее все население нашей многострадальной Родины?

Заключение

Изучение материальных условий жизни колхозного крестьянства СССР в послевоенные годы является важной составляющей проблемы исследования уровня жизни населения в целом. Рассмотрение материальной сферы жизнедеятельности колхозников необходимо для осмысления экономической истории крестьянства как одного из двух основных классов населения Советского Союза. Задача эта решается как на уровне отдельного региона, так и в масштабе всей страны. Разработка указанной проблемы в рамках Уральского региона позволяет расширить и углубить научные представления о материальных условиях жизни как важном элементе ее качества, создать объективную, свободную от идеологических штампов картину бытия уральского советского крестьянства в 1940–1950-х годах.

Проблема изучения экономической истории крестьянства в советский период, как это позволяет утверждать анализ научной литературы, являются объектом серьезного внимания ученых различных отраслей знания, прежде всего – историков, социологов и экономистов. Сейчас, в начале нового века, исследование различных аспектов жизненного уровня крестьянства и других категорий населения представляет особенный интерес еще и потому, что в обществе объективно имеются все предпосылки для непредвзятого, подлинно научного изучения данных проблем.

Это особенно необходимо, на наш взгляд, именно сейчас, когда определенные круги в нашем обществе не прекращают попыток представить историю бывшего Советского Союза исключительно в розовых тонах, только как победоносное и неуклонное поступательное движение к победе коммунистического строя в планетарном масштабе. При этом нас пытаются убедить в том, что в бывшем СССР, якобы, последовательно реализовывались самые гуманистические идеи лучших умов человечества и будто бы действительно были достигнуты «выдающиеся» показатели уровня жизни населения, в том числе сельского. Но не зря говорится, что факты – упрямая вещь. А они, факты (в том числе и приведенные в настоящей книге), неопровержимо свидетельствуют о крайне низких по сравнению с развитыми странами материальных условиях жизни сельских жителей России и всего Советского Союза.

Надо сказать, что в настоящее время историческая наука имеет в своем распоряжении немало исследований, посвященных в той или иной мере проблемам изучения уровня материального благосостояния крестьянства, в основе своей колхозного, в рассматриваемый период истории. Наиболее полно исследованными проблемами можно считать такие, как развитие материально-технической базы колхозного производства, половозрастной состав сельского населения, использование труда колхозников и производительность труда в общественном и личном хозяйствах, качественный и количественный уровни питания, обеспеченность непродовольственными промышленными товарами, уровень потребления, а также доходов и расходов колхозных семей. В последнее время в научной литературе, посвященной аграрным вопросам, исследуются проблемы отношений советского государства и крестьянства, экономической политики партийных и государственных органов в аграрном вопросе, прежде всего — политики в отношении личных подсобных хозяйств и доходов сельского населения.

Вместе с тем ощущается недостаток в исследованиях комплексного, обобщающего характера, особенно по отдельным периодам истории колхозного крестьянства Урала и сельского хозяйства в целом. Так, слабо освещены в исторической литературе проблемы развития совхозного производства в Уральском регионе, материальные условия жизни рабочих совхозов. Столь же немногочисленны исследования, касающиеся послевоенного уровня жизни колхозников. Возможно, частично этот пробел восполнит предлагаемый труд.

Всестороннее изучение динамики показателей уровня материального благосостояния колхозной семьи в их единстве и взаимосвязи невозможно без привлечения материалов бюджетных обследований, проводившихся Госкомстатом СССР по всей территории государства и положенных в основу данной работы. Эти материалы отличает прежде всего высокий уровень информационной насыщенности, делающий их незаменимым источником при изучении проблемы уровня материального благосостояния населения, источником, имеющим широкие возможности для исследования комплекса исторических проблем. Массив бюджетов, относящихся к определенному периоду времени, — это уникальная в своем роде база для выявления и анализа наиболее значимых признаков источника, их особенностей и взаимосвязей. Сопоставление же данных бюджетов различных периодов времени характеризует

динамику количественных и качественных показателей материального уровня жизни населения. Кроме того, привлечение материалов бюджетных обследований как первичных документов позволяет избежать грубого, усредненного подхода в трактовке материальных условий жизни каждой социальной группы.

Важное значение при работе с материалами бюджетных обследований имеет анализ их достоверности и полноты. В данной работе этот анализ убеждает в достаточно высокой надежности бюджетных источников. Объем собранных в них показателей значительно шире, полнее и разнообразнее, чем данные переписей, опубликованные в статистических сборниках сведений, а также сведения из других массовых источников по экономической истории колхозного крестьянства. Кроме того, достоверность представленной в бюджетах информации обеспечивается отработанной методикой выборки единиц статистического наблюдения, достаточно репрезентативного для описания всего изучаемого явления. При этом даже статистические формы бюджетных бланков для проведения обследований являются едиными для всей страны. Система сбора, а также приемы контроля за объективностью полученной информации позволяют сделать обоснованные выводы для характеристики уровня материального благосостояния колхозников в исследуемый период.

Надо отметить, что работа с материалами бюджетных обследований требует привлечения математико-статистических методов исследования. Это необходимо прежде всего потому, что зачастую оценить содержание всего массива документов традиционными методами оказывается невозможно. В данной работе применялись различного вида средние математические величины, а из математико-статистических методов обработки данных – метод группировок. В результате логической и математической обработки исходного материала была выявлена динамика и тенденции различных показателей, характеризующих степень материальной обеспеченности колхозников, а также проведен системный анализ указанной проблемы.

Уровень материального благосостояния колхозников Урала в исследуемый период определялся (и иначе не могло быть) прежде всего последствиями только что закончившейся Великой Отечественной войны. Эти последствия даже для Уральского региона, находившегося в глубоком тылу, были чрезвычайно тяжелыми, и

они оказали долговременное негативное влияние в последующие послевоенные годы. Достаточно сказать, что уровень потребления продуктов питания предвоенного, 1940-го, года был достигнут только в 1953 году.

Кроме того, и окончание войны не принесло сразу же ощутимого облегчения колхозному крестьянству. В первые же два послевоенных года на российскую деревню обрушились два бедствия: стихийного и рукотворного характера, а именно неурожай 1946 года и конфискационная денежная реформа 1947-го. И если первое бедствие было непредсказуемо и во многих регионах страны привело к голоду, то второе явилось выражением продуманной политики правящего режима и привело к значительному снижению уровня жизни населения страны. Ухудшению материального положения именно крестьянства способствовали и широко рекламировавшиеся снижения розничных цен на продукты и предметы первой необходимости. Это сильно ударило по доходам крестьян, так как такие снижения вынуждали их реализовывать продукцию своего ЛПХ на колхозном рынке по низким ценам. Наконец, факторами, сдерживающими рост материального благосостояния сельских жителей и прежде всего – колхозников, были жесткая налоговая политика, предельно низкая оплата труда за работу в общественном производстве и непоследовательная (но, в конечном итоге, рассчитанная на удушение) стратегия государства по отношению к ЛПХ колхозников.

Таким образом, фактический среднестатистический уровень доходов колхозников Урала в исследуемый период в силу вышеуказанных причин изначально не мог быть высоким. Он формировался в основном за счет доходов от ЛПХ, которое занимало особое место в жизни жителей села. Именно от продажи продукции своего подворья колхозники получали большую часть денежных доходов, за счет этой же продукции удовлетворяли значительную (если не сказать больше) долю своих потребностей в продуктах питания. Данные, полученные нами в ходе исследования, свидетельствуют о том, что на протяжении послевоенного периода совокупный денежный доход семей уральских колхозников возрос довольно значительно, но, тем не менее, и к началу 1960-х годов материальные условия жизни колхозников были значительно хуже, чем у большинства городских жителей (прежде всего – рабочих и ИТР).

Это неравенство выражалось в более низком уровне доходов, а следовательно, в качественно худшем питании и более низком

уровне потребления прочих материальных благ. Например, колхозники значительно меньше, чем городские жители, потребляли одежды, обуви, других товаров широкого потребления. Причем о научно обоснованных нормах потребления речь даже не идет, так как уровень потребления практически всего населения страны находился, как правило, ниже их низшего предела.

Крайне неудовлетворительное материальное положение колхозного крестьянства было, как нам представляется, изначально предопределено его униженным правовым положением в так называемом социалистическом обществе, лицемерно провозглашавшем принципы равенства и справедливости. Теперь уже трудно в это поверить, но остается фактом, что до второй половины 1950-х годов правовое положение крестьянина-колхозника фактически мало чем отличалось от положения крепостного в XIX веке. Трудно не согласиться с В.Л.Берсеневым, который заметил, что «русский крепостной крестьянин первой половины XIX века по своему социальному статусу и экономическому положению заметно уступал английскому йомену времен Столетней войны»¹. И, на наш взгляд, так же трудно спорить с тем, что насильственно проведенная в нашей стране коллективизация фактически означала для крестьянина возврат к крепостной государственной зависимости. Ведь теперь он должен был почти бесплатно работать в общественном производстве, сам обеспечивать себя всем необходимым и, в довершение всего, не имел даже возможности свободно передвигаться по территории страны, равноправным гражданином которой формально являлся.

Корни же такого отношения властей к крестьянству следует искать в официальной идеологии тогдашней правящей партии, согласно которой жители деревни априори считались «реакционным» классом. И такая логика понятна. Ведь крестьянство с его извечной тягой к своему двору и наделу земли никак не вписывалось в рамки того общества, где, по замыслу его основателей, главным основополагающим приоритетом должна была бы стать так называемая общенародная собственность. Именно поэтому уже в феврале 1918 года Ленин, по свидетельству В.И.Цюрупы, предложил расстреливать крестьян, отказывающихся вносить продовольственную

¹ *Берсенов В.Л.* Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1994. С. 7.

дань². И именно поэтому в 1932 году в нашей стране фактически было осуществлено второе издание крепостничества, о чем очень образно написал А.Н.Яковлев: «Крестьянству была выписана феодальная рента: только барщина была заменена минимумом трудодней, а оброк – натуральный и денежный – стал именоваться налогом»³.

Рассматриваемый нами период явился, как нам представляется, судьбоносным в истории крестьянства Советского Союза в том отношении, что до начала 1960-х годов руководство страны еще могло совершить перелом и обратить вспять процесс угасания производительных сил в сельском хозяйстве. Это еще не поздно было сделать, что подтверждают в том числе и данные нашего исследования. Несмотря на вал репрессий 1930-х годов и тяжелые последствия Великой Отечественной войны, крестьянство страны (а это были в основном колхозники) еще сохраняло достаточный потенциал предприимчивости, трудолюбия и необходимых навыков для своего возрождения как хозяина принадлежащей ему земли и средств производства. Достаточно было властям предрержавшим в середине 1950-х годов ослабить непосильный налоговый гнет, чуть повернуться лицом к крестьянским нуждам – и оно тут же ответило быстрым ростом производства всех видов сельскохозяйственной продукции, резким повышением эффективности труда. Но жители села опять были обмануты в своих ожиданиях, процесс раскрестьянивания деревни приобрел уже необратимый характер, а последующий длительный «застойный» период в нашей истории довершил дело ее деградации.

При оценке же дальнейших перспектив развития российской деревни, хотим мы того или нет, надо исходить из реальности сегодняшнего дня. А она, по нашему мнению, такова, что прежнего российского крестьянина с присущим ему менталитетом более не существует. Таким образом, будущее нашей деревни надо связывать уже с новым типом крестьянина – цивилизованного фермера, о котором мечтал еще П.А.Столыпин и которому, будем надеяться, все-таки предстоит появиться в России.

² *Шернаев В.И.* Проблемы войны и мира в политологии. Екатеринбург, 1999. С. 76.

³ *Яковлев А.Н.* Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 19.

Подводя итоги исследования и намечая перспективы дальнейшей работы по изучению материального положения колхозного крестьянства Урала, хотелось бы отметить, что предлагаемая работа лишь в какой-то мере обобщила имеющийся накопленный по данной проблеме материал и добавила некоторое количество новых сведений. Поэтому нам представляется возможным обозначить следующие направления продолжения исследований по указанной тематике. Это, во-первых, пополнение источниковой базы путем привлечения других видов массовых источников, позволяющих провести комплексное изучение данной проблемы. В связи с этим необходимо упомянуть еще сравнительно малоизученные фонды местных (районных) органов власти и сельских советов. Во-вторых, широким полем деятельности для исследователей является обобщение бюджетных материалов по другим группам населения, сравнение их с аналогичными данными по крестьянским бюджетам и последующий анализ. Здесь имеются в виду такие группы населения, как рабочие городских промышленных предприятий, рабочие совхозов, инженерно-технические работники и другие. В своей работе мы только сделали попытку такого сравнения. В-третьих, большой интерес представляет также анализ и сравнение доходов, расходов и потребления крестьянских семей в различные исторические периоды. В этом смысле большие потенциальные возможности имеет разработка материалов земской бюджетной статистики, в том числе по Пермской губернии. Эти материалы практически не использовались и еще ждут своих исследователей в фондах архивов и библиотек.

Источники и литература

I. Архивные материалы

1. РГАЭ. Ф.1562 – Фонд ЦСУ СССР. Оп.26. ДД.88, 93, 224, 345, 357, 440, 443, 535, 536, 632, 633, 749, 752, 838, 841, 933. Оп.324. ДД.85, 253, 1492, 1830, 1838, 2228, 2235, 2663, 2670, 3177, 3183, 3714, 3721, 3752. Ф.7486 – Фонд Министерства сельского хозяйства. Оп.7. ДД.521, 533, 697, 7106, 852, 1005, 1013, 1019а, 1019б, 1019в, 1057.

2. ГА РФ. Ф.374 – Фонд ЦСУ РСФСР. Оп.2. Д.395. Оп.3. Д.5613. Оп.7. ДД.1221, 2104, 2130, 2151, 3045, 3046, 3047, 3056, 4857, 4858. Оп.30. ДД.1302, 3040, 3384, 3385, 3404, 3914, 3929, 3930, 3963, 5532, 5540, 5612, 5613, 9597, 9616, 9628, 9642, 10266, 10283, 10292, 10302, 10303, 12220, 12285, 12311, 12314, 12370, 12371. Оп.31. ДД.1836, 5488, 5529, 5531, 5532, 5535, 5540, 7813, 8060, 8061, 8165, 8168, 8171, 8198, 10311. Оп.34. ДД.1484, 1556, 1566, 7007.

3. Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

4. ГАСО. Ф.1813 – Фонд Облстатуправления Свердловской области. Оп.1. ДД.453, 457, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 1321. Оп.8. Д.140. Оп.14. ДД.47, 290, 401, 657, 914, 1403, 1916, 2744, 2796, 2818, 2858, 2920, 2936, 3002, 3009.

5. ЦДООСО. Ф.4 – Фонд Уральского (Свердловского) обкома КПСС. Оп.59. Д.9.

II. Опубликованные источники

6. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 гг.: В 2 т. М., 1959.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). М., 1983.

8. Ленинская аграрная политика КПСС: сборник важнейших документов (март 1965 – июль 1978). М., 1978.

9. Ленинская политика КПСС. Сборник документов. М., 1978.

10. О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. // КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 55–61.

11. О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. Постановление Февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 98–145.

12. О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих. Постановление Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 3. С. 561.

13. О сельскохозяйственном налоге. Закон Верховного Совета СССР от 8 августа 1953 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 7.

14. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Постановление Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. // КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 303–345.

15. Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. // КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 91–97.

16. О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 6 марта 1957 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 288–290.

17. Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 июля 1957 г. // КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 190–192.

18. О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций. Закон Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 397–402.

19. О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 августа 1959 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 30. Ст. 493.

20. Об устранении необоснованных ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Постановление ЦК КПСС от 27 октября 1964 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 5. С. 517.

21. Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству единоличными крестьянскими хозяйствами и хозяйствами кустарей. Постановление Совета Министров СССР от 11 марта 1965 г. // Справочник партийного работника. Вып. 6. М., 1966. С. 165.

22. Примерный Устав сельхозартели. М., 1953.

III. Статистические публикации

23. *Безнин М.А.* Материальное положение колхозников российского Нечерноземья в 1950–1965 гг.: Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества. Ч. 1. Вологда, 1988.

24. *Безнин М.А.* Материальное положение рабочих и колхозников. 1950–1965 гг.: Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества. Вологда, 1989.

25. *Безнин М.А.* Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950–1965 гг.: Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества: В 3 ч. Вологда, 1990.

26. *Брагин А.М.* Крестьянское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915г.). Уфа, 1916.

27. Бюджеты крестьянских хозяйств Башкирской республики за 1924–1925 гг. Уфа, 1926.

28. *Дубинская И.* Бюджеты петроградских рабочих в мае 1918 г. // Материалы по статистике труда Северной области. Петроград, 1918. Вып. 1.

29. *Дубинская И.* Рабочие бюджеты г. Харькова в феврале 1920 г. // Материалы по статистике труда на Украине. Харьков, 1920. Вып. 1.

30. Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. Статистический сборник. М., 1957.

31. Итоги весеннего опроса отдельных хозяйств по Екатеринбургской губернии в 1921 г. Екатеринбург, 1922.

32. Итоги разработки сельского хозяйства переписи 1920 года по типам и группам хозяйств. М., 1926.
33. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.
34. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1914 гг. Уфа, 1914.
35. Крестьянские бюджеты 1922/23 и 1923/24 гг. М., 1926.
36. Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Вологда, 1907–1909.
37. Материалы по бюджетам крестьянских, самоедских и остяцких хозяйств. Свердловск, 1925.
38. Материалы по оценке земель Пермской губернии. Зауралье. Пермь, 1909. Вып. 4.
39. Народное хозяйство Свердловской области: Статистический сборник к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1967.
40. Народное хозяйство СССР: Статистический ежегодник. М., 1960.
41. Народное хозяйство в 1922–1972 гг. Юбилейный статистический сборник. М., 1972.
42. Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР: Статистический сборник. Уфа, 1959.
43. Народное хозяйство Свердловской области: Статистический сборник. Свердловск, 1962.
44. Народное хозяйство Чкаловской области: Статистический сборник. Чкалов, 1957.
45. Оренбургская область за 25 лет: Статистический сборник. Оренбург, 1960.
46. Основные показатели социального развития и повышения уровня жизни на селения СССР: Статистический сборник. М., 1976.
47. **Покровский В.И.** Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1882.
48. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1958. М., 1959.
49. Сельское хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1960.
50. Сельское хозяйство СССР (1913–1970 гг.). М., 1971.
51. Статистика бюджетов времени трудящихся. М., 1967.
52. Статистика землевладения 1905 г. Уфимская губерния, 1906.

53. Страна Советов за 50 лет: Сборник статистических материалов. М., 1967.

54. Сегодня и завтра. Цифры и факты об уровне жизни советского народа. М., 1962.

55. Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). М., 1996.

56. Хронологическое собрание Законов, Указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. М., 1958.

IV. Научные публикации

57. *Абдулин Р.Г.* Потребление продуктов питания сельским населением. М., 1973.

58. *Авраимова Е.М., Барсукова Р.Т., Копнина В.Г. и др.* Народное благосостояние: тенденции и перспективы. М., 1991.

59. *Аганбегян А.Г., Майер В.А.* Заработная плата в СССР. М., 1959.

60. Аграрный рынок в его историческом развитии: Тез. докл. XXIII сессии Всесоюзного симпозиума. М., 1991.

61. *Айрапетов В.Г.* История Советского Урала, 1937–1945 гг. Свердловск, 1979.

62. *Акифьева Н.В.* Колхозное производство Урала (1959–1970 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1987.

63. *Акифьева Н.В.* Рост доходов колхозников Урала в 1959–1970 гг. // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. 1917–1985. Свердловск, 1988. С. 102–112.

64. *Александров В.А., Волков И.М., Тюкавкин В.Г.* Проблемы изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVI съезда КПСС // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984.

65. *Алексеев В.В., Букин С.С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980.

66. *Анимица Е.М.* Весь Урал. Екатеринбург, 1996.

67. *Анисимов Я., Верминичев И., Наумов К.* Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп. М., 1927.

68. *Анисимов Н.И.* Советское крестьянство. М., 1947.

69. *Анистратенко В.П.* Некоторые вопросы хозяйственного и политического состояния зауральской деревни накануне перехода к нэпу // Учен. зап. Урал. Ун-та. 1970. № 103. Вып. 18. С. 77–96.

70. *Анистратенко В.П., Куликов В.М.* Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода (1921–1925 гг.) // Научные труды кафедр истории КПСС, философии и научного коммунизма. Свердловск, 1969. Вып. 2. С. 114–124.

71. *Анучин Е.Н.* Бюджет крестьянского двора Самарской губернии // Правительственный вестник. 1881. № 240–241; 1882. № 280; 1883. № 23, 24, 30.

72. *Арзуманян А.А.* Экономические проблемы общественного развития. Избранные труды. М., 1968.

73. *Арутюнян Ю.В.* Механизаторы сельского хозяйства в 1929–1957 гг. М., 1960.

74. *Арутюнян Ю.В.* Новый этап развития сельского хозяйства СССР и его место в истории советского общества. М., 1961.

75. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963.

76. *Арутюнян Ю.В.* Опыт социологического изучения села. М., 1968.

77. *Базаров А.А.* Кулак и агроулаг. Челябинск, 1991.

78. *Базаров А.А.* Дурелом, или господа колхозники. Курган, 1997.

79. *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30-е–80-е годы). Свердловск, 1990.

80. *Бакунин А.В., Денисевич М.Н.* Развитие торговли на Урале в послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1980.

81. *Барко Ф.Е.* Укрепление материально-технической базы колхозного производства в послевоенные годы // Ученые записки Уральского университета. Вып. 24. Свердловск. 1958.

82. *Безнин М.А.* Значение бюджетных обследований в изучении истории колхозного крестьянства и совхозных рабочих 50-х–60-х годов (на материалах российского Нечерноземья) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XX. Л., 1989. С. 79–89.

83. **Безнин М.А.** Колхозный двор в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991.
84. **Безнин М.А.** Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1991.
85. **Белова Н.Ф., Дмитриев И.И.** Семейный бюджет: статистический аспект. М., 1990.
86. **Белянов В.А.** Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970.
87. **Бенедиктов И.А.** Развитие сельского хозяйства в послевоенный период. М., 1947.
88. **Берсенева В.Л.** Общественные фонды потребления Свердловской области (1965–1970) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 127–147.
89. **Берсенева В.Л.** Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1994.
90. **Берсенева В.Л.** Колхозы Урала в 1966–1975 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Свердловск, 1985.
91. **Богдашкин П.И.** Электрификация сельского хозяйства СССР. М., 1960.
92. **Богденко М.Л.** Совхозы СССР. М., 1960.
93. **Бокарев Ю.П.** Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981.
94. **Борисов А.В., Смольянинов А.А.** Сельское хозяйство Свердловской области на новом подъеме. Свердловск, 1959.
95. **Борисов В.А.** Баланс денежных доходов и расходов населения. М., 1965.
96. **Боярских Л.С., Куликов В.М.** Материальное положение уральского крестьянства в период подготовки массовой коллективизации // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1985 гг.). С. 33–40.
97. **Бровин А.М.** Вопросы статистического исследования роста благосостояния советского народа: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1978.
98. **Бромлей Н.Я.** Уровень жизни в СССР (1950–1965 гг.) // Вопросы истории. 1966. № 5.
99. **Бугаев С.А.** Личное подсобное хозяйство. Его место и роль в социалистической экономике (на примере Уральского экономического района): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Пермь, 1968.

100. *Бузляков Н.И., Майер В.Ф.* Повышение уровня жизни советского народа. М., 1965.
101. *Бузляков Н.И.* Общественные фонды потребления. М., 1964.
102. *Бузляков Н.И.* Методы повышения уровня жизни. М., 1969.
103. *Букин С.С.* Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири. 1946–1960 гг. Новосибирск, 1984.
104. *Бурова Л.П., Осадько А.Ф.* Рост богатства и благосостояния народа. М., 1963.
105. *Бухтияров П.А.* Развитие кооперативной торговли на Урале. Челябинск, 1971.
106. *Бучаев Г.А.* Уровень жизни и торговля на селе. Махачкала, 1975.
107. *Бучаев Г.А.* Повышение уровня жизни населения – цель экономической стратегии КПСС. Махачкала, 1981.
108. *Важенин С.Г.* Уральское село: образование, культура, быт. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1970. С. 97.
109. *Важенин С.Г.* Социальная инфраструктура народнохозяйственного комплекса. М., 1984.
110. *Важенин С.Г., Важенина И.С.* Рост уровня жизни труженников уральского села в 1971–1985 гг. // Материальное благосостояние труженников уральской советской деревни (1917–1985 гг.). Свердловск, 1988. С. 129–136.
111. *Венжер В.Г.* Издержки производства и себестоимость продукции в колхозах. М., 1960.
112. *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М., 1966.
113. *Венжер В.Г.* Социально-экономические перспективы колхозного строя. М., 1979.
114. *Вербицкая О.М.* Изменение численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в послевоенные годы (1946–50) // История СССР. 1980. № 5.
115. *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов – начало 60-х годов. М., 1992.
116. *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1996.
117. *Ветлугин И.М.* О преодолении культурно-бытовых различий между городом и деревней (на материалах Среднего Урала) // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975. С. 445–452.

118. *Ветлугин И.М., Потапов Н.Г., Толмачева Р.П.* Историография истории послевоенной уральской деревни // Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии. Кишинев, 1977.

119. *Вилесов Ф.М.* Деятельность партийных организаций Урала по повышению материального благосостояния и улучшению бытовых условий сельского населения (1956–1970 гг.) // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. Ярославль, 1981. С. 111–119.

120. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947.

121. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972.

122. *Волков И.М., Тюрина А.П.* Основные проблемы истории колхозного крестьянства СССР // Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981.

123. Вопросы повышения уровня жизни трудящихся (материалы конференции). Рига, 1961.

124. Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975.

125. *Воробьев А.Г.* Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926.

126. *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945–1948 гг. М., 1976.

127. *Гинайте С.И.* Народное благосостояние при социализме. Рига, 1979.

128. *Григоровский В.Е., Алексеев М.А.* Личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих, служащих СССР. Л., 1968.

129. *Губарева О.Е.* Источники роста народного благосостояния в СССР. М., 1968.

130. *Гуров В.* XIII съезд РКП(б) и крестьянство. М., 1925.

131. *Гуров П.Я., Гончаров А.Д.* Ленинская аграрная политика. М., 1973.

132. *Гуров В.П.* Экономическое и политическое положение уральской деревни накануне перехода к новой экономической политике // Наш край. Свердловск, 1971. С. 115–123.

133. *Данилов В.П.* Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг. Очерк историографии // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.

134. *Данилов В.П.* Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1970). М., 1973.

135. *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991.
136. *Денисевич М.Н.* Индивидуальное хозяйство в политике Советского государства в 30-е – первой половине 80-х (на материалах Урала): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1993.
137. *Довжик Н.С., Лябах Н.И.* Роль общественных фондов потребления в повышении благосостояния трудящихся. Симферополь, 1960.
138. *Долгов В.С.* Общественное хозяйство колхозов к концу восстановительного периода // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973. Мат-лы конф. 1973. М., 1975.
139. Доходы крестьянских хозяйств Башкирской республики за 1924–1925 гг. Уфа, 1926.
140. *Дубоносов Д.И.* Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства (1945–1950 гг.). Ростов н/Д., 1970.
141. *Ефременков Н.В.* Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 123–158.
142. *Ефремов С.А.* Экономика сельского хозяйства Удмуртии. Ижевск, 1971.
143. *Журавский Д.П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. М., 1946.
144. *Жуков А.Л.* Жизнь крестьян прежде и теперь. Свердловск, 1939.
145. *Заславская Т.И.* Принцип материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах. М., 1958.
146. *Заславская Т.И.* Распределение по труду в колхозах. М., 1966.
147. *Заславская Т.И.* Проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, 1975.
148. *Заславская Т.И. и др.* Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.
149. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991.
150. *Званич В.И.* Годовые отчеты колхозников и их статистические разработки // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 51–64.
151. *Зверев П.Н.* Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Екатеринбург, 1889.

152. **Зверев Е.П.** Участие рабочего класса в улучшении материально-бытовых условий тружеников уральской деревни (1966–1975) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 148–163.
153. **Зеленин И.С.** Совхозы СССР (1941–1950 гг.). М., 1969.
154. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
155. **Зубкова Е.Ю.** Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4.
156. **Зубкова Е.Ю.** Общество и реформы 1945–1964 гг. М., 1993.
157. **Зубрилин Ю.** Экономическо-статистический анализ структурных сдвигов в распределении доходов семей рабочих и служащих // Вопросы социологии. 1971. № 11.
158. **Иванова М.А.** Партийные организации Урала в борьбе за укрепление колхозов (1935–1937) // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1967. С. 139–152.
159. **Иванова М.А.** Повышение жизненного уровня колхозного крестьянства Урала в годы второй пятилетки // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1985 гг.). С. 41–51.
160. **Иванова М.А.** Приусадебные хозяйства колхозников Урала в середине 30-х годов // Летопись уральских деревень: Тез. докл. рег. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995.
161. **Игнатовский П.А.** Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966.
162. **Игнатовский П.А.** Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971.
163. Из истории сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1973.
164. **Илишев Г.Ш.** Деятельность Башкирской партийной организации по развитию сельского хозяйства, 1946–1970 гг. Саратов, 1982.
165. История народного хозяйства Урала (1946–1985 гг.). Свердловск, 1990. Часть II.
166. История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 1950-х годов. М., 1988.
167. Итоги Второй мировой войны. М., 1957.
168. **Кабо Е.О.** К вопросу об изучении рабочего потребления // Плановое хозяйство. 1928. № 4. С. 291.

169. **Кабо Е.О.** Питание русского рабочего к началу 1924 года // Статистика труда. 1925. № 4.

170. **Кабо Е.О.** Бюджеты рабочих // Методологические вопросы статистики труда. М., 1967.

171. **Казанский Ф.** Доходность крестьянского хозяйства на Урале по социальным типам // Хозяйство Урала. 1927. № 10, 11.

172. **Казанский Ф.** О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале // Уральский коммунист. 1927. № 26–27.

173. **Калугина З.И., Антонова Т.П.** Личное подсобное хозяйство сельского населения. Новосибирск, 1984.

174. **Карпентян А.Х.** Доходы и потребление населения СССР М., 1980.

175. **Карр Э.** История Советской России. М., 1990.

176. **Кириченко Н.Я.** Рациональный потребительский бюджет населения СССР. М., 1974.

177. **Ковальченко И.Д.** Методы исторического исследования. М., 1987.

178. Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981.

179. **Колчанов М.В.** Собственность в социалистическом обществе. М., 1953.

180. **Комиссаров Ю., Славко Т.И.** Бюджетные обследования рабочих 20-х годов как исторический источник. Свердловск, 1991.

181. **Конквест Р.** Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 1, 4.

182. **Конквест Р.** Большой террор: В 2 т. Рига, 1991.

183. **Корнилов Г.Е., Мотревич В.П.** Колхозное крестьянство на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1985.

184. **Корнилов Г.Е.** Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990.

185. **Корнилов Г.Е.** Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Урала накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.) // Материальное благосостояние тружеников Уральской советской деревни (1917–1985 гг.). С. 52.

186. **Коробкова Р.** О роли бытового обслуживания населения Удмуртской АССР // Отраслевая экономика народного хозяйства Удмуртской АССР. Ижевск, 1974. С. 116–129.

187. **Костров Н.** Очерки крестьянских хозяйств в Черниговской губернии // Материалы бюджетных записей. Чернигов, 1918. Вып. 1.

188. *Красноперов Е.И.* Очерки экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи. Пермь, 1886.
189. *Красноперов Е.И.* Очерки подворного исследования экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенные в 1890–1891 гг. Пермь, 1896.
190. *Красноперов Е.И.* Енапаевская волость. Экономическое исследование. Сборник Пермского земства. Пермь, 1883. Кн. 1. Отд. 3. С. 1–189.
191. *Кузеев Р.Г., Ямалов М.Б.* Рабочий класс – колхозному крестьянству (из опыта шефства рабочего класса над колхозным крестьянством). Уфа, 1974.
192. *Кузнецов К.С., Теряева Р.И.* Интегрированные характеристики народного благосостояния // Социально-экономические проблемы благосостояния. М., 1976.
193. *Кулешов С.В. и др.* Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991.
194. *Лагутин Н.С.* Бюджет советской семьи. М., 1967.
195. *Левин Б.М.* Уровень жизни трудящихся: вчера, сегодня, завтра. М., 1967.
196. *Левин Б.М.* Уровень жизни: доходы, потребление, досуг. М., 1970.
197. Летопись уральских деревень: Тез. докл. рег. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995.
198. Ленинская программа социалистического преобразования сельского хозяйства и современность. Воронеж, 1970.
199. *Лисицкий Г.* Сельское хозяйство Свердловской области к 40-летию Великого Октября. Свердловск, 1957.
200. *Литошенко Л.Н.* Крестьянское хозяйство и его доходность по бюджетным данным // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925.
201. *Литошенко Л.Н.* Статистика крестьянских бюджетов // Хозяйственная статистика СССР. М., 1930.
202. *Локотченко В.Ф.* Роль ЛПХ в реализации продовольственной программы в Башкирии. Уфа, 1984.
203. *Львов В.* Бюджеты населения горнозаводского Урала (статистические данные) // Хозяйство Урала. 1929. № 7.

204. **Мазур Л.Н.** Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Урала в 1-й половине 1960-х годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Свердловск, 1992.

205. **Мазур Л.Н.** Крестьянский двор на Среднем Урале в первой половине 60-х годов // Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994. С. 100.

206. **Майер В.Ф.** Доходы населения и рост благосостояния народа. М., 1968.

207. **Майер В.Ф.** Уровень жизни населения СССР. М., 1977.

208. **Макарова И.В.** Общественное и личное в сельскохозяйственном производстве. М., 1982.

209. **Максимова И.В.** Сельское хозяйство Свердловской области за годы Советской власти. Свердловск, 1957.

210. **Мамяченков В.Н.** Материально-бытовое положение крестьянства Урала в 40-х годах // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 144.

211. **Мамяченков В.Н.** Данные бюджетных обследований о денежных доходах колхозников Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Екатеринбург, 1998. С. 67.

212. **Мамяченков В.Н.** Бюджетные исследования крестьянских хозяйств Пермской губернии конца XIX века: малоизвестные страницы // Вестник Гуманитарного университета. 1998. № 1. С. 107.

213. **Мамяченков В.Н.** Голод в уральской деревне в первые послевоенные годы: цифры и факты // Урал индустриальный. Материалы третьей региональной научной конференции. Екатеринбург, 1999. С. 207.

214. **Мамяченков В.Н.** Когда стала сокращаться численность сельского населения России? (К вопросу о достоверности материалов переписей 1937 и 1939 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2001. С. 268.

215. **Мамяченков В.Н.** Великая Отечественная война и уровень потребления колхозного крестьянства Урала // Мир и война: 1941 год: Доклады научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001. С. 114.

216. *Маневич Е.Л.* Жизненный уровень советского народа. М., 1959.
217. *Маневич Е.Л.* Проблемы общественного труда в СССР. М., 1966.
218. *Маслов П.Н.* Доход советской семьи. М., 1965.
219. *Масловский А.* К вопросу о земской статистике в Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1882. № 27, 28.
220. Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1985 гг.). Свердловск, 1988.
221. Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981.
222. *Матюха И.Я.* Статистика бюджетов населения. М., 1967.
223. *Матюха И.Я.* Статистика жизненного уровня населения. М., 1973.
224. *Мельников А.* Бюджеты рабочих совхозов // Статистическое обозрение. 1927. № 12. С. 57–61.
225. *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1.
226. *Метельский Н.Н.* Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919–1921). Свердловск, 1991.
227. Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. М., 1962.
228. *Миженская Э.Ф.* Личные потребности при социализме. М., 1973.
229. *Мишахин В.И.* Победа колхозного строя и рост материального благосостояния крестьянства // Прошлое и настоящее сел Удмуртии. Ижевск, 1973.
230. *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е годы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Екатеринбург, 1993.
231. *Мотревич В.П.* Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Свердловск, 1991.
232. *Мотревич В.П.* Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950). Свердловск, 1990.
233. *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950). Свердловск, 1993.
234. *Муравьев В.Е.* Социальный состав уральской доколхозной деревни середины 20-х годов // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1972. Вып. 3. С. 3–13.

235. *Мыльников А.* Тенденции развития личного подсобного хозяйства сельских тружеников // Отраслевая экономика подсобного хозяйства Удмуртской АССР. Ижевск, 1974. С. 104–115.

236. *Назаров Р.С., Синютин В.М., Шнирлин Ю.Л.* Потребление в СССР и методика его исчисления. М., 1959.

237. Народное благосостояние: методология и методика исследования. М., 1988.

238. Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни. Сборник научных трудов УНЦ АН СССР. Свердловск, 1987.

239. *Никольский К.* К вопросу о рабочих, живущих в деревне (по материалам обследований) // Большевик. 1927. № 4. С. 41–45.

240. Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни: Сборник статей. Свердловск, 1985.

241. *Орлов В.А., Шохин А.Н.* Некоторые методологические вопросы исследования денежных доходов населения // Известия АН СССР. Серия экономики. 1976. № 5.

242. *Орлов В.А., Шевяков Ю.Е., Шохин А.Н.* К методологии построения показателей реального создания доходов населения // Проблемы перспективного использования народного хозяйства. М., 1977.

243. *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967.

244. *Островский В.Б.* Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977.

245. *Павлов И.В.* Право личной собственности колхозного двора. М., 1955.

246. *Павлов Н.П.* Крестьянство Удмуртии в 1946–1970 гг. Ижевск, 1975.

247. *Павлов П.М., Каганов Е.Д.* Социалистическое воспроизводство на современном этапе. М., 1963.

248. *Палабузин В.К.* Рост технической оснащенности колхозов РСФСР в первые послевоенные годы // История СССР. 1969. № 1.

249. *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.

250. *Партигул С.П.* Статистика материального и культурного уровня народа. М., 1956.

251. Партия – организатор крутого подъема сельского хозяйства СССР, 1953–1958 гг. М., 1958.

252. *Пастушенко В.М., Максимов В.А.* Проблемы развития личных подсобных хозяйств // Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития. Уфа, 1983. С. 48–64.
253. *Плотникова В.Е., Луцина В.Е., Деменева Л.А.* Роль натуральных выплат и личного подсобного хозяйства в доходах и потреблении населения // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976. С. 127–131.
254. *Плотникова В.Е., Севрюкова М.П.* Материальное стимулирование – важный фактор использования трудовых ресурсов сельского хозяйства // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. С. 137–142.
255. *Поздеев Г.А.* По ленинскому кооперативному плану. Ижевск, 1969.
256. *Поздеев Г.А.* Работать производительнее, жить лучше. Ижевск, 1974.
257. *Полляк Г.* Бюджет и семья // Экономическое обозрение. 1930. № 3. С. 75–102.
258. *Пономарева Р.Н.* Деятельность партийных организаций по улучшению учета и оплаты труда в колхозах Зауралья в 1931–1932 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1968. Вып. 2. С. 139–152.
259. *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1946–1953). Париж, 1992.
260. *Постников С.В.* О методах отбора семей рабочих, служащих и колхозников для обследования их бюджетов // Вестник статистики. 1953. № 3.
261. Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971.
262. Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981.
263. Проблемы социалистического образа жизни. М., 1977.
264. *Прокопович С.Н.* Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909.
265. Рабочий класс СССР (1951–1965). М., 1969.
266. Развитие культуры уральской советской деревни (1917–1987 гг.). Свердловск, 1990.
267. Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938–1958 гг.). Свердловск, 1982.

268. Развитие сельского хозяйства в послевоенной пятилетке. М., 1946.
269. Развитие сельского хозяйства в послевоенные годы (1946--1970). М., 1972.
270. Развитие сельского хозяйства в Свердловской области за годы Советской власти (1917--1987гг.). Свердловск, 1987.
271. Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. М., 1965.
272. *Ракитский Б.В., Шохин А.Н.* Закономерность формирования и реализация трудовых доходов при социализме. М., 1987.
273. *Рафикова Н.Д.* Материальное положение колхозного крестьянства Урала (1975--1985 гг.) // Октябрь на Урале: история и современность. Свердловск, 1989. С. 107.
274. *Рафикова Н.Д.* Колхозное крестьянство Урала в 1971--1985 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989.
275. *Редькина З.З.* К вопросу о классификации потребностей // Успехи строительства коммунизма в СССР и углубление общего кризиса капитализма. М., 1974. С. 135.
276. *Римашевская и др.* Народное благосостояние: методология и методика исследования. М., 1988.
277. Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1991. С.241.
278. *Рувинская Л.М., Бородин Ф.М. и др.* Исследование структурных сдвигов в потреблении на основе анализа семейных бюджетов. Новосибирск, 1988.
279. *Русинов И.В.* Аграрная политика КПСС в 50-е -- первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8.
280. *Рыбаков А.Н.* Страх (Тридцать пятый и другие годы): Роман: В 2 кн. М., 1991.
281. *Рыбкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979.
282. Рыночный оборот крестьянских хозяйств. М., 1928. Вып. 1.
283. *Рябкин В.И.* Статистика денежных накоплений населения. М., 1980.
284. *Саидов К.* Критерии и показатели уровня жизни: Сборник научных трудов Тюменского института народного хозяйства. Тюмень, 1978. Вып.147.

285. *Саматов В.А. и др.* История советского Урала, 1946–1975. Свердловск, 1983.

286. *Сбитнева Л.В.* Материальное положение колхозного крестьянства Урала в 1933–1937 гг. // Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства и социальное развитие деревни в годы советской власти (информационные материалы). Свердловск, 1989.

287. *Свавицкий Н.А.* Земские подворные переписи. М., 1961.

288. *Семенов П.П.* Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. М., 1880.

289. *Сергеев С.С.* Вопросы экономико-статистического анализа колхозного производства. М., 1956.

290. *Серебренникова Р.А.* Роль бытовых услуг в повышении уровня жизни населения // Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976. С. 94–97.

291. *Сидорова А.П.* О комплексном развитии сельского хозяйства Свердловской области // Ученые записки Уральского университета. Свердловск. 1955. Вып.14.

292. *Скалозубов Н.Л.* Материалы для статистики Красноуфимского уезда // Сельское хозяйство Сибири. 1961. № 6. С. 73–76.

293. *Синютин В.М.* На пути к рациональному потреблению непродовольственных товаров. М., 1964.

294. *Славко Т.И.* Математические методы в исторических исследованиях. Екатеринбург, 1995.

295. Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978.

296. Совхозы Урала в период социализма. 1938–1985гг.: Сборник научных трудов. Свердловск, 1986.

297. *Соколов А.А. и др.* Животноводство в личном подсобном хозяйстве. Ижевск, 1991.

298. *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). СПб., 1998.

299. *Соколов Б.В.* Цена Победы. М., 1991.

300. *Сонин М.Я.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959.

301. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков «О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР». М., 1945.

302. Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период): Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1988.

303. Социально-экономические проблемы в сельском хозяйстве: Сборник статей. Кишинев, 1976.

304. Социально-экономические проблемы развития Уральского села в 1960–1980 годы. Свердловск, 1985.

305. Социалистическое преобразование сельского хозяйства. Формирование аграрно-промышленного комплекса на Урале. Информационные материалы. Свердловск, 1988.

306. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953.

307. Статистические методы в исследованиях труда, доходов и потребления. М., 1981.

308. Статистика бюджетов времени трудящихся. М., 1967.

309. *Струмилин С.Г.* Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг. М.; Л., 1924.

310. *Струмилин С.Г.* Статистико-экономические очерки. М., 1958.

311. *Студенский Г.А.* Бюджет крестьянского хозяйства. Изд. 2-е. М., 1927.

312. *Суслов И.Ф.* Экономические проблемы развития колхозов. М., 1967.

313. *Татарская Н., Гурьянов А.* Бюджет рабочей семьи. М., 1957.

314. *Телицын В.А.* Крестьянское хозяйство Урала в условиях военного коммунизма // Летопись уральских деревень: Тез. докл. рег. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995.

315. *Тертышный А.Т.* Деятельность коммунистов Урала по укреплению деревенских Советов и оказанию хозяйственной помощи крестьянству (1919–1920 гг.) // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971, С. 52–64.

316. *Теряева А.П.* Вопросы организации и оплаты труда в колхозах. М., 1954.
317. *Теряева А.П.* Развитие форм организации и оплаты труда в колхозах // Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1959.
318. *Толмачева Н.С. и др.* Мы приближали победу. Екатеринбург, 2000.
319. *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск, 1979. ·
320. *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в 1950-е годы. Томск, 1981.
321. *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в послевоенные годы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Свердловск, 1982.
322. *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала. 1959–1965 гг. Свердловск, 1987.
323. *Травинцев А.Н.* Развитие сельского хозяйства в Свердловской области. Свердловск, 1958.
324. *Третьяков В.В.* Изменения в материальном положении уральского крестьянства в результате осуществления Декрета о земле // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1985 гг.). Свердловск, 1988. С. 14–21.
325. *Трифонов Е.В.* Территориальные особенности уровней заработной платы в сельском хозяйстве Урала // Труд и кадры в народном хозяйстве. Свердловск, 1975. С. 122–129.
326. Труды совещания при Пермской губернской земской управе о мерах к улучшению экономического положения крестьянского населения. Пермь, 1893.
327. *Тюрев Е.И.* Воспроизводство в колхозах, совхозах и личных подсобных хозяйствах. Ижевск, 1981.
328. Уральская энциклопедия. Екатеринбург, 1999.
329. Уральское село в XX веке: Сборник статей и информационных материалов. Екатеринбург, 1994.
330. Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района. Свердловск, 1976.
331. *Усов А.Н.* Колхозы в системе сельскохозяйственного производства: уроки НЭПа // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период. Свердловск, 1992.
331. *Фейгина Г.Л.* Опыт исследования потребления населения по материалам статистики семейных бюджетов // Проблемы экономической статистики. 1975. Вып. 8.

332. **Фигурнов С.П.** Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М., 1960.
333. **Фигурнов С.П.** Строительство коммунизма и рост благосостояния народа. М., 1962.
334. **Филиппов Н.Н., Трифонов Е.В.** Повышение материального уровня жизни колхозников Урала // Труд и кадры в народном хозяйстве. Свердловск, 1976. С. 119–128.
335. **Хоскинг Дж.** История Советского Союза. 1917–1991. М., 1995.
336. **Цыганов В.Б.** Колхозы Урала (1933–1941 гг.). Свердловск, 1991.
337. **Чаянов А.В.** Бюджеты крестьян Старобельского уезда. Харьков, 1915.
338. **Чаянов А.В.** Крестьянское хозяйство. М., 1989.
339. **Чаянов А.В.** Избранные труды. М., 1991.
340. **Челинцев А.Н.** Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства. Харьков, 1919.
341. **Челинцев А.Н.** Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919.
342. **Чернявский У.Г.** Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне. М., 1964.
343. **Чернявский У.Г.** Доходы населения и потребление материальных благ в развитом социалистическом обществе // История СССР. 1978. № 1.
344. **Чураков В.Я., Суворова Л.И.** Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах. М., 1967.
346. **Шаталин С.Н.** Методологические проблемы анализа народного благосостояния // Вопросы экономики. 1980. № 10.
347. **Швырков В.В.** Закономерности потребления промышленных и продовольственных товаров. М., 1965.
348. **Шеврин И.Л.** Данные бюджетных обследований материального положения крестьянства Урала в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1985 гг.). С.22–32.
349. **Шеврин И.Л.** Крестьянство Урала в 20-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989.
350. **Шернаев В.И.** Проблемы войны и мира в политологии. Екатеринбург, 1999.

351. *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971.
352. *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы. М., 1983.
353. *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство. М., 1985.
354. *Шульц В.Д.* Оплата по труду в условиях индустриализации сельскохозяйственного производства под влиянием научно-технической революции. Свердловск, 1977.
355. *Шульц В.Д.* Сочетание уровня оплаты труда и доходов от личного подсобного хозяйства колхозников на современном этапе // Продовольственная программа: социально-экономические аспекты реализации. Сборник научных трудов. Свердловск, 1984. С. 121.
356. *Шульц В.Д., Ильяшенко В.В.* Некоторые вопросы развития ЛПХ // Продовольственная программа: социально-экономические аспекты реализации. Свердловск, 1984. С. 68–74.
357. *Щербина Ф.А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897.
358. *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.
359. Экономическая жизнь СССР, 1917–1965. Хроника событий и фактов: В 2 кн. М., 1967.
360. *Яковлев А.Н.* Горькая чаша. Ярославль. 1994.
361. *Яковлев Я.* Наша деревня: новое в старом и старое в новом. М., 1924.

V. Художественная, мемуарная и публицистическая литература

362. *Абрамов Ф.А.* Собрание сочинений: В 6 т. Л., 1990.
363. *Аджубей А.И.* Те десять лет. М., 1989.
364. *Бабаевский С.П.* Кавалер Золотой Звезды. М., 1949.
365. *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. М., 1990.
366. *Жид А.* Возвращение из СССР: В сборнике: Два взгляда из-за рубежа: Переводы. М., 1990.
367. *Зверев А.Г.* Записки министра. М., 1973.
368. *Королев Ю.А.* Кремлевский советник. М., 1995.

369. **Леонов Н.С.** Лихолетье. М., 1995.
370. **Никонов Н.Г.** Дальние берега: Повести. Свердловск, 1980.
371. **Носов Е.И.** В чистом поле...: Повести, рассказы. М., 1980.
372. **Овечкин В.В.** Избранные произведения: В 2 т. М., 1963.
373. **Панова В.Ф.** Собрание сочинений: В 5 т. М., 1969.
374. **Рыбаков А.Н.** Страх (Тридцать пятый и другие годы): Роман: В 2 кн. М., 1991.
375. **Селюнин В.** Истоки // Новый мир. 1988. № 5.
376. **Солженицын А.И.** Малое собрание сочинений: В 8 т. М., 1991.
377. **Стейнбек Дж.** Русский дневник. М., 1989.
378. **Стреляный А.** Последний романтик // Дружба народов. 1988. № 11.
379. **Тендряков В.Ф.** Собрание сочинений: В 4 т. М., 1978.
380. **Черчилль У.** Вторая мировая война. Ростов-н/Д., 1997.
381. **Шукин В.М.** Собрание сочинений: В 3 т. М., 1984.

VI. Интернет-источники

[http // bashinfo.ru](http://bashinfo.ru)
[http // gks.ru](http://gks.ru)
[http // strategy.burg.ru](http://strategy.burg.ru)

Приложения

Приложение 1

Динамика численности населения России (млн. чел.)

Годы	Всего населения	В том числе	
		Городское	Сельское
1897*	67,5	9,9	57,6
1914*	89,9	15,7	74,2
1917	91,0	15,5	75,5
1920	88,2	12,5	75,7
1926	92,7	16,4	76,3
1937	103,9	34,3	69,6
1939	108,4	36,3	72,1
1940	110,1	37,9	72,2
1951	102,9	45,9	57,0
1956	112,3	55,4	56,9
1959	117,5	61,6	55,9
1961	120,8	66,1	54,7
1966	127,2	74,7	52,5
1970	130,1	81,0	49,1
1981	139,0	97,7	41,3
1990	148,0	109,2	38,8
1996	148,0	108,1	39,9

* В современных границах

Источник: Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 37.

Приложение 2

**Динамика численности сельского населения Урала
накануне Великой Отечественной войны
и в послевоенный период (тыс. чел.)**

Республики, области	Годы							
	1939	1941*	1946	1950	1959	1970	1979	1996
Башкирия	2618	2632	1933	1944	2060	1979	1662	1446
Удмуртия	902	908	662	689	744	609	518	496
Курганская	879	-	637	616	671	621	533	501
Оренбургская	1292	1226	1058	957	1005	962	829	801
Пермская	1258	1252	1136	1047	1226	993	787	708
Свердловская	1056	1017	801	811	970	835	667	581
Челябинская	693	1700**	520	556	703	726	648	690

* На 01.12.1941-го года.

** Вместе с Курганской областью.

Источники: *Анимица Е.М.* Весь Урал. Справочник. Екатеринбург, 1996. С. 12; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1979. Т. 1. С. 30, 32; *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 30; *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950). Свердловск, 1993. С. 75; Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 22, 23, 712.

Электрификация колхозов Урала

Республики, области	Количество электрифицированных колхозов в процентах от их общей численности в 1940 - 1950-х годах							
	1940	1945	1946	1948	1950	1953	1958	1960
Башкирия	1,3	2,3	3,2	6,1	9,0	н/св	39,0	62,0
Удмуртия	1,2	3,6	5,8	16,1	28,6	н/св	57,0	84,0
Курганская	0,1	0,5	1,1	3,8	9,0	15,0	50,0	н/св
Свердловская	9,9	34,7	53,0	80,4	86,8	81,0	81,0	89,0
Оренбургская	0,8	1,2	1,6	5,0	11,1	20,5	49,0	н/св
Пермская	2,3	5,3	8,7	21,9	29,9	37,0	53,0	77,0
Челябинская	3,8	6,5	11,9	26,4	37,3	50,0	90,0	н/св

Источники: Мотревич В.П. Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Свердловск, 1990. С. 35; *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в 1950-е годы. Томск, 1981. С. 45, 48; Народное хозяйство Курганской области. Статистический сборник. Челябинск, 1957. С. 104; Оренбургская область за 25 лет: Статистический сборник. Оренбург, 1960. С. 56; Народное хозяйство Свердловской области: Статистический сборник. Свердловск, 1962. С. 131; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Статистический сборник. Пермь, 1967. С. 145; Народное хозяйство Челябинской области: Статистический сборник. Челябинск, 1961. С. 100 (расчеты автора).

Приложение 4

**Потребление основных продуктов питания
колхозниками Урала в годы Великой Отечественной
войны (кг на одну наличную душу в год)**

Республика, области	Годы	Хлеб и хлебопродукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясопродукты	Молоко	Яйца (штук)
Башкирия	1940	170	123	131	19	103	32
	1941	182	174	25	13	100	25
	1942	145	324	18	12	116	43
	1943	65	403	5	9	140	24
	1944	62	395	13	5	172	13
	1945	66	487	23	6	182	11
Оренбургская	1940	154	64	81	18	96	54
	1941	188	94	78	12	127	34
	1942	158	196	72	11	139	62
	1943	106	262	78	15	163	49
	1944	82	261	90	11	217	26
	1945	99	288	126	10	218	31

Окончание табл. на след. стр.

Источники: **Денисевич М.Н.** Индивидуальные хозяйства на Урале. Екатеринбург, 1991. С. 81, 176, 177; **Корнилов Г.Е.** Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 178; **Мотревич В.П.** Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945)// Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 63; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.457. Л.63, 66, 72, 77. Д.513. Л.56, 57, 60, 61, 81, 82, 85, 86. Д.514. Л.64, 65, 68, 69, 82, 83, 86, 87. Д.515. Л.74, 77, 78, 86, 87, 88, 89. Д.516. Л.78, 81, 93, 98. Д.517. Л.82, 85, 91, 94.

Республика, область	Годы	Хлеб и хлебобулочные продукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Мясо и мясные продукты	Молоко	Яйца (штуки)
Свердловская	1940	243	124	38	21	135	81
	1941	223	165	41	17	141	62
	1942	176	236	56	13	161	51
	1943	129	374	80	11	204	45
	1944	114	362	81	9	235	26
	1945	137	416	92	11	221	31
В среднем по Уралу	1941	199	145	47	14	121	51
	1942	162	247	52	12	138	56
	1943	101	337	67	12	168	45
	1944	86	343	72	9	200	28
	1945	102	390	91	8	202	29

Приложение 5

**Потребление основных продуктов питания колхозниками
Свердловской области в годы Великой Отечественной
войны (кг на одну наличную душу в год)**

Виды продуктов	Годы					1945
	1940	1941	1942	1943	1944	
Зернобобовые (сырые и переработанные)	223	209	163	104	86	113
Картофель	124	165	236	374	362	416
Овощи и бахчевые	38	41	56	80	81	92
Кормовые корнеплоды	0,2	0,1	0,9	3,2	4,2	1,7
Мясо и мясопродукты	21	17	13	12	9	11
Молоко и мол. продукты	135	141	161	204	235	221
Яйца (шт.)	81	62	51	45	26	31
Сахар	2,0	1,4	0,1	0,06	0,03	0,2
Кондитерские изделия	1,2	1,2	0,02	0,02	0,01	0,07
Рыба всякая	3,0	1,8	0,3	1,1	1,2	0,8
Фрукты и ягоды свежие	3,9	2,7	н/св.	0,6	1,1	2,0

Источники: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. Екатеринбург, 1991. С. 81, 176, 177; *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 178; *Мотревич В.П.* Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 63; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 457. Л. 63, 66, 72, 77. Д. 513. Л. 56, 57, 60, 61, 81, 82, 85, 86. Д. 514. Л. 64, 65, 68, 69, 82, 83, 86, 87. Д. 515. Л. 74, 77, 78, 86, 87, 88, 89. Д. 516. Л. 78, 81, 93, 98. Д. 517. Л. 82, 85, 91, 94.

Приложение 6

**Денежные доходы колхозников в Свердловской области
в годы войны (рублей на одну наличную душу)**

Годы	Всего дохо- дов	В том числе получено:									
		от продажи продук- тов с/хозяй- ства		от прода- жи скота, птицы, пчел		за работу в колхозе, МТС и по найму		пенсий и различ- ных посо- бий		прочих дохо- дов	
		руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
1940	701	273	39	92	13	187	27	13	2	136	19
1941	695	269	39	94	13	173	25	25	4	134	19
1942	883	432	49	20	2	161	18	85	10	185	21
1943	1645	1009	61	78	5	215	13	81	5	262	16
1944	1432	855	60	48	3	225	16	84	6	220	15
1945	1401	784	56	132	9	214	15	80	6	191	14

Источники: Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 167; Мотревич В.П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение грудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 59; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.457. Л.64, 65, 74, 75; Д.513. Л.58, 59, 83, 84; Д.514. Л.66, 67, 84, 85; Д.515. Л.75, 76, 90, 91; Д.516. Л.79, 80, 95, 96; Д.517. Л.81, 86, 92, 93.

Денежные расходы колхозников в Свердловской области в годы войны
(рублей на одну наличную душу)

Приложение 7

Годы	Всего рас-хо-дов	В том числе израсходовано:														прочие расходы	
		на покупку пром-товаров (в том числе продуктов)		на покупку хлеба		на покупку прод. с/х, охоты и рыболовства		на покупку скота, птицы, пчел		на уплату налогов и покупке облигаций госзаймов							
		руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%				
		руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%				
1940	694	311	45	23	3	94	14	41	6	44	6			181	26		
1941	679	270	40	12	1	77	11	52	8	78	12			189	28		
1942	861	228	26	31	4	110	13	22	3	194	22			276	32		
1943	1675	569	34	132	8	169	10	61	4	373	22			371	22		
1944	1276	496	39	121	9	201	16	42	3	328	26			88	7		
1945	1362	594	44	26	2	157	12	48	3	287	21			257	18		

Источники: Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 167; Мотревич В.П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 59; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 457. Л. 64, 65, 74, 75; Д. 513. Л. 58, 59, 83, 84; Д. 514. Л. 66, 67, 84, 85; Д. 515. Л. 75, 76, 90, 91; Д. 516. Л. 79, 80, 95, 96; Д. 517. Л. 81, 86, 92, 93.

**Государственные розничные цены на промтовары
до Великой Отечественной войны и в первые
послевоенные годы (в рублях за единицу товара)**

Виды товаров	1940	1947	1949	1951	1953
Пальто зимнее	388,00	840,90	740,00	592,00	592,00
Пальто демисезонное	196,00	569,31	501,00	390,00	390,00
Костюм двубортный	410,00	1005,60	885,60	796,60	796,60
Костюм х/б двубортный	82,00	192,00	192,00	167,00	167,00
Брюки х/б	36,00	84,00	84,00	73,00	63,50
Телогрейка ватная	41,00	102,00	102,00	87,00	76,50
Рубашка верхняя рабочая	18,33	52,55	52,55	44,67	38,00
Рубашка верхняя праздничная	35,00	86,00	86,00	71,00	61,50
Рубашка нижняя	14,40	32,00	32,00	27,80	24,10
Кальсоны	17,50	40,00	40,00	34,80	30,00
Носки	3,00	7,00	7,00	5,95	4,25
Кепи	25,00	107,23	91,15	59,25	53,30

Продолжение табл. на след. стр.

Источник: Алексеев В.В., Букин С.С. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980. С. 99–100.

Виды товаров	1940	1947	1949	1951	1953
Полуботинки праздничные (на кожаной подошве)	130,00	260,00	221,00	221,00	203,00
Ботинки рабочие (на резиновой подошве)	50,00	97,00	97,00	82,00	74,00
Галоши мужские, I сорт	22,00	45,00	45,00	40,50	34,40
Сапоги валяные	60,00	194,66	194,66	146,00	139,00
Простыня полульняная	24,00	65,00	65,00	55,20	50,80
Полотенце льняное	5,30	14,07	14,07	12,10	11,10
Наволочка (бязь, 1,5 м)	6,15	17,65	17,65	15,00	12,75
Одеяло шерстяное	55,00	148,75	148,75	199,00	113,05
Матрац	38,00	77,00	77,00	65,45	55,63
Стул	13,00	34,00	34,00	27,00	25,80
Стол обеденный	100,00	231,00	231,00	185,00	176,00
Кровать	540,00	600,00	600,00	432,00	432,00
Часы наручные "Звезда"	450,00	900,00	500,00	360,00	342,00

Окончание табл. на след. стр.

Виды товаров	1940	1947	1949	1951	1953
Часы наручные "Звезда"	450,00	900,00	500,00	360,00	342,00
Кастрюля алюминиевая	8,00	18,14	18,14	12,70	11,40
Чайник эмалированный	13,00	24,90	24,90	21,20	19,10
Таз эмалированный	8,00	20,00	20,00	17,00	15,30
Тарелка глубокая	2,90	11,20	11,20	7,15	6,10
Чашка чайная	2,05	9,00	9,00	5,75	4,90

Приложение 9

Государственные розничные цены на продукты питания
в первые послевоенные годы (рублей за кг)

Виды продуктов	Годы				
	1947	1949	1951	1952	1953
Мука ржаная (обойная, I с.)	4,80	4,40	2,80	2,50	2,25
Мука пшеничная (обойная, I с.)	8,00	7,20	4,20	3,60	3,25
Хлеб ржаной	3,00	2,70	1,70	1,50	1,35
Хлеб пшеничный	4,40	4,00	2,40	2,00	1,80
Пшено и крупа гречневая*	9,00	8,10	5,60	4,75	4,27
Макароны (из пшеничной муки, I с.)	10,00	9,00	5,70	4,80	4,30
Картофель	1,00	1,00	0,90	0,90	0,45
Капуста квашеная	1,80	1,80	1,50	1,50	0,75
Фрукты свежие (яблоки, I с.)**	20,50	20,50	16,40	13,10	6,55
Фрукты сушеные (урюк)	23,00	23,00	18,40	14,70	11,80

Окончание табл. на след. стр.

* Средняя цена на пшено и гречневую крупу.

** Цена выведена из летних и зимних цен на яблоки в соотношении 1:1.

*** Средняя цена на сахар-рафинад и сахарный песок.

Источник: *Алексеев В.В., Букин С.С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980. С. 97-98.

Виды продуктов	Годы				
	1947	1949	1951	1952	1953
Молоко (цельное)	3,33	3,38	2,67	2,43	2,43
Сметана (30% жирности, I с.)	21,67	2,67	15,60	14,07	14,07
Сыр голландский (45% жирности)	58,00	50,00	36,00	28,80	28,80
Творог (жирный, I с.)	9,50	9,00	6,50	5,83	5,83
Масло сливочное (несоленное)	62,00	56,00	33,20	28,30	25,50
Маргарин (столовый, I с.)	33,00	33,00	19,30	16,40	14,80
Масло растительное (нерафинир., I с.)	29,00	29,00	26,10	20,90	18,80
Яйцо (столовое, I с.), десяток	13,33	13,33	10,20	8,67	7,80
Мясо (говядина сред. упит., I с.)	30,00	27,00	17,40	14,80	12,60
Сахар***	14,25	14,25	12,35	11,15	10,05
Конфеты (фруктово- ягодная смесь)	23,00	23,00	20,40	18,40	16,60
Печенье (из муки в/с)	22,00	20,00	14,40	12,70	11,40
Чай (грузинский, I с.)	160,00	160,00	130,00	104,00	84,00

Использование труда колхозников Урала
(суммарно на 100 хозяйств)

Приложение 10

Годы	Республика, области	Отработано часов				В процентах			
		в колхозе и МТС	по найму	в ЛПХ, на кустарных работах, на охоте	всего	в колхозе	по найму	в ЛПХ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
1946	Башкирия	276995	33453	114652	425100	65,2	7,9	26,9	
	Чкаловская	282734	33986	123303	440023	64,3	7,7	28,0	
	Свердловская	408391	41360	98804	548555	74,4	7,5	18,1	

Продолжение табл. на след. стр.

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.78, 80, 81, 165, 167, 168. Д.2228. Л.80, 82, 83, 165, 167, 170. Д.2663. Л.81 – 83, 166 – 168. Д.3177. Л.80, 82, 83, 165, 167, 168. Л.3714. Л.97, 99, 100, 199, 201, 202; Оп.26. Д.88. Л.35, 36, 130, 131, 178, 179. Д.357. Л.103, 119, 125. Д.443. Л.213, 214, 223, 224, 227, 228. Д.536. Л.213, 214, 219, 220, 225, 226. Д.663. Л.121, 122, 123, 271, 272, 273. Д.752. Л.169 – 171. Д.841. Л.30, 36, 42, 187, 193, 205. Д.933. Л.102 – 104, 206 – 208; ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.914. Л.21. Д.1916. Л.11, 13 (расчеты автора).

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1947	Башкирия	269394	35080	136528	441002	61,1	8,0	30,9
	Чкаловская	325253	35026	140586	500865	64,9	7,0	28,1
	Свердловская	442837	37824	105753	586414	75,5	6,4	18,1
1948	Башкирия	276775	38968	134757	450500	61,4	8,6	30,0
	Чкаловская	317292	33352	127508	478152	66,4	7,0	26,6
	Свердловская	421676	42311	97877	561864	75,0	7,5	17,5
1949	Башкирия	266834	42728	127490	437052	61,1	9,8	29,1
	Чкаловская	296552	43589	116665	456806	64,9	9,5	25,6
	Свердловская	396770	46113	91726	534609	73,0	8,6	18,4
1950	Башкирия	319075	40563	115666	475304	67,1	8,5	24,4
	Чкаловская	340183	41249	109135	490567	69,3	8,4	27,3
	Свердловская	401517	46708	95579	543804	73,8	8,6	17,6

Продолжение табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1951	Башкирия	Нет сведений						
	Чкаловская	Нет сведений						
	Свердловская	387896	44184	87783	519863	74,6	8,5	16,9
1952	Башкирия	313399	37630	106861	457890	68,4	8,2	23,4
	Чкаловская	334217	42671	102064	478952	69,8	8,9	21,3
	Свердловская	399857	58652	84881	543390	73,6	10,8	15,6
1953	Башкирия	Нет сведений						
	Чкаловская	Нет сведений						
	Свердловская	379344	40598	89677	509619	74,4	8,0	17,6
1954	Башкирия	322949	34266	113890	471105	68,6	7,3	24,1
	Чкаловская	324249	35756	120436	480441	67,5	7,4	25,1
	Свердловская	390832	36526	99528	526886	74,2	6,9	18,9

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1955	Башкирия	318710	39382	128843	486935	65,2	8,1	26,7
	Чкаловская	312282	33767	113765	459814	67,9	7,3	24,8
	Свердловская	399953	46689	110883	557525	71,7	8,4	19,9
1956	Башкирия	317054	40972	132862	490888	64,6	8,3	27,1
	Чкаловская	317573	28850	113009	459432	69,1	6,3	24,6
	Свердловская	399666	41570	114909	556145	71,9	7,5	20,6
1957	Башкирия	284386	36340	132884	445610	62,7	8,1	29,2
	Оренбургская	296333	27983	117833	442149	67,0	6,3	26,7
	Свердловская	377862	38172	116972	533006	70,9	7,2	21,9
1958	Башкирия	284418	39542	133213	457173	62,2	8,6	29,2
	Оренбургская	291722	29984	117353	439059	66,4	6,8	26,8
	Свердловская	358117	45544	112454	516115	69,4	8,8	21,8

Окончание табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1959	Башкирия	284435	38279	132285	454999	62,4	8,4	29,2
	Оренбургская	279161	31532	117018	427711	65,3	7,4	27,3
	Свердловская	344838	39048	113971	497857	69,3	7,8	22,9
1960	Башкирия	254187	38295	127986	420468	60,5	9,1	30,4
	Оренбургская	277964	34062	114293	426319	65,2	8,0	26,8
	Свердловская	317546	57316	117062	491924	64,6	11,7	24,7

**Натуральный доход колхозников Урала за работу
в колхозе и МТС (кг на одну наличную душу в год)**

Республика, области	Наименование продуктов	Годы			
		1946	1950	1955	1960
Башкирия	Зернобобовые	42	172	188	265
	Овощи и бахчевые	4	14	20	13
	Картофель	24	22	28	54
	Мясо и мясопродукты	0,1	-	-	-
	Молокопродукты	0,7	0,5*	4,5	2,6
Оренбург- ская	Зернобобовые	53	67	210	290
	Овощи и бахчевые	135	79	138	220
	Картофель	2	22	28	5
	Мясо и мясопродукты	-	-	-	-
	Молокопродукты	-	-	1,8	-

Окончание табл. на след. стр.

* Данные 1949 года. ** Данные 1956 года.

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.20, 21, 37, 39, 107, 108, 122, 124. Д.3714. Л.31, 32, 66, 133, 134, 151; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9, 10, 11, 12; Оп.14. Д.657. Л.11, 12, 23, 24. Д.2744. Л.16, 17. Д.3009. Л.62, 63 (расчеты автора).

Республика, области	Наименование продуктов	Годы			
		1946	1950	1955	1960
Свердлов- ская	Зернобобовые	174	178	312**	319
	Овощи и бахчевые	5	33	33**	4
	Картофель	5	19	11	4
	Мясо и мясопродукты	0,2	0,1	0,3	-
	Молокопродукты	0,1	1,5	9	4

Обеспеченность скотом колхозников Урала
(голов на 100 наличных душ колхозников на начало года)

Годы	Республика, области	Крупный рогатый скот	Свины	Овцы и козы	Птица	Кролики	Пчелы (рои)	Лошади
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1946	Башкирия	129,9	9,4	236,1	255,1	-	21,4	-
	Чкаловская	162,9	9,3	234,6	524,7	-	10,0	0,1
	Свердловская	132,7	10,3	172,6	441,1	3,2	9,3	-
1947	Башкирия	142,7	13,9	222,1	419,0	-	28,0	0,2
	Чкаловская	161,6	11,0	225,8	606,3	-	12,4	0,2
	Свердловская	121,3	8,7	151,1	492,7	6,8	8,5	-

Продолжение табл. на след. стр.

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.216, 218, 219. Д.2228. Л.224, 225, 227. Д.2663. Л.216, 218, 219. Д.3177. Л.233, 235, 236. Д.3714. Л.250, 252, 253; Оп.26. Д.88. Л.25, 26, 121, 129, 168. Д.357. Л.3, 21, 25. Д.443. Л.18, 20, 22. Д.536. Л.7, 43, 45. Д.633. Л.5, 6, 22. Д.751. Л.156 - 158. Д.841. Л.192, 198, 210. Д.933. Л.24 - 26 (расчеты автора).

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1948	Башки- рия	145,5	5,7	217,2	360,8	-	28,0	-
	Чкалов- ская	163,3	8,4	224,9	540,6	-	12,4	0,1
	Сверд- ловская	121,1	2,6	138,9	409,3	5,6	7,5	-
1949	Башки- рия	155,2	5,3	213,1	416,7	-	34,3	-
	Чкалов- ская	154,3	7,6	206,3	680,1	-	14,0	0,1
	Сверд- ловская	117,4	10,7	131,3	451,2	24,0	8,5	-
1950	Башки- рия	129,9	4,3	173,5	425,3	1,2	39,1	-
	Чкалов- ская	147,7	6,4	179,1	653,2	-	13,3	-
	Сверд- ловская	107,2	15,9	119,9	579,6	24,8	8,9	-
1951	Башки- рия	110,6	5,5	171,1	485,1	1,4	38,7	-
	Чкалов- ская	138,1	9,3	173,6	792,8	-	13,6	-
	Сверд- ловская	91,1	7,1	101,7	624,6	30,6	8,3	-

Продолжение табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1952	Башки- рия	112,7	6,5	167,7	781,6	1,3	21,4	-
	Чкалов- ская	119,8	7,2	159,6	1037,8	0,6	13,2	-
	Сверд- ловская	81,2	5,0	83,7	705,7	4,2	-	-
1953	Башки- рия	100,7	5,5	156,5	897,9	3,2	29,9	-
	Чкалов- ская	117,5	7,5	156,6	1190,9	1,2	11,4	-
	Сверд- ловская	79,5	7,9	87,0	750,2	65,6	6,2	-
1954	Башки- рия	93,8	20,2	215,4	1038,5	0,8	31,2	0,1
	Чкалов- ская	130,1	54,7	236,1	1529,7	-	9,6	0,1
	Сверд- ловская	94,1	32,8	119,2	901,0	93,9	8,1	-
1955	Башки- рия	125,4	27,2	269,9	1158,5	0,8	35,3	0,2
	Чкалов- ская	159,0	43,6	303,4	1557,9	-	11,2	-
	Сверд- ловская	99,1	39,0	149,0	984,9	60,2	9,3	0,2

Окончание табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1956	Башки- рия	135,0	18,9	305,7	1050,6	1,5	38,4	0,2
	Чкалов- ская	137,8	11,1	239,7	1154,0	-	11,5	-
	Сверд- ловская	119,6	53,8	171,0	1030,2	46,0	9,7	-
1957	Башки- рия	149,4	36,6	352,8	1201,1	0,9	44,8	0,2
	Орен- бургская	149,0	51,0	319,3	1537,0	-	14,5	0,3
	Сверд- ловская	117,6	44,2	168,6	1072,4	33,7	10,2	-
1958	Башки- рия	130,9	31,2	370,5	1256,3	0,7	45,5	-
	Орен- бургская	177,0	55,6	358,6	1668,0	-	18,0	-
	Сверд- ловская	115,3	53,9	188,3	1062,3	26,4	9,9	-
1959	Башки- рия	144,1	45,3	438,7	1395,4	0,5	57,7	0,2
	Орен- бургская	180,6	60,1	388,8	1876,9	-	19,7	-
	Сверд- ловская	100,2	33,8	191,8	993,4	5,0	11,6	-
1960	Башки- рия	129,1	44,5	443,2	1505,9	5,7	62,2	0,1
	Орен- бургская	148,8	55,3	416,2	1960,2	0,7	22,9	0,5
	Сверд- ловская	81,2	61,3	214,5	1117,5	8,7	11,6	

Продуктивность ЛПХ колхозников Урала в 1950-х годах

Республика, области	Годы	Показатели продуктивности:		
		удой молока на одну корову (л)	яйценоскость одной курицы (шт.)	настриг шерсти с одной овцы (кг)
Башкирия	1952	1210	67	2,8
	1955	1232	71	3,0
	1960	1416	78	2,5
Оренбургская	1952	1296	64	2,6
	1955	1213	65	2,7
	1960	1629	72	2,9
Свердловская	1952	1397	72	1,9
	1955	1572	80	2,2
	1960	1705	78	1,8

Источник: Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Приложение 14

Количество хозяйств колхозников Свердловской области, имевших скот (в процентах к общему числу хозяйств)

Виды скота	Годы					
	1940	1945	1952	1970	1980	1985
Крупный рогатый скот	80	85	64	68	56	53
в том числе коровы	72	76	55	62	50	47
Свины	20	9	49	28	16	9
Овцы и козы	68	59	52	2	2	2

Источники: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991. С. 143, 73; *Мотревич В.П.* Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 63.

**Количество хозяйств колхозников
Свердловской области, не имевших скота
(в процентах к общему числу хозяйств)**

Виды скота	Годы			
	1946	1952	1956	1960
Всех видов	9	14	4	7
Крупный рогатый скот	16	36	23	18
в том числе коров	27	45	31	27
Свиней	91	51	49	59
Овец и коз	38	48	27	21

Источники: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. Свердловск, 1991. С.143, 173; ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.2818. Л.16.

Приложение 16

**Площади посевов в хозяйствах колхозников Урала
(на одно хозяйство)**

Год	Республика, области	Площади посевов (кв. м):						
		зерно- бобовых	льна и конопли	табака и ма- хорки	карто- феля	ово- щей и бахче- вых	про- чих	всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1946	Башкирия	315	1	13	1976	86	69	2460
	Чкалов- ская	502	0	5	1598	299	45	2449
	Сверд- ловская	41	15	29	1625	166	5	1881
1947	Башкирия	381	1	10	1759	120	61	2332
	Чкалов- ская	583	5	11	1608	397	85	2689
	Сверд- ловская	40	16	26	1554	218	6	1860
1948	Башкирия	377	0	9	2003	99	65	2533
	Чкалов- ская	598	4	5	1914	238	65	2824
	Сверд- ловская	38	7	22	1781	168	4	2020

Продолжение табл. на след. стр.

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1838. Л.20,22,23. Д.2235. Л.21,23,24. Д.2670. Л.21,23,24. Д.3183. Л.14,16,17. Д.3721. Л.14,16,17. Оп.26. Д.85. Л.38,40,41. Д.224. Л.38,40,41. Д.345. Л.40-42. Д.440. Л.35-37. Д.535. Л.46-48. Д.632. Л.89-92. Д.749. Л.35-37. Д.838. Л.87-92. Д.930. Л.19,31,38.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1949	Башкирия	244	1	7	2097	60	46	2455
	Чкалов- ская	339	7	4	1997	168	116	2631
	Сверд- ловская	28	13	15	1798	123	13	1990
1950	Башкирия	220	32	12	2184	74	7	2529
	Чкалов- ская	445	77	4	1956	131	22	2635
	Сверд- ловская	33	32	14	1780	129	4	1992
1951	Башкирия	нет сведений						
	Чкалов- ская							
	Сверд- ловская							
1952	Башкирия	142	49	3	2308	80	102	2684
	Чкалов- ская	349	44	3	1563	174	159	2292
	Сверд- ловская	17	15	9	1733	84	7	1865
1953	Башкирия	125	35	6	2268	88	70	2592
	Чкалов- ская	205	33	7	1635	209	127	2216
	Сверд- ловская	13	16	6	1715	104	8	1862

Продолжение табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1954	Башкирия	132	25	5	2426	98	74	2760
	Чкалов- ская	266	18	4	1846	297	154	2585
	Сверд- ловская	14	18	5	1709	106	11	1863
1955	Башкирия	98	21	4	2403	109	83	2718
	Чкалов- ская	246	17	2	1893	317	160	2635
	Сверд- ловская	12	27	4	1806	108	11	1968
1956	Башкирия	75	12	3	2405	109	54	2658
	Чкалов- ская	217	14	3	1837	352	253	2676
	Сверд- ловская	8	17	2	1703	88	9	1827
1957	Башкирия	45	0	2	2444	123	64	2678
	Оренбург- ская	162	6	0	1883	162	195	2408
	Сверд- ловская	9	14	2	1778	87	10	1900

Окончание табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1958	Башкирия	нет сведений						
	Оренбург- ская							
	Сверд- ловская							
1959	Башкирия	29	1	3	2413	140	67	2653
	Оренбург- ская	63	4	0	1564	405	190	2226
	Сверд- ловская	4	8	1	1770	103	4	1890
1960	Башкирия	51	0	1	2193	130	71	2446
	Оренбург- ская	53	0	0	1476	408	258	2195
	Сверд- ловская	18	2	1	1660	98	15	1794

Приложение 17

**Потребление продовольственных промышленно-
товаров колхозниками Урала
(кг на 100 наличных душ в год)**

Годы	Республика, области	Хлеб	Кондитерские изделия	Копченые изделия	Рыбная	Консервы разные	Чай (г)	Водка (л)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1946	Башкирия	52,7	3,0	0,1	1,4	-	4269,6	33,5
	Свердловская	1738,3	4,6	0,8	10,4	-	243,1	121,7
	Чкаловская	581,4	1,2	0,3	3,1	-	282,9	55,3
1947	Башкирия	48,5	3,5	0,3	3,3	-	3621,3	29,8
	Свердловская	1154,2	12,3	1,6	22,0	-	132,9	91,3
	Чкаловская	786,3	3,8	0,8	4,1	-	563,1	45,6

Продолжение табл. на след. стр.

* Средние расчетные цифры (по 1-му полугодию).

** Вместе с кофе.

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.21, 37, 39, 108, 122, 124. Д.2228. Л.47-49, 65, 133, 134, 150. Д.2663. Л.31, 48, 49, 116, 133, 134. Д.3177. Л.30, 48, 49, 116, 133, 134. Д.3714. Л.16, 65, 133, 150, 151. Оп.26. Д.89. Л.31, 32, 126, 127, 174, 175. Д.357. Л.94-96. Д.443. Л.159-164. Д.536. Л.157, 158, 193-196. Д.663. Л.80, 81, 98, 230-232. Д.752. Л.46, 58, 64. Д.841. Л.28, 34, 40, 189, 195, 207. Д.933. Л.102-104, 206-208; ГАСО. Ф.1813. Оп.14. Д.914. Л.17, 18а, 27, 28. Д.1916. Л.2, 3, 5, 7, 8, 10 (расчеты автора).

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1948	Башки- рия	460,0	3,5	0,4	7,1	-	3496,4	12,3
	Сверд- ловская	1996,0	61,6	1,8	52,6	-	149,4	44,1
	Чкалов- ская	1006,1	9,7	1,5	23,1	-	269,1	24,2
1949	Башки- рия	642,9	9,5	0,6	16,7	-	7509,1	24,4
	Сверд- ловская	1552,5	92,9	3,6	87,6	-	252,0	83,1
	Чкалов- ская	1826,6	25,2	1,2	36,9	-	1013,3	36,1
1950	Башки- рия	858,0*	77,8*	2,3*	29,2*	0,1*	12985,8*	67,7*
	Сверд- ловская	2594,6	136,8	7,8	106,3	-	121,7	98,9
	Чкалов- ская	1888,0*	88,4*	4,2*	54,6	-	2313,4*	93,4*
1951	Башки- рия	нет сведений						
	Свердл- овская	2656,4	179,7	7,5	78,2	-	220,7	113,0
	Чкалов- ская	нет сведений						

Продолжение табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1952	Башки- рия	479,2	180,3	1,3	51,2	0,7	10119,7	80,9
	Сверд- ловская	3557,4	227,6	11,1	99,3	7,2	379,1	116,5
	Чкалов- ская	929,0	225,1	5,5	66,6	1,9	347,7	133,8
1953	Башки- рия	нет сведений						
	Сверд- ловская	2475,0	259,2	15,5	94,3	6,8	723,8	166,5
	Чкалов- ская	нет сведений						
1954	Башки- рия	505,5	338,3	6,2	53,6	1,4	36640,0	138,0
	Сверд- ловская	1856,3	324,8	17,9	178,4	12,5	1042,8	231,5
	Чкалов- ская	379,0	302,4	13,6	165,4	5,7	6108,9	304,7
1955	Башки- рия	1208,4	298,5	7,1	79,1	5,2	22919,9**	161,2
	Сверд- ловская	3321,8	334,6	28,0	224,2	17,4	1047,7	289,7
	Чкалов- ская	963,8	272,0	19,3	169,6	9,1	3491,9**	302,9

Продолжение табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1956	Башки- рия	1711,6	328,5	8,7	83,9	5,5	39716,8**	158,9
	Сверд- ловская	3535,8	380,6	28,3	184,2	2,7	1024,4	299,2
	Чкалов- ская	945,2	305,5	18,6	207,6	11,4	3805,3**	297,0
1957	Башки- рия	1559,2	393,8	6,8	86,0	6,2	38063,6**	178,5
	Сверд- ловская	2420,5	449,4	32,5	160,0	4,3	1175,1	371,4
	Орен- бург- ская	426,6	402,9	22,6	174,3	13,3	4566,6**	408,6
1958	Башки- рия	1264,6	454,8	9,7	93,9	5,0	37805,5**	155,6
	Сверд- ловская	2694,1	501,5	40,9	178,9	4,7	1184,4	348,8
	Орен- бург- ская	438,8	415,9	26,3	167,0	27,1	4175,4**	363,4

Окончание табл. на след. стр.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1959	Башки- рия	1045,2	637,1	14,3	99,4	9,7	450618,0**	184,8
	Сверд- ловская	3014,8	470,1	64,9	176,7	19,6	1477,3	319,9
	Орен- бург- ская	407,2	531,5	37,3	166,3	29,8	5203,2**	406,9
1960	Башки- рия	821,6	610,7	20,3	98,3	12,8	49265,1**	189,0
	Сверд- ловская	2758,4	413,9	101,0	254,7	111,6	1790,2	394,0
	Орен- бург- ская	317,1	550,7	44,3	226,7	48,2	5064,1**	441,9

Денежные доходы колхозников Свердловской области (рублей на 100 наличных душ в год)

Го- ды	Получено зарплаты		Получено от поставок:		Получено от продаж:			Пен- сии и раз- лич- ные посо- бия	Все- го дохо- дов
	из кол- хоза и МТС	за работу по найму	про- дук- тов	скота и птицы	ско- та, птицы, пчел	прод- ук- тов с/х	про- чих про- дук- тов		
1946	11787	13450	709	151	18030	66441	768	8890	141972
1947	15323	15982	946	318	18289	63195	1252	11095	153452
1948	12770	19109	1591	996	13177	29959	718	10689	101262
1949	10599	19941	1774	1108	11752	33930	816	11816	104866
1950	9548	21033	1818	1126	9728	31800	973	11937	102228
1951	9144	25266	1835	1642	10831	19654	1292	12433	108796
1952	17280	32822	1862	1549	7595	35630	1570	14229	126437
1953	20707	31671	2118	2414	10265	42648	1510	15178	151628
1954	41261	36374	1174	848	13590	49831	2135	23639	180581
1955	н/св	39460	2249	н/св	16522	49429	н/св	23717	204457
1956	58238	37189	1695	1676	12675	50129	2356	16303	222028
1957	64843	35724	1889	819	13713	58040	3645	22919	242924
1958	78321	39416	-	-	25392	55028	3100	21768	267194
1959	106910	40632	-	-	24089	38715	2437	18840	276768
1960	127299	45536	-	-	21618	45634	8084	17964	303561

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.20,21. Оп.14. Д.47. Л.4,11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5,13. Д.657. Л.13,25. Д.914. Л.18,19. Д.1403. Л.6,7. Д.1916. Л.4,9. Д.2236. Л.57,67. Д.2743. Л.31. Д.2744. Л.18. Д.2818. Д.95,96. Д.2756. Л.85,86. Д.2936. Л.2-21 (расчеты автора).

Приложение 19

**Денежные расходы колхозников Свердловской области
(рублей на 100 наличных душ в год)**

Годы	Куплено:			Уплачено:			Всего расходов
	скота, птиц, пчел	различных продуктов	промотоваров (в т.ч. хлеба)	сельхозналога	прочих налогов и сборов	за облигации госзаимов	
1946	7782	20421	67558	8074	2807	4593	140889
1947	10723	18930	66715	8489	2819	4600	161949
1948	5748	12590	41021	12772	2895	3622	98610
1949	5465	9095	48428	14057	3736	3813	105109
1950	5270	9822	48901	11909	3476	3307	101761
1951	5048	10126	53733	12880	3625	2955	108832
1952	3971	13168	65639	12976	4446	4642	129048
1953	7258	12459	83341	9073	3740	2391	149185
1954	8563	14554	110420	10456	10456	2593	175001
1955	9565	н/св	126712	11794	11794	6413	199076
1956	6440	17368	121390	5712	4913	6584	222998
1957	9191	20215	131927	5415	4447	2881	238810
1958	10685	23296	148736	5368	4582	170	266200
1959	8047	29660	153031	5374	4900	88	279210
1960	9042	37193	168043	5172	4025	-	303799

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.20,21. Оп.14. Д.47. Л.4,11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5,13. Д.657. Л.13,25. Д.914. Л.18,19. Д.1403. Л.6,7. Д.1916. Л.4,9. Д.2236. Л.57,67. Д.2743. Л.31. Д.2744. Л.18. Д.2818. Д.95,96. Д.2756. Л.85,86. Д.2936. Л.2-21.

**Потребление основных непромышленных продуктов
питания колхозниками Свердловской области
(кг на 100 наличных душ в год)**

Годы	Зернобо- бовые сырые и перерабо- танные	Карто- фель	Овощи и бах- чевые	Мясо- про- дукты	Моло- копро- дукты	Яйца (шт.)	Фрукты и ягоды свежие и суше- ные
1946	12363	43838	6685	1448	22135	3352	159
1947	10784	46976	6452	1368	22093	2948	171
1948	13937	39048	6688	1028	21797	2972	225
1949	16698	39922	6312	1451	19518	3808	54
1950	16187	32389	5045	1631	18835	4495	169
1951	17477	28932	5716	1605	18704	6885	186
1952	17224	18343	3715	1218	15655	6131	376
1953	18753	17048	4150	1800	15596	7659	215
1954	н/св	14406	6264	2243	17973	9405	307
1955	н/св	17604	5844	2520	19092	12000	372
1956	17607	17137	5236	2874	20546	11786	358
1957	18251	15904	6483	2988	22785	13821	414
1958	18029	14246	4842	3390	21808	15300	228
1959	17411	12996	5284	2670	23326	15226	489
1960	17067	15569	5130	2675	23282	15888	373

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9-12. Оп.14. Д.47. Л.2,3,9,10. Д.290. Л.34,35,37,38. Д.401. Л.1,2,18,19. Д.657. Л.11,12,23,24. Д.914. Л.17,18а,27,28. Д.1403. Л.1,2,4,5,12,34,322,323. Д.1916. Л.2,3,5,7,8,10. Д.2236. Л.58,60,69,70. Д.2743. Л.20. Д.2744. Л.16,18,19. Д.2818. Л.106,107. Д.2920. Л.78,209,210. Д.2936. Л.2,4,5,7,9,11,12,14,15,17,19,21. Д.3009. Л.62,63,64.

Приложение 21

Покупка продуктов питания колхозниками Свердловской области (кг на 100 наличных душ в год)

Годы	Зернобобовые сырые и переработанные	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды свежие и сушеные	Мясо-продукты	Молоко и молоко-продукты	Яйца (штук)
1946	736	767	80	2,7	92	719	120
1947	1132	1104	142	9	153	977	105
1948	1206	1650	184	14	103	1112	189
1949	1053	1234	170	12	128	1004	367
1950	1090	1221	190	21	151	1191	267
1951	1367	853	153	23	115	1155	290
1952	1778	879	158	33	189	1270	473
1953	1504	808	454	13	209	1171	435
1954	нет сведений						
1955	нет сведений						
1956	2190	1055	607	56	145	758	416
1957	2991	724	610	107	184	1216	558
1958	3046	915	619	152	199	737	581
1959	6134	427	560	122	248	896	568
1960	8927	689	1036	133	289	1063	717

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.9-12. Оп.14. Д.47. Л.2, 3, 9, 10. Д.290. Л.34, 35, 37, 38. Д.401. Л.1, 2, 18, 19. Д.657. Л.11, 12, 23, 24. Д.914. Л.17, 18а, 27, 28. Д.1403. Л.1, 2, 4, 5, 12, 34, 322, 323. Д.1916. Л.2, 3, 5, 7, 8, 10. Д.2236. Л.58, 60, 69, 70. Д.2743. Л.20. Д.2744. Л.16, 18, 19. Д.2818. Л.106, 107. Д.2920. Л.78, 209, 210. Д.2936. Л.2, 4, 5, 7, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 19, 21. Д.3009. Л.62, 63, 64.

**Приобретение и покупка непродовольственных
промтоваров колхозниками Свердловской области
(на 100 наличных душ в год)**

Годы	Ткани (м)	Обувь (пар)	Чулки и носки (пар)	Спички (коробок)	Мыло (кг):		Керосин (л)
1946	210,5	74	20	661	55	1,2	57
1947	363	80	21	626	60	2,6	65
1948	581	85	30	841	64	7,2	57
1949	670	103	53	1514	109	4,2	79
1950	750	106	66	1993	127	4,6	107
1951	915	119	79	2411	146	5,4	137
1952	883	124	100	1290	151	5,9	146
1953	1278	159	146	2721	185	8,1	182
1954	1649	187	н/св	3498	224	12,5	241
1955	1526	190	н/св	н/св	237		н/св
1956	1295	186	224	344	256	16	311
1957	1331	181	227	351	282	16	335
1958	1272	200	237	355	309	18	286
1959	1280	199	246	368	307	19	276
1960	1181	225	263	н/св	313	19	197

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.26. Д.34. Л.287,288; ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.11,12,20,21. Оп.14. Д.47. Л.4.11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5,13. Д.657. Л.13,25. Д.914. Л.18,19. Д.1403. Л.6,7. Д.1916. Л.4,9. Д.2236. Л.58,69. Д.2743. Л.76. Д.2744. Л.18. Д.2796. Л.85,86. Д.2858. Л.5. Д.2920. Л.211. Д.3009. Л.65.

Приложение 23

**Покупка кормов колхозниками Свердловской области
(кг на 100 наличных душ в год)**

Годы	Сено всякое:				Солома яровая и озимая:			
	у кол-хоза	у гос. и кооп. орган.	у граждан	всего	у кол-хоза	у гос. и кооп. орган.	у граждан	всего
1946	39	17	2313	2369	6	-	217	223
1947	115	-	1820	1935	-	-	438	438
1948	12	-	719	731	51	-	408	459
1949	-	52	1942	1994	23	29	415	467
1950	344	32	1430	1806	15	47	345	407
1951	-	-	1346	1346	-	-	431	431
1952	118	6	2667	2791	341	6	290	637
1953	-	-	2442	2442	33	22	813	868
1954	нет сведений							
1955	нет сведений							
1956	84	22	2115	2221	770	27	1018	1815
1957	105	-	2498	2603	989	12	770	1771
1958	213	-	2330	2543	603	-	810	1413
1959	1944	-	2805	4749	2871	27	494	3392
1960	3765	6	1981	5752	3074	11	354	3439

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.11,12,20,21. Оп.14. Д.47. Л.4,11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5,13. Д.657. Л.13,25. Д.914. Л.18,19. Д.1403. Л.6,7. Д.1916. Л.4,9. Д.2236. Л.58,69. Д.2743. Л.76. Д.2744. Л.18. Д.2796. Л.85,86. Д.2858. Л.5. Д.2920. Л.211. Д.3009. Л.65.

**Продажа продуктов сельского хозяйства колхозниками
Свердловской области (кг на 100 наличных душ в год)**

Годы	Зерновые сырые и перерабо- танные	Карто- фель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды свежие	Мясо- продук- ты	Яйца (шт.)	Молоко и моло- копро- дукты
1946	545	5058	649	17	328	704	400
1947	435	2598	545	20	276	514	491
1948	881	4390	1670	8	384	1053	728
1949	1697	6105	925	14	662	1281	664
1950	1788	4938	1513	18	723	1433	822
1951	2300	6496	2017	22	439	2238	1001
1952	3036	5106	860	36	471	2385	1291
1953	5716	6308	2266	94	422	н/св	2421
1954	6917	9565	3332	66	484	н/св	2383
1955	4029	15506	2265	н/св	н/св	3002	2720
1956	4785	16658	1635	32	698	2880	2315
1957	4648	16098	2327	124	1158	2941	2739
1958	4587	9798	558	40	1023	3071	3152
1959	3797	13987	914	27	365	2696	1879
1960	6547	13461	672	27	390	2302	2287

Источники: ГАСО. Ф.1813. Оп.1. Д.518. Л.11,12,20,21. Оп.14. Д.47. Л.4.11. Д.290. Л.39. Д.401. Л.5,13. Д.657. Л.13,25. Д.914. Л.18,19. Д.1403. Л.6,7. Д.1916. Л.4,9. Д.2236. Л.58,69. Д.2743. Л.76. Д.2744. Л.18. Д.2796. Л.85,86. Д.2858. Л.5. Д.2920. Л.211. Д.3009. Л.65.

Приложение 25

**Денежные расходы колхозников Башкирии
(рублей на 100 наличных душ в год)**

Годы	На по­купку скота, птицы, пчел	На по­купку продуктов сельского хозяйства, лесо­поль­ зова­ния, охоты и рыболовства	На по­купку хлеба и хлебо­ булочных изделий	На по­куп­ ку пром­ товаров (кроме хлеба)	Прочие расходы, включая налоги	Всего расхо­ дов
1946	14393	39219	192	43846	9645	117846
1947	12498	47069	178	39333	9238	123084
1948	6458	19965	1192	20306	12419	69644
1949	5239	17883	1503	24401	12877	68975
1950	4903	16013	2396	28812	13515	74382
1951	нет сведений					
1952	6650	14039	6305	41133	12315	95074
1953	7500	14750	11078	45750	7500	95750
1954	10914	14721	6475	63959	5329	120558
1955	11168	18528	18310	65228	5335	132995
1956	9231	14615	22449	69231	5385	135897
1957	9763	8971	24132	78892	5013	155145
1958	11200	11467	20192	86400	5333	160000
1959	10933	14133	17933	100000	5067	179468
1960	10638	21543	15665	109840	5487	196809

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.56-141. Д.2228. Л.65,150. Д.2663. Л.65,150. Д.3177. Л.65,1501. Д.3714. Л.65,167; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

**Потребление основных непромышленных продуктов
питания колхозниками Башкирии
(кг на 100 наличных душ в год)**

Годы	Зернобобо- вые сырые и перера- ботанные	Карто- фель	Овощи и бахче- вые	Мясо- про- дукты	Молоко- продук- ты	Яйца (шт.)	Фрукты и ягоды свежие и суше- ные
1946	8789	58040	4412	859	18237	1605	141
1947	7633	45262	5164	1015	19247	1626	132
1948	7974	52548	4895	1064	19973	1545	106
1949	7475	62839	2545	1448	20213	1826	35
1950	10037	51071	2847	нет сведений			
1951	нет сведений						
1952	18080	28896	1764	1329	10298	4700	223
1953	17436	24181	2628	1659	10557	5600	148
1954	18958	21576	4823	1915	12432	4700	197
1955	18543	28945	3242	2530	12785	8900	342
1956	18406	30068	3846	2691	14260	7800	410
1957	19442	28223	4032	2976	14367	10530	600
1958	19050	23738	3285	3251	14165	10900	537
1959	19233	21994	3758	3351	15558	13620	393
1960	18706	22457	3957	3507	15759	15600	423

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.21, 39, 108, 124. Д.2228. Л.48, 65, 133, 150. Д.2663. Л.31, 48, 116, 133. Д.3177. Л.33, 48, 116, 133. Д.3714. Л.16, 65, 133, 150; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Приложение 27

**Покупка продуктов питания колхозниками Башкирии
(кг на 100 наличных душ в год)**

Годы	Зернобобовые сырые и перерабо- танные	Карто- фель	Овощи и бахче- вые	Мясопро- дукты	Молоко- продук- ты	Яйца (шт.)
1946	2233	3133	128	49	40	107
1947	1216	1766	108	68	133	81
1948	1433	3202	74	84	71	130
1949	2325	4551	99	125	252	154
1950	2178	3312	131	нет сведений		
1951	нет сведений					
1952	2793	853	276	125	29	189
1953	3361	1128	350	134	46	263
1954	3663	1173	581	132	80	347
1955	3235	1581	559	157	98	389
1956	3817	1232	541	138	92	286
1957	4457	776	544	137	40	626
1958	5378	733	372	144	74	738
1959	7421	782	557	143	118	435
1960	12735	680	474	123	129	454

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.21,39,108,124. Д.2228. Л.48,65,133,150. Д.2663. Л.31,48,116,133. Д.3177. Л.33,48,116,133. Д.3714. Л.16,65,133,150; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

**Приобретение и покупка непродовольственных
промтоваров колхозниками Башкирии
(на 100 наличных душ в год)**

Годы	Ткани, м	Обувь, пар	Чулки и носки, пар	Мыло, кг:		Керосин, л
				хозяйст- венное	туалет- ное	
1946	97	210	8	34	0,2	97
1947	156	179	11	38	0,3	121
1948	315	191	12	49	2,0	128
1949	401	196	17	66	1,3	145
1950	577	194	26	98	3,0	201
1951	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св
1952	805	177	52	115		241
1953	970	148	73	137		328
1954	1256	162	107	176		428
1955	1142	160	127	204		463
1956	1021	149	118	206		540
1957	1053	164	132	241		615
1958	1003	155	147	263		661
1959	1072	163	152	281		692
1960	1072	165	149	310		683

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54,139. Д.2228. Л.66,151. Д.2263. Л.66,151. Д.3177. Л.66, 151. Д.3714. Л.66,168; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Приложение 29

**Денежные доходы колхозников Оренбургской области
(рублей на 100 наличных душ в год)**

Годы	Зарплата в колхозе	Зарплата в МТС	За проданные скот, птицу, пчел	Выручено от продажи продуктов с/х, леса, охоты и рыболовства	Всего доходов
1946	5413	1500	29301	49113	119977
1947	2907	1778	33836	59525	140770
1948	4657	2218	18651	29230	83075
1949	4579	1068	13033	21887	74253
1950	6091	1605	12857	28390	84281
1951	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св
1952	9371	6282	14216	36191	111947
1953	22863	9711	16987	34782	133523
1954	44413	18761	24309	38435	179033
1955	36125	19425	21569	42754	172413
1956	47856	17878	18062	37330	177935
1957	74193	11763	27741	40490	222694
1958	82121	2923	42295	43502	233881
1959	124764	17	50622	41496	276969
1960	147447	-	41948	37506	287485

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54-139. Д.2228. Л.66,151. Д.2263. Л.66,151. Д.3177. Л.66, 151. Д.3714. Л.66,168; Текущий архив Госкомстата РФ.Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

**Денежные расходы колхозников Оренбургской области
(рублей на 100 наличных душ в год)**

Годы	Куплено:			Прочие расходы, включая налоги	Всего расходов
	скота, птицы, пчел	различных продуктов	промтоваров (кроме хлеба)		
1946	9576	35047	46006	26916	117545
1947	12035	51677	46497	35274	145483
1948	5891	19593	26548	28847	80879
1949	4242	18180	24257	27183	73861
1950	4584	12817	34709	29319	81427
1951	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св
1952	7740	12477	54563	36440	111220
1953	9705	12372	70021	33682	125780
1954	13439	13765	105219	42809	175231
1955	9512	19610	90994	51080	171195
1956	11600	14323	93430	53791	173144
1957	12244	12970	118936	69931	214061
1958	12510	13363	130028	95360	251260
1959	12501	16638	157810	100685	287633
1960	12349	26127	177665	66534	282675

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54-139. Д.2228. Л.66,151. Д.2263. Л.66,151. Д.3177. Л.66, 151. Д.3714. Л.66,168; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Приложение 31

**Потребление продуктов питания колхозниками
Оренбургской области (кг на 100 наличных душ в год)**

Годы	Зерно- бобовые сырые и перерабо- танные	Карто- фель	Овощи и бахче- вые	Мясо- про- дукты	Моло- копро- дукты	Яйца (шт.)	Фрукты и ягоды свежие и суше- ные
1946	11839	32517	14085	1505	19393	3744	82
1947	9604	33005	12597	1302	23451	2850	165
1948	11207	3595	14444	1365	12076	3371	88
1949	11568	30461	8685	1403	20277	3081	55
1950	14473	24296	6876	1330	19960	н/св	н/св
1951	нет сведений						
1952	20051	9948	7646	1677*	13143	8100	146
1953	20096	10920	10642	1866*	14487	10700	105
1954	19405	11052	12194	2411*	16594	15570	84
1955	19741	12213	9808	3281*	16551	13300	123
1956	19543	12837	10960	2843*	19937	11370	164
1957	19767	14008	12143	2765*	21458	16710	214
1958	18982	13186	11741	3331*	22926	18300	243
1959	18736	13874	9355	3588*	23107	21890	222
1960	18479	13371	11649	3656*	23507	22890	239

* Включая колбасу в пересчете на мясо.

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.20,37,107,122. Д.2228. Л.32,49,117,134. Д.2663. Л.32,49,117,134. Д.3177. Л.32,49,117,134. Д.3714. Л.32,66,117,134. Д.3177. Л.32,49,117,134. Д.3714. Л.32,66,134,151. Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Покупка продуктов питания колхозниками Оренбургской области (кг на 100 наличных душ в год)

Годы	Зернобобовые сырые и переработанные	Картофель	Мясопродукты
1946	2573	1142	91
1947	2430	1343	98
1948	2192	1915	114
1949	3284	1810	115
1950	2861	1322	н/св
1951	н/св	н/св	н/св
1952	2403	487	179
1953	3457	514	189
1954	2679	772	196
1955	2488	943	207
1956	2917	1177	188
1957	2661	750	214
1958	3169	820	194
1959	7616	602	221
1960	21869	690	185

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.20,37,107,122. Д.2228. Л.32,49,117,134. Д.2663. Л.32,49,117,134. Д.3177. Л.32,49,117,134. Д.3714. Л.32,66,117,134. Д.3177. Л.32,49,117,134. Д.3714. Л.32,66,134,151; Текущий архив Госкомстата РФ.Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Приложение 33

Продажа продуктов питания колхозниками Оренбургской области (кг на 100 наличных душ в год)

Годы	Зернобобовые сырые и переработанные	Картофель	Мясопродукты
1946	2573	1142	91
1947	2430	1343	98
1948	2192	1915	114
1949	3284	1810	115
1950	2861	1322	н/св
1951	н/св	н/св	н/св
1952	2403	487	179
1953	3457	514	189
1954	2679	772	196
1955	2488	943	207
1956	2917	1177	188
1957	2661	750	214
1958	3169	820	194
1959	7616	602	221
1960	21869	690	185

* Данные 1952-го года.

Источники: Бакунин А.В., Денисевич М.Н. Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30–80-е годы). Свердловск, 1990. С.57; РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.20,37,107,122. Д.3714. Л.32,66,134, 151.

**Приобретение и покупка непродовольственных
промтоваров колхозниками Оренбургской области
(на 100 наличных душ в год)**

Годы	Ткани (м)	Обувь (пар)	Чулки и носки (пар)	Мыло (кг):	
				хозяйст- венное	туалет- ное
1946	116	35	5	36	0,4
1947	167	49	8	50	1,1
1948	396	48	21	56	3,7
1949	367	49	19	94	2,8
1950	623	76	41	126	3,0
1951	нет сведений				
1952	846	93	77	160	
1953	1093	120	111	187	
1954	1554	152	144	253	
1955	1254	133	154	249	
1956	1152	128	162	257	
1957	1288	163	189	300	
1958	1244	161	203	344	
1959	1301	181	215	343	
1960	1361	186	227	380	

Источники: РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.1830. Л.54,139. Д.2228. Л.66,151. Д.2663. Л.66,151. Д.3177. Л.66,151. Д.3714. Л.66,168; Текущий архив Госкомстата РФ. Бюджетный отдел. Динамические ряды бюджетов колхозников.

Список сокращений

- ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
ГУЛАГ – Главное управление лагерей.
ЛПХ – личное подсобное хозяйство.
КРС – крупный рогатый скот.
МТС – машинно-тракторная станция.
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.
РГАЭ – Российский государственный архив экономики.
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия.
СНК – Совет Народных Комиссаров.
ЦГАООРБ – Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан.
ЦГИАРБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.
ЦДННОО – Центр документации новейшей истории Оренбургской области.
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Издательство Гуманитарного университета ПРЕДЛАГАЕТ

Салмин Н.А.

Интернационализм в действии: Локальные войны и вооруженные конфликты с участием советского компонента: военного, военно-технического, экономического (1950 – 1989): В 2 ч. Ч. 1. 2001. 316 с. (Приложения, карты.)

ISBN 5-901527-11-9

Россия и Советский Союз в локальных войнах и вооруженных конфликтах XX столетия: Научная конференция, проведенная Гуманитарным университетом, Уральским государственным педагогическим университетом, Свердловским областным союзом офицеров запаса, Муниципальным музеем Памяти воинов-интернационалистов «Шурави» 13 – 14 апреля 2002 года: Доклады / Редкол.: В.О.Лобовиков и др. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета. – 2002. – 276 с. (55 илл.)

ISBN 5-901527-12-7

ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. Редкол.: В.Б.Белолугов (глав. ред.), А.П.Горст (зам. глав. ред.), В.Л.Берсенёв и др. – Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета; Издательство «Университет», – 2000 № 1 (1). – 152 с.

ISSN 1608-8239

ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. Редкол.: В.Б.Белолугов (глав. ред.), В.Л.Берсенёв и др. – Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета; Издательство «Университет», – 2001. № 1 (2). – с. 188. (92 илл.)

ISSN 1608-8239

Глобализация: реальность, противоречия, перспективы: V ежегодная науч.-практ. конф., проведенная Гуманитарным университетом (г. Екатеринбург) 15 мая 2002 года: Тез. докл. / Редкол.: Л.А.Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета. – 2002. Т. 1. Глобалистские и антиглобалистские тенденции в обществе и культуре России. Личность эпохи новых коммуникационных технологий и глобализации: социально-психологические проблемы. – 308 с.

ISBN 5-901527-18-6

Глобализация: реальность, противоречия, перспективы: V ежегодная науч.-практ. конф., проведенная Гуманитарным университетом (г. Екатеринбург) 15 мая 2002 года: Тез. докл. / Редкол.: Л.А.Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета. – 2002. Т. 2. Глобализация – право – права человека. Влияние глобализации на экономику России. – 268 с.

ISBN 5-901527-19-4

Информация для читателей

По вопросам приобретения монографии
В.Н.Мамяченкова, а также другой предлагаемой
литературы обращайтесь в издательство
Гуманитарного университета (литература может быть
выслана наложенным платежом).

620086,
г. Екатеринбург
ул. Посадская, 40,
корп. 3, ком. 28.

(3432) 295-857

(3432) 230-360

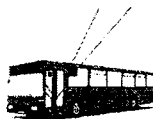
pablau@etel.ru

1, 26
ост. «Белореченская»

12, 14, 18, 35, 41
ост. «Посадская»

2, 3, 7
ост. «Посадская»

Для оформления обложки использованы фотографии:
Великая Отечественная: Фотоальбом. М.: Планета, 1984. С. 248, 249.

Научное издание

Владимир Николаевич МАМЯЧЕНКОВ

РОКОВЫЕ ГОДЫ

**Материальное положение колхозного крестьянства
Урала в послевоенные годы (1946–1960)**

**Редактор С.В.Фельдман
Оригинал-макет В.Б.Белолугов
Дизайн обложки В.Б.Белолугов**

Подписано в печать 10.10.2002. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 12,61. Усл. печ. л. 18,14.
Тираж 600. Заказ № 422

Издательство Гуманитарного университета
620086 Екатеринбург, ул. Посадская, 40, корп. 3
Лицензия № 0327 от 13.10.2000.

Издательство Уральского университета
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001.

Отпечатано в ООО «ИРА УТК».
620219, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42.